

Джон Стейнбек

Русский дневник

Kiev
Stalingrad
Tbilisi Moscow
Batumi 1947

Джон Стейнбек

Русский *дневник*

Москва
"Мысль"
1989

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

John Steinbeck

The Russian Journal

New York, 1948

Перевод с англ. Е. Р. Рождественской
Предисловие Л. А. Жуховицкого

На 2-й стр. обложки –
Москва, 1947 г. На Красной площади

Фото Д. Н. Бальгерманца

На 3-й стр. обложки –
На Страстной площади (пл. Пушкина), 1947 г.
Фото Д. Н. Бальгерманца

Стейнбек Дж.

С79 Русский дневник/Пер. с англ. Е. Р. Рождественской;
Предисл. Л. А. Жуховицкого. – М.: Мысль, 1990. –
142, [2] с.
ISBN 5-244-00105-1

Книга известного американского писателя Джона Стейнбека "Русский дневник" написана в 1947 г. после его путешествия по Советскому Союзу. Очень точно, с деталями быта и подробностями встреч Стейнбек воспроизводит свое путешествие по стране (Москва – Сталинград – Украина – Грузия).

С 0503020600-120 Без объявления
004 (01) -90

ББК 63.3 (2) 23

Предисловие

.....

Летом 1947 года в Москву прилетел великий американский писатель, классик XX века Джон Стейнбек. Время было более чем сложное: всего два года назад окончилась жесточайшая мировая война, всего год назад началась война холодная. Слишком многое в мире было неясно: вчерашние союзники стали противниками и готовы были превратиться во врагов; Сталин казался бессмертным; военные, вместо того чтобы побросать оружие, играли мускулами; ядерные программы будущих сверхдержав набирали скорость и мощь, и вряд ли кто рискнул бы предсказать, чем все это кончится.

Не все было ясно и с самим Стейнбеком — ему шел всего сорок шестой год, "Гроздь гнева" уже обошли мир, но до "Зимы тревоги нашей" было далеко, до Нобелевской премии еще дальше, и размышления о собственном величии писателя скорее всего не волновали. И в нашей стране тогда было не совсем ясно, как относиться к этому весьма заметному литературному явлению. Трехтомный Энциклопедический словарь, вышедший несколькими годами позднее, уделил американскому писателю ровно десять строк — столько же, сколько соседу по букве драматургу Анатолию Софронову, с той разницей, что у Софронова отмечались только достоинства, тогда как у Стейнбека упор делался скорее на недостатки.

Идея книжки-репортажа возникла случайно и в случайном месте: в баре отеля "Бедфорд" в Нью-Йорке, где Стейнбек, опять-таки ненароком, столкнулся с фотографом Робертом Капой. К счастью, замысел не утонул в разговорах, писатель и фотограф оказались людьми действия. После целого ряда сложностей они съездили в СССР, побывали в Москве, на Украине, в Сталинграде, в Грузии. "Русский дневник" вышел в свет в США в 1948 году. Сейчас, спустя сорок лет, выходит у нас. Писать это предисловие интересно, но нелегко. Стейнбек — честный и точный художник, остроумный рассказчик, просто глубокий, умный человек. Плюс к тому он еще и американец. Разве не любопытно его глазами увидеть эпоху, уже столь далекую от нас?

Разумеется, любопытно. Но вот возможно ли? Ведь сегодня я, читающий, знаю о послевоенном времени в стране куда больше, чем знал Стейнбек. И даже о том, что автор видел своими глазами, мне известно многое, что для него было скрыто.

Вот в украинском колхозе американскому гостю задают роскошный пир в обычном крестьянском доме. И в другой деревне — пир, и в другой области — пир, и в другой республике — пир. Но я-то сегодня знаю, откуда брались эти скатерти-самобранки. И знаю, какая нищета, какая голодуха скрывалась за спиной этих выставочных роскошеств.

Как же совместить два этих взгляда — тогдашний Стейнбека и сегодняшний мой?

Два взгляда совместить трудно. А ведь их не два, их, как минимум, три. Я ведь жил тогда, учился в школе и был не так уж мал, даже в комсомол вступил на год раньше, чем полагалось по уставу, — Тимирязевский райком Москвы то ли проглядел, то ли пожалел тринадцатилетнего. И мой тогдашний взгляд на время тоже существует, живет помимо меня, не смешиваясь с моим теперешним горьким знанием.

Непросто совместить три разных взгляда на одну и ту же эпоху. Но они придают картине, нарисованной Стейнбеком, дополнительную глубину и объем.

Сорок седьмой год... Вехи той поры стойко держатся в памяти. Уже состоялся поразивший воображение Парад Победы — но карточки еще не отменены. Уже продают с лотков молочное мороженое — но каждую пачку еще режут на четыре части, ибо целая рядовому покупателю не по губам. Уже прошли на восток эшелоны с выжившими узниками концлагерей, прямиком из гитлеровского в сталинский плен — еще не началась новая волна арестов, и люди по ночам не вздрагивают от дверного звонка. Уже разоблачены и дружно осуждены коллегами Зошенко и Ахматова, еще не началась шумная, грязная, удивительно бестолковая кампания против неведомых "космополитов", и городские булки еще именуются французскими, а папиросы "Север" непатриотично называются "Норд". Уже функционируют под Москвой на арендованных дачках тесные, полуголодные, но такие желанные пионерские лагеря — еще впереди жестокая, гривенник за рубль, денежная реформа, предваренная слухами, нарастающей паникой, длиннющими очередями в банях и парикмахерских, тотально опустошенными прилавками — хотя что там было покупать...

В зеркале "Русского дневника" отразились лишь отдельные черточки этого мира. Но не будем упрекать автора за узость взгляда: ведь дневник вел не историк, не политик, не экономист, это записки писателя, художника. И самое время вспомнить мудрый пушкинский принцип — судить художника по законам, им самим для себя принятым. Закон же, принятый для себя Стейнбеком в этой работе, был прост и строг: говорить лишь о том, что видел своими глазами. Нечто вроде свидетельских показаний на суде — правда, вся правда, только правда и ничего, кроме правды.

В соблюдении этого принципа известная ограниченность "Русского дневника". И в нем же его непреходящая ценность: на суде Истории этому свидетелю можно верить.

Некоторые наблюдения автора покажутся не слишком убедительными, но не будем подвергать сомнению их достоверность, лучше попытаемся понять. Ну, хотя бы то, что москвичи показались американскому писателю угрюмыми, почти неулыбающимися людьми, а украинцы и грузины, наоборот, — веселыми и жизне-

радостными. Конечно же, в реальности это было не так: в ту труднейшую, хотя и полную надежд пору и жизнерадостность, и угрюмость достаточно равномерно распределялись по всей стране. Но Стейнбек отнюдь не лукавит, он видел именно то, что описал. Секрет прост: по Москве он ходил сам, и город открывался ему в будни. А по Украине и Грузии его возили и водили, и люди, с которыми он общался, были заранее готовы встретить важного гостя — а кто же встречает гостя с угрюмым лицом!

Кое-что в книжке вызовет читательское сопротивление, даже протест. Но и тут не будем торопиться: осудить легче, чем понять.

Стейнбеку, конечно, не мог не броситься в глаза безудержный культ Сталина. Он и написал об этом откровенно и с юмором. Очевидная неприязнь Стейнбека к культу Сталина сегодня покажется кому-то слишком мягкой, а юмор, возможно, вызовет даже раздражение. Ведь гипсовые бюсты замешены на крови. Но будем объективны. Если считать "Русский дневник" рассказом о стране, в нем много неточного, но ведь это скорее рассказ о том, как выглядела "потемкинская деревня", выстроенная для либеральных зарубежных визитеров и в течение десятилетий функционировавшая достаточно успешно.

Книга Стейнбека доброжелательна и в общем добродушна. Но не случайно она не публиковалась у нас сорок лет. Независимый свидетель неудобен любой идеологической цензуре. Почему "Русский дневник" нельзя было публиковать при Сталине и Брежневе — понятно. Ну а при Хрущеве почему?

Увы, знаменитый американец позволил себе с юмором отзываться не только о культе Сталина, но и, так сказать, о культе Ленина.

Скажу откровенно, для меня стейнбековское описание Музея Ленина было достаточно неожиданным. Я давно в нем не бывал и воспринимал его как данность: такой есть, потому что таким и должен быть. После "Русского дневника" в последнем тезисе я усомнился.

Когда-то Маяковский опасался, что Ленин будет "конфетной красотой оболган". Поэт тревожился не зря — оболгали. Человека превратили в памятник, в символ, в икону, пресловутый "венчик" все больше заслонял "ленинский огромный лоб". У этого оболганного Ленина не было ни характера, ни сомнений, ни ошибок, ни судьбы, ни, что, может быть, самое страшное, идей: ведь ленинскими идеями именовалось то, что позволяло очередному временщику усидеть на вершине аппаратной пирамиды.

Ставя памятник великому человеку (а музей ведь тоже памятник), каждая эпоха ставит памятник и себе. Пару лет назад, приехав в Ульяновск, я тщетно искал родину Владимира Ильича. Зачем понадобилось практически уничтожить исторический центр города и возвести стеклянно-бетонные кубы, не имеющие прошлого? Не в этом городе родился Ленин, не по этим улицам ходил в гимназию, не на эти дома смотрел. Брежневская эпоха увековечила в Ульяновске не Ленина, а себя.

Любой музей рассказывает о том, кому посвящен, но не меньше и о тех, кто его создавал. Так что, описывая Музей Ленина, Стейнбек, строго говоря, подтрунивает над нами.

И правильно делает. Как сказал когда-то один очень умный человек, то, что разрушает пафос, восстанавливает ирония.

Рискну предположить, что насмешка над музейным благолепием самого Владимира Ильича отнюдь не обидела бы: ведь похвалил он когда-то очень злую и задевавшую его лично книжку эмигранта Аркадия Аверченко "Дюжина ножей в спину революции", а вот выслушивать приветственные речи на собственном юбилее категорически отказался...

Стейнбек конечно же встречался и с коллегами по перу — в "Дневнике" остались их беглые портреты, ценные тем, что в них запечатлены не только лица моделей, но и взгляд художника. Мы сегодня можем видеть их иначе, но независимый западный интеллигент смотрел на них в ту пору именно так.

О большинстве писателей, названных по фамилиям, Стейнбек говорит с уважением, гуманно опуская имена тех, кто уважения не заслуживает. Названа Ванда Василевская, автор знаменитой тогда "Радуги". Назван Александр Корнейчук — впоследствии он станет важным литературным генералом, одним из "неприкасаемых", но ведь "Фронт", острую, принципиальную и очень рискованную пьесу о войне, написал именно он. Назван Константин Симонов, в то время тридцатидвухлетний прозаик, драматург и прежде всего поэт, один из любимейших в стране, чья фронтовая лирика ходила по рукам, как листовки. Стейнбеку очень не понравилась пьеса Симонова "Русский вопрос", яростно разоблачавшая то, что казалось драматургу американской журналистикой. Вероятно, сегодняшней советской аудитории эта пьеса понравилась бы еще меньше. Но я смотрел ее школьником и прекрасно помню долгие аплодисменты зала, и мои в том числе. Мы все тогда слишком мало знали о мире: и актеры, и зрители, и молодой Симонов, которому еще только предстояло написать свои военные романы, опубликовать в "Новом мире" дудинцевский "Не хлебом единым" и пробить в печать "Мастера и Маргариту" М. А. Булгакова. Назван Илья Эренбург, наиболее известный в ту пору на Западе советский писатель, чья публицистика вошла не только в историю литературы о войне, но и в историю самой войны. Впереди у него всевозрастающая слава, премии, награды — а дальше словно бы рубеж, жесткое противостояние официальной идеологии, многолетняя опала, лишь ожесточающая непримиримое перо. Повесть "Оттепель" еще даст название целому периоду нашей истории, на книге воспоминаний "Люди, годы, жизнь" еще вырастет несколько думающих поколений.

Вряд ли Стейнбек углубленно знал творчество советских коллег — просто разбирался в людях, точно определял масштаб личности и откровенных литературных мародеров увековечить не пожелал...

Ну а сам сорокапятилетний автор "Дневника" — что впереди у него?

Впереди выход книги, которую вам предстоит прочесть, книги, которая не понравилась влиятельным лицам и по ту и по эту сторону Атлантического океана: в Америке она казалась просоветской, у нас — антисоветской.

Впереди новая проза, в том числе такой шедевр, как "Зима тревоги нашей". Впереди поездки, получившие большую общественную огласку, — в нашу страну, когда пресса говорила о Стейнбеке с осторожной симпатией, и в Южный Вьетнам, после чего он был вновь зачислен в реакционеры, ибо одинаково жалел солдат, погибающих по обе стороны невидимого партизанского фронта (сегодня, после Афганистана, мы, наверное, не были бы столь суровы к писателю: не солдаты затевают войны, и молодежь, погибающая в любой из них, даже неправой, даже преступной, достойна сожаления и скорби).

А главное, впереди время, в жестоком свете которого выцветает до полной невидимости все непрочное и как бы укрупняется, утяжеляется подлинное: творческая репутация Стейнбека с каждым годом будет набирать силу, и Нобелевская премия шестьдесят второго года упадет в руки американскому классiku закономерно, как созревшее яблоко. Его современник Уильям Фолкнер, тоже классик и нобелевский лауреат, назовет среди лучших американских прозаиков века Стейнбека наряду с Томасом Вулфом, собой, столь любимым у нас Хемингуэем и блестящим экспериментатором Джоном Дос-Пассосом...

Век Стейнбека не был короток, но не был и долг — он умер в 1968 году шестидесяти шести лет. Зато его судьба была счастливой: писатель всегда жил по собственному графику, не меняя его во имя разных житейских соображений, достаточно равнодушно принимая хвалу и клевету, хотя вряд ли он знал эту пушкинскую формулу. Он писал, что хотел, ездил, куда хотел, а не куда рекомендовалось, и рассказывал о виденном, что думал, не заботясь, как воспримут все это те или иные официальные или интеллектуальные круги. Заряда внутренней свободы хватало в нем на весь творческий и жизненный путь.

Да, Стейнбек не дожил до настоящей старости, зато он никогда не был стариком. Он не экономил на процессе жизни во имя дополнительных пяти-шести лет. Помню, как поразила меня его точка зрения на долголетие, весьма определенно выраженная в другом его дневнике, американском, — "Путешествие с Чарли в поисках Америки": "Я не стремлюсь к количеству жизни в ущерб ее качеству".

Сорок лет — огромный срок для книги. Но не для хорошей книги. "Русский дневник" Джона Стейнбека начинает свою русскую жизнь. Есть основания надеяться, что она будет счастливой.

Леонид Жуховицкий

Глава 1

.....

Необходимо прежде всего сказать, как появилось это повествование, как возникла сама поездка и какова была ее цель. В конце марта я — а я пишу от первого лица по специальной договоренности с Джоном Гюнтером — сидел в баре отеля "Бедфорд" на Сороковой улице Восточной стороны Нью-Йорка. Пьеса, которую я четыре раза переписывал, растаяла и утекла между пальцев. Я сидел у стойки, размышляя, чем бы заняться теперь. В этот момент в бар вошел Роберт Капа — вид у него был расстроенный. Страсть к покеру, в который он играл несколько месяцев подряд, наконец прошла. Альбом его ушел в типографию, и ему было нечего делать. Бармен Уилли, который всегда стремится утешить, предложил нам "Суисесс" — напиток, который он делает лучше всех в мире. Мы были подавлены не столько последними международными событиями, сколько тем, как они подаются. Новость уже не новость, по крайней мере та ее часть, которая вызывает наибольший интерес. Формирование новостей — удел избранных. Некто сидящий за письменным столом где-нибудь в Вашингтоне или Нью-Йорке читает телеграммы, подгоняет их под свои взгляды и ставит под ними свою подпись. То, что мы привычно принимаем за новости, — это всего лишь мнение одного из полудюжины редакторов, истолковавших их на свой лад.

Уилли поставил перед нами два светло-зеленых "Суисесса", и мы принялись обсуждать, что может в этом мире сделать честный, свободомыслящий человек. Ежедневно в газетах появляются тысячи слов о России. О чем думает Сталин, что планирует русский генштаб, где дислоцированы русские войска, как идут эксперименты с атомной бомбой и управляемыми ракетами, и все это пишут люди, которые в России не были, а их источники информации далеко не безупречны. И нам вдруг пришло в голову, что в России есть много такого, о чем вообще не пишут, и именно это интересовало нас больше всего. Что там люди носят? Что у них на ужин? Бывают ли там вечеринки? Что они едят? Как русские любят, как умирают? О чем они говорят? Танцуют, поют, играют ли они? Ходят ли их дети в школу? Нам показалось, что было бы неплохо выяснить это и написать обо всем этом. Русская политика не менее важна, чем наша, но ведь есть и другая обширная область их жизни, как есть она и у нас. Ведь существует же у русского народа частная жизнь, но о ней нигде не прочтешь — об этом никто не пишет и не фиксирует ее на фотопленке.

Уилли сделал нам еще по "Суисессу" и признался, что ему, пожалуй, все это было бы интересно и что об этом он с удовольствием бы почитал. Вот мы и решили попробовать — сделать

обычный репортаж с фотографиями. Мы будем работать вместе. Постараемся избегать политики и крупных проблем. Мы будем держаться подальше от Кремля, от военных и от их замыслов. Постараемся, если удастся, добраться до простого русского народа. Надо признать, что мы не знали, сможем ли все это осуществить, и когда мы поделились своими планами с друзьями, те были абсолютно уверены, что не сможем.

Мы выработали следующий план: если нам удастся — хорошо, получится настоящий репортаж. Не выйдет — все равно сделаем репортаж, но уже о том, как нам не удалось осуществить наш замысел. С этим мы пришли в "Геральд трибюн" к Джорджу Корнишу и за обедом рассказали о своем замысле. Джордж сказал, что идея неплоха, и предложил нам всяческую помощь.

Мы условились о следующем: не лезть на рожон и постараться, с одной стороны, не очень хвалить русских, с другой — не слишком их критиковать. Это будет просто честный репортаж: без комментариев, без выводов о том, что мы недостаточно хорошо знаем, и без раздражения на бюрократические препоны. Мы знали, что будет много такого, чего нам не понять, что нам не понравится, и что будет много неудобств. Так происходит всегда в любой чужой стране. Но мы решили, что если и будем что-нибудь критиковать, то лишь после того, как сами это увидим, а не до того.

В должное время наш запрос о визах ушел в Москву, и довольно скоро моя виза была уже готова. Я приехал в русское консульство в Нью-Йорке, и генеральный консул сказал мне:

— Мы согласны, что неплохо бы это сделать, но зачем вам непременно брать фотографа с собой? У нас полно фотографов в Советском Союзе.

Я ответил:

— Не таких, как Капа. И если я уж берусь за это дело, то только вместе со своим фотографом.

Чувствовалось нежелание впускать фотографа в Советский Союз, а против меня возражений не было; нам это показалось странным: ведь цензуре легче проконтролировать пленку, а не мысли репортера. Здесь мы должны дать объяснение тому, что подтвердилось впоследствии во время нашей поездки. Фотокамера — один из самых страшных видов современного оружия, особенно для людей, которые воевали, были под обстрелом и бомбами: ведь воздушному налету, как правило, предшествует фотографирование объекта. Прежде чем разрушить деревни, города и заводы, ведется съемка местности с воздуха, составляются шпионские карты, в основном при помощи фотоаппарата. Поэтому фотокамеры так боятся, а человека с фотоаппаратом подозревают и следят за его передвижениями. Если хотите убедиться в этом, возьмите свой "Брауни-4" и отправьтесь куда-нибудь к Оак-Ридж* или к Панамскому каналу, а то и в любую из сотен

* Район, где расположены военные предприятия.

наших зон, где проводятся эксперименты. Ибо у многих людей камера ассоциируется с разрушениями, и к ней относятся с заслуженным подозрением.

Мы с Капой и не предполагали, что нам удастся сделать работу, которую задумали. И то, что это получилось, удивило нас не меньше, чем всех окружающих. Мы были удивлены, уже когда пришли наши визы, и даже отпраздновали это маленькое событие в баре у Уилли. А тут еще я сломал ногу, и меня на два месяца положили в больницу. Но Капа все равно продолжал собирать оборудование.

Уже в течение многих лет ни один американец не делал фоторепортажа о Советском Союзе, поэтому Капа собрал лучшее фотооборудование, и все в двух экземплярах — на случай, если что-то потеряется. Конечно же он взял с собой "Контактс" и "Роллейфлекс", которыми снимал на войне, но захватил и запасные камеры. Он взял так много дополнительных фотоаппаратов, так много пленки, так много осветительных приборов, что нам пришлось уплатить за лишний вес около 300 долларов.

Как только стало известно, что мы едем в Советский Союз, нас начали засыпать советами и предостережениями. Делали это в основном те люди, которые никогда не были в России.

Одна пожилая женщина сказала, и в голосе ее слышался ужас:

— Да ведь вы же пропадете без вести, пропадете без вести, как только пересечете границу!

Мы в свою очередь задали ей вопрос, в интересах репортерской точности:

— А вы знаете кого-нибудь из пропавших?

— Нет, — сказала она. — Я никого лично не знаю, но пропало уже много людей.

Тогда мы сказали:

— Возможно, это и правда, мы не знаем, но не можете ли вы назвать нам имя хотя бы одного из тех, кто пропал? Или хотя бы имя человека, лично знающего кого-то из пропавших без вести?

Она ответила:

— Тысячи пропали.

Человек, многозначительно, с загадочным видом поднимавший брови, кстати тот самый, который два года назад в Сторк-клубе разболтал о планах вторжения в Нормандию, сказал нам:

— Что ж, у вас неплохие отношения с Кремлем, иначе бы вас в Россию не пустили. Ясное дело — вас купили.

Мы ответили:

— Нет, насколько нам известно, нас не купили. Мы просто хотим сделать хороший репортаж.

Он поднял глаза и прищурился. Он верил в то, во что верил. И коль скоро два года назад он знал намерения Эйзенхауэра, почему бы ему не знать теперь намерения Сталина.

Один пожилой мужчина кивнул нам и сказал: — Вас будут пытаться, вот что там с вами сделают. Просто по-

садят вас в какую-нибудь ужасную тюрьму и будут пытаться. Будут руки выкручивать и морить голодом, пока вы не скажете то, что они хотят услышать.

Мы спросили:

— Почему? Зачем? Ради какой цели?

— Так они делают со всеми, — ответил он, — на днях я читал об этом книгу...

А довольно важный бизнесмен посоветовал:

— Что, едете в Москву, да? Захватите с собой парочку бомб и сбросьте на этих красных сволочей.

Нас замучили советами. Нам советовали, что взять с собой из продуктов, чтобы не умереть с голоду; говорили, как обеспечить постоянную связь; предлагали тайные способы переправки готового материала. И самым трудным оказалось объяснить, что наше единственное намерение — рассказать, как русские выглядят, что носят, как ведут себя, о чем говорят фермеры, что делают люди, чтобы восстановить разрушенные районы страны. Объяснить это было труднее всего на свете. Мы обнаружили, что тысячи людей страдают острым московитисом — состоянием, при котором человек готов поверить в любой абсурд, отбросив очевидные факты. Со временем, конечно, мы убедились, что русские в свою очередь больны вашингтонитисом, аналогичным заболеванием. Мы обнаружили, что, в то время как мы изображаем русских с хвостами и рогами, русские в свою очередь так же изображают нас.

Шофер такси сообщил:

— Эти русские вместе купаются, мужчины и женщины, и безо всякой одежды.

— Неужели?

— А как же, — ответил он. — А это аморально.

Задавая ему вопросы, мы выяснили потом, что он читал какую-то заметку о финской бане. Но он искренне переживал, считая, что так поступают именно русские.

Получив всю эту информацию, мы пришли к заключению, что в мире сэра Стереотипа ничего не изменилось, что многие верят в двухголовых людей и летающих драконов. Правда, пока мы отсутствовали, появились летающие тарелки, которые совершенно не опровергают наш тезис. Нам кажется теперь, что самая опасная тенденция в мире — это готовность скорее поверить слуху, нежели удостовериться в факте.

Мы отправились в Советский Союз, вооруженные самыми невероятными слухами, какие только можно было услышать, и в этом рассказе мы хотим подчеркнуть одно: если мы перескажем слух, мы так и напишем: это слух.

Мы выпили с Уилли по последнему "Суисессу" в Бедфорд-баре. Уилли стал полноправным участником нашего замысла, и со временем его "Суисессы" становились все лучше и лучше. Уилли давал нам советы, и это были самые хорошие советы из всех, которые мы выслушивали. Уилли хотелось поехать с нами.

И было бы, наверное, хорошо, если бы он поехал. На прощание он сделал нам по супер-”Суисессу”, выпил с нами и сам, и наконец мы были готовы к отъезду.

Уилли сказал:

— По эту сторону стойки бара учишься больше слушать, чем говорить.

В течение следующих нескольких месяцев мы очень часто вспоминали Уилли и его ”Суисессы”.

Так все началось. Капа привез обратно около четырехсот тысяч негативов, а я — записи на нескольких сотнях страниц. Мы думали, как рассказать на бумаге о нашей поездке, и после долгого обсуждения решили написать так, как оно было на самом деле, день за днем описать все подряд, что с нами происходило и что нам удалось увидеть. Мы решили написать только о том, что увидели и услышали. Я понимаю, что это противоречит тому, как пишет большинство, но, может, в этом и заключается главный смысл.

Вот что с нами произошло. Это не заметки о России, это заметки о нашем путешествии по России.

Глава 2

.....

Из Стокгольма мы телеграфировали главе бюро ”Геральд трибюн” в Москве Джозефу Ньюмену о приблизительном времени нашего приезда и успокоились, решив, что он встретит нас на машине и отвезет в гостиницу, где нас будут ждать номера. Наш путь лежал из Стокгольма в Хельсинки, оттуда в Ленинград и Москву. В Хельсинки мы должны были пересесть на русский самолет, поскольку ни один самолет иностранных авиалиний не летает в Советский Союз. Отпирванный, безукоризненный, сияющий шведский лайнер перенес нас через Балтийское море и через Финский залив в Хельсинки. А хорошенькая шведская стюардесса накормила нас какой-то вкусной шведской едой.

После удобного и спокойного полета мы приземлились в новом аэропорту Хельсинки, недавно отстроенном и очень величественном. И здесь, в ресторане, мы стали ждать прибытия русского самолета. Спустя два часа появился низко летящий русский самолет ”С-47”. Он был все еще военного защитного цвета. Самолет коснулся земли; его хвостовое колесо вышло из строя, и он, как кузнечик, запрыгал по посадочной полосе. Это было единственное происшествие за нашу поездку, но в тот момент нам все-таки стало не по себе. К тому же облупившаяся, в царапинах, защитная окраска самолета, его неопрятный вид — все это довольно скверно выглядело на фоне сияющих лайнеров финских и шведских авиакомпаний.

Самолет, подпрыгивая и подсакивая, подрулил к положен-

ному месту, и из него вывалилась группа американских меховщиков, возвратившихся с русского пушного аукциона. Они были явно не в своей тарелке, потому что, по их словам, от самой Москвы самолет летел на высоте всего лишь ста метров. Один из русских летчиков вышел из самолета, пнул ногой по спустившемуся хвостовому колесу и медленно зашагал к зданию аэропорта. Вскоре нам сообщили, что в этот день мы не полетим. Пришлось ночевать в Хельсинки.

Капа собрал свои десять мест багажа, кудахча вокруг них, как курица-несушка. Он проследил, чтобы весь багаж заперли в специальной комнате. Он настойчиво требовал, чтобы официальные лица аэропорта усилили охрану багажа. И он ни минуты не был спокоен, пока находился вдали от своей аппаратуры. Обычно беспечный и веселый, Капа становился тираном и психом из-за всего, что касалось его камер.

Хельсинки показался нам грустным и безрадостным городом, не очень разбомбленным, но довольно сильно пострадавшим от обстрелов. Отели мрачные, рестораны слишком тихие, а оркестр на площади играет не очень веселую музыку. Солдагы на улицах казались похожими на маленьких мальчиков — такие молоденькие, бледные и провинциальные ребятки. Город произвел на нас впечатление безжизненности и безрадостности. Казалось, будто Хельсинки так и не сможет возродиться после двух войн. Не знаю, как обстояли у них дела в экономике, но впечатление у меня осталось именно такое.

В городе мы встретились с Этвудом и Хиллом, сотрудниками "Геральд трибюн", которые работали над изучением социальных и экономических вопросов в так называемых "странах за железным занавесом". Они жили вдвоем в гостиничном номере, заваленном репортажами, памфлетами, исследованиями и фотографиями, и у них была единственная бутылка виски, которую они берегли для некоего трудно вообразимого праздника. Поводом для него явились мы, и бутылки хватило нам ненадолго. Капа сыграл скучную партию в карты, ничего при этом не выиграв, и мы легли спать.

Назавтра в десять часов утра мы снова были в аэропорту. Хвостовое колесо на русском самолете заменили, но еще велась какая-то работа у второго двигателя.

За два следующих месяца мы много полетали на русских транспортных самолетах, и все они довольно похожи друг на друга, поэтому достаточно будет дать описание одного такого самолета. Это были самолеты марки "С-47", защитного цвета, оставшиеся еще от поставок по ленд-лизу. На летных полях стояли более современные транспортные самолеты, русский вариант "С-47", но на таких мы не летали. Обивка кресел и ковры в "С-47", конечно, обветшали, однако моторы работали нормально, а пилоты, видно, были высокой квалификации. У них экипаж больше численностью, чем на наших самолетах, но поскольку мы не заходили к ним в отсек, то не знаем, чем они

там занимаются. Когда дверь к ним открылась, мы увидели человека шесть или семь, в том числе стюардессу, которые все время находились там. Мы также не знаем, что делает стюардесса. Судя по всему, она не имеет никакого отношения к пассажирам. Еду во время полета не разносят, поэтому пассажиры сами запасаются огромным количеством пищи.

В самолетах, на которых мы летали, хронически не работала вентиляция, и свежий воздух совсем не поступал. И если салон наполнялся запахом пищи или рвоты, ничего не поделаешь. Нам сказали, что старые американские самолеты будут эксплуатироваться, пока их не заменят новыми русскими машинами.

Американцам некоторые порядки на русских авиалиниях могут показаться странными. Здесь отсутствуют ремни безопасности. Во время полета курить не разрешается, но, как только самолет приземляется, все тут же начинают курить. По ночам у них не летают, и если самолет не успевает долететь до места назначения до захода солнца, он приземляется где-нибудь и продолжает полет только на следующее утро. Русские самолеты летают намного ниже, чем наши, и лишь при грозе поднимаются выше. И это относительно безопасно, потому что большая часть России — равнины. В случае вынужденной посадки самолет всегда может найти себе площадку.

Загрузка русских самолетов нам также кажется любопытной. Багаж складывают в проходе, после того как пассажиры займут свои места.

Пожалуй, в первый день нас больше всего встревожил внешний вид самолета. Это было старое, обшарпанное, страшное чудовище. Но моторы его были в прекрасном состоянии, летел он превосходно, поэтому волноваться нам практически было не о чем. По-моему, сияющий металл наших самолетов не прибавляет им летных качеств. Я знал человека, жена которого говорила, что машина лучше едет, если она вымыта, и, вероятно, такое чувство мы испытываем по отношению ко многим вещам. Главная задача самолета — лететь в нужном направлении. И русские справляются с ней не хуже других.

В Москву направлялось не много пассажиров: приятный дипломат из Исландии с женой и ребенком, дипкурьер из французского посольства со своим мешком и четверо молчаливых, непонятных, ни разу не заговоривших мужчин. Мы так и не узнали, кто они.

Капе было сейчас не по себе, поскольку он говорил на всех языках: на испанском с венгерским акцентом, на французском — с испанским, на немецком с французским акцентом и на английском — с акцентом, который никак нельзя определить. Но по-русски он не говорил. Месяц спустя он научился нескольким русским словам, но произносил их с акцентом, который все определили как узбекский.

В одиннадцать мы взяли курс на Ленинград. Сверху нам хорошо были видны следы долгой войны на земле — траншеи,

окопы, щели, начинающие сейчас зарастать травой. Чем ближе мы подлетали к Ленинграду, тем чаще встречались траншеи, а шрамы на местности были глубже. Сожженные крестьянские дома с черными, оставшимися стоять стенами портили ландшафт. Некоторые участки, на которых проходили крупные сражения, были изрыты и изъязвлены, как лунная поверхность. На подлете к Ленинграду разрушения казались невероятными. Отчетливо виднелись траншеи, дзоты, пулеметные гнезда.

В пути нам сообщили, что в Ленинграде нас должны будут досмотреть таможенники. Проверить наши тринадцать мест багажа, тысячи фотовспышек, сотни кассет фотопленки, массу камер, мотки проводов — нам казалось, что на это уйдет несколько дней. Мы подумали также, что с нас возьмут большую пошлину за всю эту новую аппаратуру.

Наконец мы над Ленинградом. Пригороды разрушены, но сам город, очевидно, пострадал не сильно. Самолет мягко приземлился и покатил по травяному полю аэропорта. Здесь не было никаких зданий, кроме технических. Около нашего самолета встали два молодых солдата с большими винтовками с начищенными штыками. Потом на борт поднялись представители таможни. Начальником был улыбающийся обходительный человек. Он знал единственное слово по-английски — "йес". И мы знали одно слово по-русски — "да". Поэтому, когда он говорил "йес", мы в свою очередь отвечали "да" и таким образом возвращались к тому, с чего начинали. Проверили наши паспорта и деньги, перешли к багажу. Поскольку его нельзя было выгрузить, то пришлось вскрывать прямо в проходе салона. Таможенник был очень вежливым, добрым и крайне щепетильным. Мы открыли каждую сумку, и он просмотрел все. Но пока он занимался этой процедурой, стало ясно, что ему просто было интересно и он не искал что-то определенное. Таможенник перевернул все наше сияющее оборудование, любовно поглаживая его. Он вынул все катушки с пленкой, но ничего с ними не делал и ни о чем не спрашивал, похоже, ему просто нравились заграничные вещи. И еще нам казалось, что время его неограниченно. Наконец он поблагодарил нас, по крайней мере мы именно так его поняли.

Теперь возникла новая проблема — надо было проштемпелевать наши документы. Таможенник вытащил из кармана мундира маленький газетный сверточек, в котором оказалась резиновая печать. Это все, что при нем было, во всяком случае чернильной подушечки не нашлось. Как потом выяснилось, у него никогда ее и не было, но техника проставления штампа была тщательно продумана. Из другого кармана мундира он вынул химический карандаш; потом, лизнув печать, он поводит по ней карандашом и приложил к нашему документу. Однако оттиск не появился. Таможенник попробовал еще раз. И опять ничего не получилось. Не осталось даже намека на отпечаток. Чтобы как-то помочь, мы вынули ручки, испачкали пальцы чернилами и нама-

зали резиновую печать. Оттиск вышел замечательный. Таможенник завернул печать в газету, положил обратно в карман, пожал нам руки и вышел из самолета. Мы снова запаковали наш багаж и уложили его на сиденья.

К открытой двери самолета подкатил грузовик, в котором находилось полторы сотни упакованных в футляры микроскопов. В салон вошла девушка-грузчик — это была самая сильная девушка, которую я когда-либо видел, худая и жилистая, с широким прибалтийским лицом. Она носила тяжелые связки коробок наверх, в кабину пилота, а когда кабина заполнилась, стала ставить коробки в проходе. Эта девушка была в парусиновых тапочках, синем комбинезоне и с повязанной платком головой, а руки ее были налиты мускулами. И у нее, как и у таможенника, были зубы из нержавеющей стали, делающие рот человека очень похожим на деталь машины.

Мы думали, что нас ждут неприятности: таможенные формальности никому не доставляют удовольствия, ведь это — своеобразное вторжение в личную жизнь человека. И мы, вероятно, в какой-то мере поверили нашим советчикам, которые никогда не были здесь и думали, что нас могут оскорбить или плохо обойтись с нами. Но этого не произошло.

И вот нагруженный самолет опять поднялся в воздух и взял курс на Москву, полетев над бесконечной плоской землей, землей лесов и огороженных крестьянских участков, маленьких некрашенных деревенских домиков и ярких желтых соломенных стогов. Самолет летел довольно низко до тех пор, пока не вошел в облако, и ему пришлось немного подняться. На иллюминаторах появились капли дождя.

Наша стюардесса была крупной грудастой блондинкой, в которой угадывалась мать, и казалось, ее единственной обязанностью было носить в кабину пилота бутылки минеральной воды. Один-раз она отнесла туда буханку черного хлеба.

Мы стали постепенно испытывать сильный голод, потому что не позавтракали, и нам уже казалось, что возможности поесть у нас и не будет. Если бы мы могли объяснить, то попросили бы у нее кусочек хлеба. Но мы не могли сделать даже этого.

Около четырех часов дня мы прошли, снижаясь, через дождевое облако и слева от себя увидели Москву — расплзшийся гигантский город и Москву-реку, рассекающую его. Сам аэропорт был очень большим. Часть взлетно-посадочных полос была заасфальтирована, а на многих полосах росла высокая трава. Вокруг стояли буквально сотни самолетов: старые "С-47", много новых русских самолетов на трех колесах и с блестящим алюминиевым фюзеляжем.

Подрулив к новому большому и внушительному зданию аэропорта, мы попытались найти хоть какое-нибудь знакомое лицо, кого-то, кто мог нас встречать. Шел дождь. Мы вышли из самолета и собрали багаж под дождем: сильное чувство одиночества вдруг охватило нас. Никто нас не встречал. Ни одного зна-

когого лица. Мы не могли ничего спросить. У нас не было русских денег. Мы не знали, куда ехать.

Из Хельсинки мы телеграфировали Джо Ньюмену, что на день задерживаемся. Но Джо Ньюмена здесь не было. За нами вообще никто не приехал. Рослые носильщики перенесли наши вещи к выходу из аэропорта и ждали, чтобы им заплатили, но платить нам было нечем. Мимо проезжали автобусы, и мы понимали, что не можем даже прочесть, куда они едут; кроме того, они были переполнены, люди висели снаружи гроздьями, так что мы с нашим багажом в тринадцать мест просто физически не смогли бы влезть в автобус. А носильщики, очень сильные ребята, ждали денег. Мы были голодны, испуганы и чувствовали себя совершенно покинутыми.

И вот тогда вышел дипкурьер французского посольства со своим мешком; он дал нам взаймы, чтобы заплатить носильщикам, и положил наш багаж в машину, которая приехала за ним. Это был очень хороший человек. Мы были близки к самоубийству, и он спас нас. И если он когда-либо прочтет это, то мы еще раз хотим его поблагодарить. Этот человек отвез нас в гостиницу "Метрополь", где, по всей вероятности, должен был находиться Джо Ньюмен.

Я не понимаю, почему аэропорты расположены так далеко от городов, которые они обслуживают, и Москва в этом отношении не является исключением. От аэропорта до Москвы ехать долгие километры, дорога идет через сосновые леса, фермы и бесконечные картофельные и капустные поля. Мы ехали и по плохим дорогам, и по ровным. Французский курьер предвидел все. Он послал своего шофера, чтобы тот купил еды, и мы по дороге в Москву ели "пирожки", мясные котлетки и ветчину. И к тому времени, когда мы добрались до гостиницы "Метрополь", мы чувствовали себя уже гораздо лучше.

Гостиница "Метрополь" была действительно превосходной, с мраморными лестницами, красными коврами и большим позолоченным лифтом, который иногда работал. А за стойкой находилась женщина, которая говорила по-английски. Мы спросили, есть ли для нас номера, она ответила, что никогда про нас не слышала. Для нас номеров не было.

В этот момент Александр Кендрик из "Чикаго сан" и его жена спасли нас. Где, спросили мы, Джо Ньюмен?

— А, Джо! Его здесь нет уже неделю. Он в Ленинграде на пушном аукционе.

Он не получил нашу телеграмму, ничего не приготовлено, и у нас нет номеров. И смешно было пытаться найти гостиничный номер без предварительной договоренности. Мы думали, что Джо свяжется с соответствующим русским агентством. Но поскольку он этого не сделал, не получил телеграммы, стало быть, русские и не знали, что мы приезжаем. Однако Кендрики пригласили нас к себе в номер, угостили семгой и водкой и очень радушно приняли.

Через минуту мы уже не чувствовали себя одинокими и покинутыми. Мы решили поселиться в номере Джо Ньюмена и таким образом наказать его. Мы пользовались его полотенцами, мылом и его туалетной бумагой. Мы пили его виски. Мы спали на его диване и кровати. Мы считали, что это единственное, чем он может нам отплатить за то, что заставил нас так мучиться. А то, что он не знал о нашем приезде, решили мы, не снимает с него ответственности, поэтому наказать его все же следует. И мы выпили две его бутылки виски. Надо признать, что тогда мы не знали, какое совершаем преступление. Во взаимоотношениях американских журналистов в Москве вообще много жульничества и разбоя, но мы довели это до неслыханного дотоле уровня. Порядочный человек не пьет чужого виски.

Глава 3

.....

Мы еще не знали, каков наш статус. Мы не совсем представляли себе, каким образом сюда попали и кто нас пригласил. Но американские корреспонденты в Москве сплотились и позаботились о нас: Гилмор, Стивенс, Кендрик и другие, все добрые и отзывчивые люди. Они пригласили нас на ужин в коммерческий ресторан гостиницы "Метрополь". Так мы узнали, что в Москве существует два вида ресторанов: рестораны, где можно поесть по продовольственным карточкам и где цены довольно низкие, и коммерческие рестораны, в которых цены неимоверно высоки, а еда приблизительно такая же.

Коммерческий ресторан в "Метрополе" превосходный. Посреди зала высотой этажа в три — большой фонтан. Здесь же танцевальная площадка и возвышение для оркестра. Русские офицеры со своими дамами, а также гражданские с доходами много выше среднего танцуют вокруг фонтана по всем правилам этикета.

Оркестр, кстати, очень громко играл самую скверную американскую джазовую музыку, которую нам когда-либо приходилось слышать. Барабанщик, явно не лучший последователь Крупа, в экстазе доводил себя до иступления и жонглировал палочками. Кларнетист, судя по всему, слышал записи Бенни Гудмэна, поэтому время от времени его игра смутно напоминала трио Гудмэна. Один из пианистов был заядлым любителем буги-вуги, и играл он, между прочим, с большим мастерством и энтузиазмом.

На ужин подали 400 граммов водки, большую салатницу черной икры, капустный суп, бифштекс с жареным картофелем, сыр и две бутылки вина. И стоило это около ста десяти долларов на пятерых, один доллар — двенадцать рублей, если считать по курсу посольства. А на то, чтобы обслужить нас, ушло два с

половиной часа, что нас сильно удивило, но мы убедились, что в русских ресторанах это неизбежно. Позже мы узнали, почему обслуживают так долго.

Поскольку все в Советском Союзе, любая сделка контролируется государством или объединениями, которые содержатся государством, бухгалтерский учет раздут неимоверно. Поэтому официант, принимая заказ, аккуратно записывает его в свою книжку. Но после этого он не идет заказывать еду. Он направляется к бухгалтеру, и тот делает еще одну запись того, что было заказано, и выдает талон, который поступает на кухню. Там делается еще одна запись и запрашивается часть блюд. Когда наконец выдается еда, то вместе с ней выписывается талон, на котором перечисляются все блюда, и этот талон получает официант. Но на стол к заказчикам он еду пока не ставит. Он относит талон к бухгалтеру, который записывает, что такая-то еда, которую заказали, теперь выдается, и вручает официанту другой талон, с которым он возвращается на кухню и на этот раз уже приносит еду на стол, делая тем не менее запись в своей книге, что еда, которую заказали, которую оприходовали, которую выдали, теперь наконец на столе. Вся эта бухгалтерия отнимает очень много времени. Намного больше времени, чем приготовление еды. И совершенно незачем проявлять нетерпение, пытаясь быстрее получить свой обед, — ничто в мире это не ускорит. Процесс этот неизменен.

Тем временем оркестр затянул "Roll Out Barrel" и "In the Mood" ("В настроении"), тенор подошел к микрофону, который ему не был нужен, так как его голоса хватило на весь зал, и спел "Old Man River" ("Старушка река") и некоторые любимые песни Синатры — "Old Black Magic" ("Старая черная магия") и "I am in the Mood for Love" ("У меня настроение любить") — на русском.

Пока ждали еду, московские корреспонденты объяснили нам, чего можно ожидать и как себя вести. Их советы нам оченьгодились. Они предупредили, что нам лучше не получать аккредитацию в Министерстве иностранных дел. Дело в том, что одно из правил, которым должен следовать аккредитованный при МИДе корреспондент, запрещает ему выезжать за пределы Москвы, что совсем нас не устраивало, мы не хотели оставаться в Москве. Мы хотели поехать в провинцию и посмотреть, как живет народ на земле.

Поскольку мы не имели намерения посылать какие-либо сообщения или телеграммы, которые попали бы в поле зрения цензуры, мы решили, что нам, вероятно, удастся избежать аккредитации при МИДе. Но мы до сих пор не знали, кто нами занимается. Это мог быть Союз писателей, думали мы, или ВОКС*, который является организацией, занимающейся культурными связями Советского Союза. Нам нравилось считать себя "куль-

*ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

турными связями". И мы заранее определили для себя, что мы не будем интересоваться политической информацией, кроме тех случаев, когда политика имеет местное значение и оказывает прямое влияние на повседневную жизнь.

На следующее утро мы позвонили в Интурист — организацию, которая занимается иностранцами. Выяснилось, что Интурист не желает иметь с нами дела, что мы для них просто не существуем и для нас нет номеров. Поэтому мы зашли в ВОКС. В ВОКСе нам сказали, что знали о нашем приезде, но даже не подозревали, что мы уже приехали. Они постараются достать для нас комнаты. Но это очень трудно, потому что все гостиницы в Москве постоянно переполнены. Потом мы вышли на воздух и побрели по улицам.

Я был здесь всего несколько дней в 1936 году, и перемены с тех пор произошли огромные. Во-первых, город стал гораздо чище, чем тогда. Многие улицы были вымыты и вымощены. За эти одиннадцать лет грандиозно выросло строительство. Сотни высоких новых жилых домов и новые мосты через Москва-реку, улицы расширяются, статуи на каждом шагу. Исчезли целые районы узких и грязных улочек старой Москвы, и на их месте выросли новые жилые кварталы и новые учреждения.

Повсюду заметны следы бомбежки, но разрушения незначительные. По-видимому, немецким самолетам не очень удавалось прорываться к Москве. Некоторые корреспонденты, которые работали здесь во время войны, рассказали нам, что противовоздушная оборона была настолько эффективной, а истребители так многочисленны, что после нескольких воздушных боев немцы, понеся большие потери, практически оставили попытки воздушных налетов на Москву. Но несколько бомб все же было сброшено: одна попала в Кремль, несколько других — на окраины. К этому времени "люфтваффе" изрядно потрепали над Лондоном, и немцы уже не хотели жертвовать большим количеством самолетов, чтобы бомбить хорошо защищенный город.

Мы заметили также, что город приводят в порядок. Все дома стояли в лесах. Их заново красили, кое-где ремонтировали, ведь через несколько недель город справлял свое 800-летие, которое собирались празднично и торжественно отметить. А через несколько месяцев после этого наступала 30-я годовщина Октябрьской революции.

Электрики развешивали гирлянды лампочек на зданиях, на Кремле, на мостах. Работа не останавливалась вечером, она продолжалась ночью при свете прожекторов; город прихорашивался, приводился в порядок: ведь это будет первый послевоенный юбилей за многие годы.

Но, несмотря на предпраздничную суматоху, люди на улицах выглядели усталыми. Женщины очень мало или совсем не пользовались косметикой, одежда была хоть и опрятной, но не очень нарядной. Большинство мужчин носило военную форму, хотя они уже не служили в армии. Их демобилизовали, и форма была

единственной одеждой, которую они имели. Форма была без знаков различия и погон.

Капа не взял с собой камеры — корреспонденты предупредили его, что без письменного разрешения фотографировать нежелательно, особенно иностранцам. Первый же полицейский заберет вас и отправит куда надо, если у вас не окажется соответствующего разрешения.

Нам опять стало одиноко. За нами не только никто не следил, никто не преследовал, даже присутствия нашего никто не желал замечать. Мы знали, что в Москве будут постепенно открываться иностранные корпункты, как это происходит в Вашингтоне. Пока же, обретаясь в чужих комнатах, среди сотен катушек фотоплёнки и фотооборудования, мы начали волноваться.

Мы слышали о русской игре — назовем ее "русский гамбит", — выиграть в которой редко кому удастся. Она очень проста. Чиновник из государственного учреждения, с которым вы хотите встретиться, то болен, то его нет на месте, то он попал в больницу, то находится в отпуске. Это может продолжаться годами. А если вы переключитесь на другого человека, то его тоже не окажется в городе, или он попадет в больницу, или уедет в отпуск. Одна венгерская комиссия в течение трех месяцев пыталась вручить какую-то петицию, на которую смотрели, как я полагаю, без одобрения, сначала конкретному чиновнику, а затем — кому угодно. Но встречи так и не произошло. А один американский профессор, блестящий, интеллигентный и добрый человек, несколько недель просидел в приемных со своей идеей студенческого обмена. Его так никто и не принял. И нет способа противостоять этому гамбиту. От него нет никакой защиты, единственный выход — расслабиться.

Сидя в комнате Джо Ньюмена, мы опасались, что такое могло вполне произойти и с нами. И, много раз звонив по телефону, мы обнаружили еще одну интересную особенность русских ведомств. Никто не появляется на службе до полудня, никто. Учреждения просто закрыты до полудня. Но с двенадцати часов дня учреждение открывается, и люди работают до полуночи. Утренние часы для работы не используют. Может, существуют учреждения, которые не следуют этому принципу, однако те, с которыми нам пришлось сталкиваться за эти два месяца, придерживались такого распорядка дня. Мы знали, что не должны проявлять нетерпение и злиться, так как из-за этого можем потерять в игре пять очков. Но наши страхи оказались беспочвенными, и на следующий день ВОКС начал действовать. ВОКС обеспечил нам номер в гостинице "Савой" и пригласил обсудить планы.

"Савой", так же как и "Метрополь", предназначен для иностранцев. Люди, живущие в "Метрополе", считают, что "Савой" лучше, что там лучше еда и обслуживание. С другой стороны, те, кто живет в "Савое", уверены, что еда и обслуживание лучше

в "Метрополе". Эта игра длится уже годами.

Нам дали комнату на втором этаже "Савоя". Мы поднялись по мраморной лестнице, уставленной статуями; больше всего нам нравился бюст Грациэллы, знаменитой красавицы, которая приехала с Наполеоном. На ней было платье в стиле ампира и большая шляпа, но скульптор, вероятно, ошибся и высек имя не Грациэллы, а Крейзи Эллы. Для нас она стала Crazy* Ella. На лестнице, на самом верху, стояло огромное чучело русского медведя в угрожающей позе. Но какой-то робкий посетитель оборвал когти на передних лапах, поэтому медведь нападал без когтей. В полутьме верхнего зала от него постоянно шарахались новые клиенты "Савоя".

У нас была большая комната. Позже мы узнали, что этот номер был предметом зависти для людей, которые жили в других номерах "Савоя". Потолок — двадцать футов высотой. Стены покрашены в скорбный темно-зеленый цвет. В комнате был альков для кроватей с задерживающейся занавеской. Украшением комнаты был гарнитур, состоящий из дивана, зеркала, шкафа мореного дуба и большой картины до самого потолка. Эта картина внедрилась со временем в наши сны. Если ее вообще можно описать, то, наверное, так: в нижней и центральной части картины был нарисован акробат, лежащий на животе с согнутыми колесом ногами. Перед ним две одинаковые кошки выскальзывают у акробата из-под рук. У него на спине лежат два зеленых крокодила, и у них на головах — явно ненормальная обезьяна в царской короне и с крыльями летучей мыши. Эта обезьяна, у которой длинные мускулистые руки, через отверстия в крыльях держит за рога двух козлов с рыбьими хвостами. У этих козлов — нагрудники, которые оканчиваются рогом, протыкающим двух агрессивных рыб. Мы не поняли этой картины. Мы не поняли ни о чем она, ни почему ее повесили в нашем гостиничном номере. Но мы стали думать о ней. И конечно же ночью нам стали сниться кошмары.

Три больших двойных окна выходили на улицу. Со временем Капа все чаще и чаще стал располагаться на подоконниках, фотографируя маленькие сценки, которые происходили у нас под окнами. На той стороне улицы в доме на втором этаже находилась мастерская по ремонту фотоаппаратов. Там работал человек, который долго просиживал над камерами. Позже мы обнаружили, что, по всем правилам игры, пока мы фотографировали его, он снимал нас.

Наша ванная, а мы прославились по всей Москве, обладая собственной ванной, имела ряд особенностей. Войти в нее было не так-то просто: нельзя было открыть дверь и зайти, потому что на пути к двери стояла ванна. Кому нужно было в ванную, делал шаг внутрь, заходил за раковину, закрывал дверь и только потом имел возможность двигаться по ванной комнате. Ванна

* Crazy — сумасшедший (англ.).

неустойчиво стояла на ножках, и если, сидя в ней, сделать неловкое движение, она подпрыгивала, и вода лилась на пол.

Ванна была старой, может даже дореволюционной, эмаль на дне содрана, и поверхность стала, как наждак. Капа, существо очень нежное, обнаружил, что у него появились царапины, поэтому залезал в ванну только в трусах.

Эти отличительные черты нашей ванной подходили ко всем ванным, которые мы видели в Советском Союзе. Может, есть и другие, но нам они не попадались. В то время как все краны текли — в туалете, над раковиной и в самой ванне, все водостоки были практически водонепроницаемы. Когда вы наполняли ванну, то вода стояла, а если вы выдергивали затычку, то это не производило никакого эффекта — вода оставалась в ванне. А в одном из отелей в Грузии рев спускающейся воды был таким жутким, что нам приходилось плотно закрывать дверь, чтобы можно было спать. Именно здесь заложены основы моего открытия, которое я предложил внедрить в промышленности. Оно очень простое. Поменяйте весь процесс: поставьте краны на место водостоков, а водостоки на место кранов — и вопрос будет решен.

Но наша ванна отличалась одним замечательным свойством. Здесь всегда было полно горячей воды, чаще на полу, но во всяком случае она была всегда, когда нам было нужно.

Именно здесь я обнаружил одну неприятную черту характера Капы, которую я считаю справедливым назвать на случай, если какая-нибудь молодая особа примет его предложение руки и сердца. Он — ванная свинья, и очень любопытный экземпляр. Его метод таков: он встает с постели, идет в ванную комнату и наполняет ванну. Потом он ложится в ванну и читает, пока его не сморит сон, и в конце концов засыпает. Это продолжается утром два-три часа, и вполне понятно, что ванну в это время невозможно использовать по назначению. Я даю эту информацию о Капе в качестве услуги обществу. Если у вас две ванны, Капа — очаровательный, интеллигентный, мягкий спутник. Если же у вас одна ванная комната, он — ноль.

К этому времени мы уже столкнулись со сложностями расчетов в русских деньгах. Существует два курса — официальный и неофициальный. Официальный курс — один доллар к пяти рублям. Курс американского посольства — один доллар к двенадцати рублям. Но на "черном рынке" вы можете продать доллар за пятьдесят рублей, а некоторые представители южноамериканских миссий покупали рубли в других странах, таких, как Чехословакия или Польша, получая за доллар сто рублей. Американское посольство, строго придерживавшееся курса один к двенадцати, часто подвергалось критике со стороны некоторых сотрудников за то, что у них дорогая жизнь. Например, если сотрудник посольства устраивает вечеринку, она обходится довольно дорого, по курсу 1:12, в то время как сотрудник одного из вышеназванных посольств может устроить вечеринку по курсу

1:100, и она, конечно, обойдется значительно дешевле.

Когда мы зарегистрировались в гостинице "Савой", нам выдали талоны на питание, по три на день — на завтрак, на обед и ужин. Пользуясь этими талонами, мы вполне нормально питались в гостиничном ресторане. Если же мы ели в коммерческом ресторане, то блюда там были намного дороже, но ненамного лучше. Пиво было кислое и очень дорогое. Бутылка пива обходилась приблизительно в полтора доллара.

Днем из ВОКСа прислали машину, чтобы отвезти нас на собеседование. У нас сложилось впечатление, что между Союзом писателей и ВОКСом шла борьба — кому придется за нас отвечать. ВОКС проиграл и получил нас. ВОКС расположен в маленьком красивом особняке, который когда-то принадлежал крупному торговцу. Г-н Караганов нас принял в своем кабинете, отделанном до самого верха дубовыми панелями, с потолком из цветного стекла, — очень приятном для работы месте. Г-н Караганов, молодой светловолосый осторожный человек, говорил по-английски медленно и точно; он сидел за столом и задавал нам множество вопросов. Разговаривая, он машинально чертил что-то карандашом, один конец которого был красный, а другой синий. Мы объяснили свой замысел: никакой политики, просто хотим поговорить и понять русских крестьян, рабочих, торговцев с рынка, посмотреть, как они живут, постараться рассказать нашим людям об этом, чтобы они хоть что-то могли понять. Караганов спокойно слушал нас и рисовал карандашом галочки.

Потом сказал:

— Были и другие желавшие заняться этим. — И назвал имена американцев, которые уже написали книги о Советском Союзе. — Они сидели в этом кабинете, — рассказывал он, — и говорили одно, а потом вернулись домой и написали совсем другое. И если мы испытываем некоторое недоверие, то для этого есть причины.

— Но вы не должны заранее решать, с каким настроением мы сюда приехали — благоприятным или нет, — возразил я. — Мы приехали сделать репортаж, если это возможно. Я намереваюсь записать и сфотографировать лишь то, что увижу и услышу, без всяких комментариев. Если нам что-то не понравится или мы что-то не поймем, мы расскажем и об этом. Мы приехали, чтобы рассказать о вас. Если мы сможем, то сделаем это. А если не сможем, то репортажа не будет, будут просто рассказы для знакомых.

Он кивнул, медленно и задумчиво.

— Мы можем этому поверить, — сказал он. — Но мы очень устали от людей, которые приезжают сюда и моментально становятся прорусскими, а возвращаясь в Штаты, так же быстро перерождаются в антирусских. У нас накопился большой опыт в этой области. Наша организация, ВОКС, — продолжал он, — не имеет ни большой власти, ни большого влияния. Но мы сделаем все, чтобы вы смогли выполнить задуманную работу.

Потом он принялся расспрашивать нас об Америке. Один из вопросов был такой:

— Ваши газеты пишут о войне с Советским Союзом. Хочет ли американский народ этой войны?

— Не думаем, — ответили мы. — Мы не знаем, но не думаем, чтобы какой-либо народ хотел войны.

— По-видимому, единственный человек в Америке, который во весь голос выступает против войны, — это Генри Уоллес, — сказал он. — Вы не могли бы сказать, сколько у него приверженцев? Имеет ли он серьезную поддержку в народе?

Мы сказали:

— Не знаем. Но мы знаем, например, что в одной из поездок по стране Генри Уоллес собрал беспрецедентную сумму за входные билеты на свои выступления. Мы знаем, что люди впервые платили деньги, чтобы пойти на политический митинг. И мы знаем, что многим пришлось уйти с этих митингов, потому что не было не только сидячих мест, но и стоячих. Повлияет ли это как-то на предстоящие выборы, мы понятия не имеем. Мы знаем только, что те люди, которые хоть краем глаза увидели, что такое война, против нее. И мы считаем, что таких людей, как мы, очень много. Мы думаем, что если война — единственный ответ, который нам могут дать наши лидеры, значит, мы живем в несчастное время. — И затем мы спросили: — Хочет ли войны русский народ, или какая-то его часть, или кто-то в русском правительстве?

Тут он выпрямился, положил свой карандаш и сказал:

— Я могу категорически ответить на этот вопрос. Ни русский народ, ни какая-то его часть, ни часть русского правительства не хотят войны. И даже больше того: русские люди пойдут на все, чтобы избежать войны. В этом я уверен.

Он опять взял карандаш и стал рисовать загогулины на бумаге.

— Давайте поговорим об американской литературе, — продолжал он, — нам стало казаться, что ваши писатели уже ни во что не верят. Это правда?

— Не знаю, — ответил я.

— Ваша последняя книга показалась нам несколько циничной, — сказал он.

— Она не цинична, — ответил я. — Я считаю, что писатель обязан как можно точнее описывать время, в которое он живет, и так, как он его понимает. Этим я и занимаюсь.

Потом он спросил об американских писателях, о Колдуэлле и Фолкнере, и о том, когда Хемингуэй собирается выпустить новую книгу. И еще он спросил, какие молодые писатели появляются, какие новые имена. Мы ответили, что появилось несколько молодых писателей, но еще очень рано от них ожидать чего-либо серьезного. Эти молодые люди — вместо того чтобы учиться мастерству — служили последние четыре года в армии. Такой опыт скорее всего должен был глубоко потрясти их, но им понадобится время, чтобы прочесать этот свой опыт, выделить из жизни основное, а потом уже садиться писать.

Казалось, он несколько удивился, узнав, что писатели в Америке не собираются вместе и почти не общаются друг с другом. В Советском Союзе писатели — очень важные люди. Сталин сказал, что писатели — это инженеры человеческих душ.

Мы объяснили ему, что в Америке у писателей совершенно иное положение — чуть ниже акробатов и чуть выше тюленей. И с нашей точки зрения, это очень хорошо. Мы считаем, что писатель, в особенности молодой, которого очень расхваливают, так же быстро может быть опьянен успехом, как и киноактриса, о которой печатают хорошие рецензии в специальных журналах. А если критика будет как следует колошматить писателя, в конечном счете это обернется для него только пользой.

Нам кажется, что одним из самых глубоких различий между русскими и американцами является отношение к своим правительствам. Русских учат, воспитывают и поощряют в том, чтобы они верили, что их правительство хорошее, что оно во всем безупречно, что их обязанность — помогать ему двигаться вперед и поддерживать во всех отношениях. С другой стороны, американцы и англичане остро чувствуют, что любое правительство в какой-то мере опасно, что правительство должно играть в обществе как можно меньшую роль и что любое усиление власти правительства — плохо, что за существующим правительством надо постоянно следить, следить и критиковать, чтобы оно всегда было деятельным и решительным. Позже, когда мы сидели за столом с крестьянами, они спросили нас, как действует правительство, и мы постарались объяснить, что мы очень боимся, если власть будет сосредоточена в руках одного человека или одной группы людей, что наше правительство живет компромиссами, предназначенными для того, чтобы власть не перешла в руки одного человека. Мы старались объяснить, что люди, стоящие во главе нашего правительства, и те, кто в это правительство входит, так боятся чьей-то власти, что охотнее скинут хорошего лидера, чем допустят прецедент единовластия.

Я не думаю, что нас достаточно хорошо поняли, поскольку людей в Советском Союзе воспитывают на мысли, что сам лидер хорош и лидерство — вещь хорошая. И никакого контраргумента привести нельзя, это камень преткновения, на котором обе системы теряют возможность понять друг друга.

Блокнот г-на Караганова пестрел синими и красными значками. Наконец он сказал:

— Если вы составите список того, что вы хотите сделать и увидеть, и передадите его мне, я посмотрю, чем смогу вам помочь.

Караганов нам очень понравился. Этот человек говорил прямо и без смущения. Позже мы слышали много высокопарных общих слов. Но никогда мы не слышали такого от Караганова. Мы не скрывали, что мы именно те, за кого себя выдаем. У нас было свое мнение, своя, американская точка зрения и, вероятно, с его точки зрения, ряд предубеждений. Но он не проявил

ни нелюбви, ни недоверия, наоборот, казалось, что он проникся уважением к нам. За время нашего пребывания в Советском Союзе он здорово помог нам. Мы неоднократно встречались с ним, и его единственная просьба к нам заключалась в следующем:

— Напишите правду, напишите то, что увидите. Не меняйте ничего, напишите так, как оно есть, и мы будем очень рады. Потому что мы не доверяем лести.

Он показался нам честным и хорошим человеком.

Но все же вокруг нашей поездки шла молчаливая борьба. В настоящее время в Советский Союз можно приехать только в качестве гостя какой-то организации или для выполнения какой-то определенной работы. Мы не были уверены, занимается ли нами Союз писателей или же ВОКС, и не были уверены, что они сами это знают. По всей вероятности, обе организации стремились свалить эту сомнительную честь друг на друга. В одном мы были уверены: мы не хотели получать аккредитацию постоянных корреспондентов с соответствующими корреспондентскими правами, так как в этом случае мы попали бы под контроль Министерства иностранных дел. Правила МИДа очень строги в отношении корреспондентов, и если уж мы стали бы его подопечными, то не смогли бы выехать из Москвы без специального разрешения, которое очень редко выдается. Мы не смогли бы свободно путешествовать, и, кроме того, наш материал подлежал бы проверке цензурой МИДа. Этого всего мы не хотели, тем более что нас предупредили американские и английские корреспонденты в Москве, и мы увидели, что их репортерская деятельность сводится в большей или меньшей степени к переводу русских газет и журналов и пересылке этого перевода, и даже в этом случае цензура зачастую убирала большие куски из их телеграмм. Иногда цензура вела себя вообще смешно. Один раз американский корреспондент, описывая Москву, написал, что Кремль имеет форму треугольника. Позже он увидел, что это место вырезано из его статьи. Конечно же никаких правил, которым нужно было бы следовать, не существовало, но корреспонденты, прожившие в Москве долгое время, уже приблизительно знали, о чем они могут писать, а о чем нет. Эта вечная борьба между цензурой и корреспондентами продолжается.

Существует знаменитая история про новую машину: один инженер изобрел новую машину, которая прокладывает туннели или роет канавы, и назвал ее "земляной крот". В советском научном журнале появились ее фотографии и технические данные. Один американский журнал опубликовал этот материал у себя. В свою очередь английская газета, увидев эту статью, телеграфировала своему корреспонденту в Москве, чтобы тот срочно написал о "земляном кроте". Английский корреспондент отправился в советский научный журнал, откопал материал и послал его в свою газету, после чего выяснилось, что всю статью задержала цензура.

Деятельность корреспондентов была еще больше урезана недавним постановлением, которое приравнивало разглашение сельскохозяйственных, промышленных и демографических показателей к разглашению военной информации. В результате никто не мог узнать никаких цифр относительно любого русского производства. Обо всем шла речь в процентах. А без основного показателя это вам ничего не дает. Например, вам не могут сказать, сколько тракторов выпустил такой-то тракторный завод, но вы можете узнать, что это, к примеру, составляет 95% от уровня 1939 года. Если вы знаете, сколько машин было выпущено в 1939 году, вы получите достаточно точную цифру, но, если у вас нет другого показателя, вы пропали. Иногда это выглядит просто смешно. Если, например, кто-то спросит, каково сейчас население Сталинграда, то ему ответят, что оно составляет 87% от довоенного уровня. Следовательно, затем надо узнать, сколько народу жило в Сталинграде до войны, и высчитать, сколько там проживает сейчас.

Между московскими корреспондентами и цензурой ведется постоянная война, и мы совершенно не хотим быть вовлечены в нее.

В это время со своих ленинградских каникул на пушном аукционе возвратился Джо Ньюмен. Мало того, что Джо — хороший товарищ, он еще и очень полезный человек. Он работал в Японии и Аргентине. И это прекрасно подготовило его к московской обстановке. У него появилось одно хорошее качество в результате того, что он долгое время провел в странах, где прямота — чрезвычайно редкое явление: он выработал нюх на нюансы и намеки. Он может прочесть то, что нужно, между строк, и, кроме того, он очень мягкий человек. Если этому не научиться, то скоро просто сойдешь с ума. Мы очень обязаны ему за информацию и все то, чему он нас научил.

Мы зашли в американское посольство и здесь столкнулись с тем, чего я никогда прежде нигде не встречал. В то время как в большинстве посольств бесконечен поток туристов и посетителей, в московское посольство практически никто не приходит. Некому. Здесь нет туристов. Вообще очень мало американцев приезжает в Москву. И хотя у нас довольно большое посольство в Москве, общаться его сотрудники могут только между собой или с сотрудниками других посольств, поскольку для русских общение с иностранцами ограничено. В этой обстановке напряженности даже не возникает сомнения в том, что русские не желают, чтобы их видели с сотрудниками американского посольства, и это вполне понятно. Один представитель нашего посольства объяснил это мне так. Он рассказал, что говорил с чиновником госдепартамента, который приехал в Москву и жаловался, что никак не может пообщаться с русскими. Человек из посольства сказал:

— Представьте себе, что в Вашингтоне вы узнаете: одна из ваших секретарш встречается с кем-то из русского посольства.

Что вы сделаете?

Чиновник госдепартамента ответил:

— Как что — я выгоню ее немедленно.

— Ну, вероятно, так же думают и русские, — сказал дипломат.

Американский посол генерал Смит пригласил нас на ужин.

Мы увидели, что это умный и осторожный человек, который отчаянно пытается сделать все возможное для улучшения отношений между двумя странами. И надо признать, что работает он в очень трудных условиях, потому что на дипломатические службы иностранных государств распространяются такие же ограничения, как и на корреспондентов. Им не разрешается выезжать из Москвы, они не могут путешествовать по стране, ходить в дома к русским они могут крайне редко. И дело не в том, что это запрещено, — просто их не приглашают. А если кто-то приглашает русского, то обязательно что-то случается. Либо русский болен, либо не может прийти, либо его нет в городе. Очень жаль, но так получается. И жаль, что в некоторых отношениях подобные вещи происходят и в Америке.

У нас сложилось мнение, что русские — худшие в мире пропагандисты собственного образа жизни, что у них самая скверная реклама. Взять, к примеру, иностранных корреспондентов. Обычно журналист едет в Москву с доброй волей и желанием понять то, что увидит. Но он сразу же подвергается всяким ограничениям и просто не в состоянии выполнять свою работу. Постепенно у него меняется настроение, и он начинает ненавидеть систему, не как саму систему, но как препятствие для своей работы. И нет способа быстрее настроить человека против чего бы то ни было. В конце концов журналист начинает злиться и нервничать из-за того, что ему не дают выполнять то, ради чего его послали. Человек, который не в состоянии делать свое дело, обычно ненавидит причину, мешающую ему. Посольские сотрудники и корреспонденты чувствуют себя изолированными и одинокими, они живут на острове посередине России, и неудивительно, что они озлобляются и становятся необщительными.

Это замечание в адрес отдела печати МИДа вставлено для оправдания журналистов, постоянно работающих в Москве. У нас была возможность делать многое из того, что им запрещено. Но если бы в наши обязанности входила, как у них, передача новостей, то МИД взял бы нас под свою опеку, и мы тоже не смогли бы выехать за пределы Москвы.

А так ВОКС предоставил нам переводчика, что было для нас очень важно, поскольку мы не могли даже прочитать вывеску на улице. Нашей переводчицей была молодая миниатюрная и очень хорошенькая девушка. По-английски она говорила превосходно. Она окончила Московский университет, где изучала историю Америки. Она была проворна, сообразительна, вынослива. Ее отец был полковником Советской Армии. Она очень помогала нам не только потому, что прекрасно знала город и хорошо

справлялась с делами, но еще и потому, что, разговаривая с нею, можно было представить себе, о чем думает и говорит молодежь, по крайней мере московская. Ее звали Светлана Литвинова. Ее имя произносилось Суит* Лана, это имя так очаровало нас, что мы решили разделить его. Мы пробовали говорить Суит генерал Смит, Суит Гарри Трумэн, Суит Карри Чапмен Катт, но ни одно из них не привилось. В конце концов мы остановились на Суит Джо Ньюмене, и это, казалось, стало его постоянным именем. С тех пор его и зовут Суит Джо.

Суит Лана была просто сгустком энергии и работоспособности. Она вызывала для нас машины. Она показывала нам то, что мы хотели посмотреть. Это была решительная девушка, и ее взгляды были такими же решительными, как и она сама. Она ненавидела современное искусство во всех его проявлениях. Абстракционисты были для нее американскими декадентами; экспериментаторы в живописи — также представители упадочного направления; от Пикассо ее тошнило; идиотскую картину в нашей спальне она назвала образцом декадентского американского искусства. Единственное искусство, которое ей действительно нравилось, была фотографическая живопись девятнадцатого века. Мы обнаружили, что это не ее личная точка зрения, а общее мнение. Мы не думаем, что на художника оказывается какое-то давление. Но если он хочет, чтобы его картины выставлялись в государственных галереях, а это единственный существующий вид галерей, то он и будет писать картины с фотографической точностью. Он не станет, во всяком случае в открытую, экспериментировать с цветом и линией, не будет изобретать новую технику и вообще не станет использовать субъективный подход в своей работе. Суит Лана высказывалась на этот счет весьма категорично. Так же яростно спорила она и по другим вопросам. Через нее мы узнали, что советскую молодежь захлестнула волна нравственности. Это было что-то похожее на то, что происходило у нас в Штатах в провинциальных городишках поколение назад. Приличные девушки не ходят в ночные клубы. Приличные девушки не курят. Приличные девушки не красят губы и ногти. Приличные девушки одеваются консервативно. Приличные девушки не пьют. И еще приличные девушки очень осмотрительно себя ведут с парнями. У Суит Ланы были такие высокие моральные принципы, что мы, в общем никогда не считавшие себя очень аморальными, на ее фоне стали казаться себе весьма малопристойными. Нам нравится, когда женщина хорошо накрашена и когда у нее стройные лодыжки. Мы предпочитаем, чтобы она пользовалась тушью для ресниц и тенями для век. Нам нравится ритмичная музыка и ритмическое пение без слов, и мы обожаем смотреть на красивые ножки кордебалета. Для Суит Ланы все это являлось признаками декадентства и капиталистического образа жизни. И это было мнение не только

*От англ. sweet — милая, сладкая.

одной Суит Ланы. Такими взглядами отличались все молодые люди, с которыми мы встречались. Мы отметили одну довольно интересную вещь — отношение к подобным вещам наших наиболее консервативных и старомодных общественных групп во многом совпадало с принципами советской молодежи.

Суит Лана была очень опрятной и аккуратной, ее одежда была проста, добротна сшита и хорошо на ней сидела. А если она вела нас в театр или на балет, то надевала маленькую вуальку на свою шляпку. За время нашего пребывания в Советском Союзе Суит Лана стала терпимее относиться к нашему декадентству. И наконец, когда мы накануне отъезда устроили маленькую вечеринку, Суит Лана сказала:

— Я работала со многими людьми, но еще ни с кем мне не было так интересно.

Ее знание американской истории, полученное в университете, было обширным и с советской точки зрения научным. Она знала по истории то, о чем мы никогда не слышали, но изучала она это, конечно, с марксистских позиций, и поэтому знакомые нам события в ее изложении приобретали странное и чуждое звучание. Хотя скорее всего наше знание русской истории показалось бы ей таким же странным. Мало-помалу мы начали ей немножко нравиться, несмотря даже на наше декадентство. Ведь мы все-таки немного отличались от большинства туристов, с которыми ей приходилось работать. Но иногда, случалось, она вылезала из своей скорлупы серьезной советской девушки и позволяла себе немного развлечься — конечно, не по-декадентски.

Нам не терпелось разобраться в психологии таких, как она, и постепенно мы кое-что поняли. Молодым людям в Советском Союзе внушают, что им предстоит сделать очень многое, больше, чем они могут выполнить, что практически у них не останется времени для развлечений. Между ними идет постоянное соревнование. Среди тех, кто сдает школьные экзамены, выигрывает высшая оценка; обладатель высшей оценки получает аттестат*. Желающих поступить в вузы гораздо больше, чем мест, поэтому и здесь соперничество очень велико. Почет и вознаграждение повсюду отдаются самому деятельному человеку. Бывшие заслуги или влияние папы или дедушки в счет не идут. Положение человека полностью зависит от его ума и трудоспособности. И хотя советские молодые люди ведут себя несколько напряженно и страдают отсутствием чувства юмора, зато работают они хорошо.

Суит Лана привезла нас на Ленинские горы, и с этой высоты мы увидели весь город, увидели Москву, огромный город, который простирается до самого горизонта. По небу плыли черные кучевые облака, но солнце пробивалось из-под них и

* Возможно, автор имеет в виду золотую и серебряную медали, так как аттестат получают все выпускники, сдавшие экзамены.

отсвечивало на золотых куполах Кремля. Это город больших новых зданий и старых маленьких деревянных домиков с деревянными кружевами вокруг окон, любопытный город с изменчивым настроением и со своим характером. Точных цифр относительно его населения я не знаю, но говорят, что между шестью и семью миллионами.

Мы не спеша поехали обратно в город. На обочинах росла капуста, а по обе стороны дороги был высажен картофель. Москва еще не рассталась с тем, что у нас называлось "военными огородами" — у каждого был свой участок, засаженный капустой и картофелем, и владельцы яростно защищали свои угодья. За то время, что мы находились в Москве, двух женщин приговорили к десяти годам исправительных работ за то, что они украли из частного огорода три фунта картошки.

На обратном пути в Москву большая черная туча накрыла нас и пролилась дождем над городом.

Вероятно, самое сложное в мире для человека — просто наблюдать и принимать окружающее. Мы всегда искажаем картины нашими надеждами, ожиданиями и страхами. В России мы увидели многое, с чем не соглашались и чего не ожидали, и именно поэтому хорошо, что у нас с собой был фотоаппарат — ведь он без предвзятости запечатлевает то, что видит.

Нам пришлось пожить в Москве, пока мы ждали разрешения выехать из города и поездить по стране.

Нас пригласили на встречу с временным руководителем отдела печати. Он был одет в серую форму с квадратными погонами Министерства иностранных дел. У него были ярко-голубые, как бирюза, глаза.

Капа темпераментно говорил о фотосъемках. До этого времени он не имел возможности снимать. Собеседник заверил нас, что сделает все, чтобы как можно скорее получить для нас разрешение на фотографирование. Наша встреча была официальной и вежливой.

Потом мы отправились в Музей Ленина. Зал за залом — кусочек человеческой жизни. Мне кажется, что в мире не найдется более задокументированной жизни. Ленин, по всей вероятности, ничего не выбрасывал. В залах и в застекленных витринах можно видеть его записки, дневники, манифесты, памфлеты; его карандаши и ручки, его галстуки, одежда — все здесь. А на стенах развешаны большие картины, на которых изображены эпизоды из его жизни, с самого детства. Каждое событие революции, в котором он принимал участие, также отражено на гигантских полотнах. На стенах укреплены его книги, высеченные из белого мрамора, названия — в бронзе. Здесь находятся статуи Ленина, изображающие его в разных позах, а позже к нему присоединяется фигура Сталина. Но во всем музее нельзя найти изображения Троцкого. Троцкий, как учит русская история, перестал существовать и вообще никогда не существовал. Такой исторический подход нам непонятен. Это та история, ко-

торию хотелось бы иметь, а не та, что была на самом деле. Нет никакого сомнения в том, что Троцкий оказал огромное историческое влияние на русскую революцию. Не представляет никакого сомнения также и тот факт, что его смещение и изгнание имели большое историческое значение. Но для русской молодежи его никогда не было. Для детей, которые ходят в Музей Ленина и наглядно знакомятся с историей революции, Троцкого, хорошего ли, плохого ли, никогда не существовало.

В музее толпился народ. Здесь были группы советских солдат, дети, туристы из разных республик; каждую группу водил гид; своей указкой он или она показывали экспонаты, о которых шла речь.

Пока мы там были, в зал вошла большая группа сирот, родители которых погибли во время войны. Мальчики и девочки от шести до тринадцати лет, чистенькие и принаряженные. Они шли по залам и рассматривали широко открытыми глазами документированную жизнь покойного Ленина. Они с удивлением рассматривали его меховую шапку и пальто с меховым воротником, его ботинки; столы, за которыми он писал, стулья, на которых он сидел. Все, что касается этого человека, находится здесь, все, за исключением его юмора. И ничто здесь не говорит о том, что за всю свою жизнь он хоть раз подумал о смешном и легком, рассмеялся от всего сердца, что ему было действительно весело. Уверен, что все это было, но скорее всего история запрещала обнародовать эту сторону жизни.

В музее приходит в голову мысль, что Ленин сам сознавал, какое место в истории он занимает. Он не только сохранял каждый клочок своих мыслей и записей, здесь были еще сотни его фотографий. Его фотографировали везде, в любых ситуациях, в разном возрасте, будто он предвидел, что в один прекрасный день будет открыт музей, который назовут Музеем Ленина.

Здесь царит тишина. Люди разговаривают шепотом, а гиды с указками говорят нараспев, будто читают молитву. Потому что этот человек перестал быть для русских просто человеком. Он уже не во плоти, а в камне, бронзе, мраморе. Лысую голову и остроконечную бородку можно видеть повсеместно в Советском Союзе. Прищуренные глаза внимательно смотрят с холста и гипса.

Вечер мы провели в американском клубе, куда приходят отдыхать служащие посольства, солдаты и матросы из военного и морского атташатов. Подавали едкий пунш из водки с грейпфрутовым соком — прекрасное напоминание о временах сухого закона. Маленьким оркестром дирижировал Эд Гилмор, aficionado* свинга. Сначала он назвал свой оркестр "Кремлевские вороны", но, поскольку это не вызвало большого одобрения, он переименовал его в "Московских водяных крыс".

После торжественной обстановки Музея Ленина, где мы

* Aficionado — любитель (исп.).

провели несколько часов, легкий шум, смех и некоторый беспорядок пришлились весьма кстати.

Среди женщин было много ныне всем известных жен американцев и англичан, которым не разрешали выехать из Советского Союза. Красивые и печальные девочки. Они не могут жить со своими мужьями в Америке или Англии и поэтому работают в посольствах, пока вопрос о них не будет решен окончательно.

Есть многое, чего мы не можем понять в Советском Союзе, в том числе и это. Таких женщин не более пятидесяти. Они уже не нужны Советскому Союзу. Они на подозрении. Русские не общаются с ними, и все-таки уехать им не разрешается. И из-за этих пятидесяти женщин, этих пятидесяти ничем не примечательных женщин Советский Союз приобрел себе дурную славу, даже худшую, чем он мог получить по любому другому поводу. Конечно же такая ситуация не может возникнуть вновь, поскольку русским отныне запрещено жениться или выходить замуж за иностранцев. Так и сидят они здесь, в Москве, эти грустные женщины, уже не русские и еще не успевшие стать американками или англичанками. Нам совершенно непонятна логика, в силу которой их здесь держат. Может, русские хотят показать, что не желают, чтобы им указывали, как поступать. Возможен и такой простой вариант.

Когда Клемент Эттли обратился с личной просьбой, чтобы женщинам позволили уехать из России, то ему просто дали понять, чтобы он не совался в чужие дела. Это еще одна из международных глупостей, которых в мире явно становится все больше и больше. Иногда кажется, что государственные руководители ведут себя как мальчишки, у которых игрушечные погонны на плечах, и каждый говорит другому — а ну, попробуй тронь!

Вечер в американском клубе удался, веселый шумный вечер, который заставил нас даже немного заскучать по дому. И все, кто был там, тоже скучали по дому, потому что Россия не слишком приветлива к иностранцам, особенно если они работают на иностранные правительства. И хотя мы еще мало пробыли в Советском Союзе, нам нравилось глазеть на губную помаду, тушь для ресниц и крашенные ногти девочек.

На следующий день мы поехали на воздушный парад. Хотя это не считалось военным торжеством, все-таки проводили его Советские Военно-Воздушные Силы. В Советской Армии у каждого рода войск свой праздник. Есть День танкиста, День пехоты, День Военно-Морского Флота и День авиации. Поскольку все же праздник был полувоенным, нас предупредили не брать с собой камеры. Довольно смешно, так как сюда были приглашены все военные атташе из всех посольств, а это люди, прекрасно разбирающиеся в самолетах. Мы же не отличали самолет от дырки в земле. А военные атташе в отличие от нас, возможно, понимали и запоминали все, что видели.

За нами пришла машина. Мы проехали по длинной улице, на которой было развешано множество красных флагов и флагов

Военно-Воздушных Сил. По обочинам шоссе были установлены большие портреты Сталина, Маркса и Ленина. Сотни тысяч людей ехали к летному полю на трамваях, автобусах, сотни тысяч шли пешком.

Наши места находились на трибуне, и это, конечно, было ошибкой. Нам надо было быть на зеленом поле, откуда буквально миллионы людей наблюдали за воздушным парадом. День был жаркий, а от солнца некуда было укрыться. На ровном зеленом поле стояли палатки, в которых продавали прохладительные напитки и пирожки. Когда мы заняли свои места, вдруг послышался гул, который перерос в настоящий рев: все, кто стоял на поле, приветствовали Сталина, который только что приехал. Нам не было его видно, потому что мы сидели на другой стороне трибуны. Его появление было встречено не приветствиями, а гулом, как в гигантском улье.

Праздник начался почти мгновенно. Его начали гражданские летчики — с заводов, из авиаклубов, женских организаций. Самолеты летели звеньями, сложными звеньями и делали это прекрасно. Самолеты следовали цепочкой за ведущим, делали "мертвые петли", повороты, пикировали один за другим.

Потом появились военные самолеты, летящие в спарке, тройками, пятерками, семерками, крыло к крылу, как одна большая машина. Это был превосходный полет, но не то, ради чего пришли люди. Они пришли, чтобы увидеть новые типы самолетов, реактивные машины. Наконец они появились. Некоторые из них взлетали почти перпендикулярно, на огромной скорости, оставляя за собой на небе белые следы. И вот наконец показали реактивные самолеты. Не знаю зачем, может из-за иностранных обозревателей, самолеты пронеслись на высоте трехсот футов над землей, и к тому времени, как мы услышали звук, сами самолеты уже исчезли из поля зрения. Показали три или четыре новые модели самолетов. У нас не сложилось ни малейшего представления, чем они отличаются от других реактивных самолетов, нам они показались очень быстрыми. За весь парад пролетело всего два больших самолета, скорее всего это были бомбардировщики.

Затем нам показали воздушный бой. Появились самолеты "противника", навстречу поднялись самолеты-защитники, а с земли, откуда-то издалека, доносился рев и были видны вспышки батарей ПВО, и все поле вздрагивало от раскатов. Это было очень зрелищно, время от времени какой-нибудь самолет выпускал облако черного дыма и огня, штопором летел к земле, и за холмом вспыхивало пламя каления, создающее иллюзию взрыва. Это было по-настоящему захватывающее зрелище.

Конец праздника был очень эффектным. К полю подлетела большая группа транспортных самолетов, и один за другим над полем стали появляться парашютисты. В воздухе находилось по меньшей мере около пятисот человек с красными, зелеными и синими парашютами. Солнце делало их похожими на небесные

цветы. Они летели к полю и прямо перед тем, как приземлиться, выпускали еще один парашют, поэтому никто не падал и не спотыкался, все приземлялись на обе ноги.

К этому празднику готовились, наверное, много недель, время было рассчитано очень точно, никаких задержек. Одно действие следовало сразу же за другим. Когда все кончилось, толпа опять загудела и сотни тысяч людей захлопали. Уезжал Сталин, а мы его так и не увидели.

Существуют определенные неудобства в том, чтобы иметь лучшие места на трибуне, и жалко, что мы не были на поле, где люди сидели с комфортом, прямо на траве, наблюдали за представлением и видели намного больше нас. Такой ошибки — согласиться на роль почетного гостя — мы больше не повторяли. Конечно, это льстит самолюбию, но далеко не все видно.

На следующее утро мы получили разрешение на съемку. У Капы давно чесались руки, и наконец ему дали волю. Мы хотели сфотографировать строящуюся Москву и то, как Москва лихорадочно красит и ремонтирует дома, готовясь к юбилею основания города. Суит Лана должна была ехать с нами и быть нашим гидом и переводчиком.

Почти моментально мы столкнулись с подозрительным отношением окружающих к иностранным фотографам. Мы снимали детей, которые играли на груде камней. Они строили что-то, кладя один камень на другой, перевозя землю в маленьких вагончиках, подражая работе взрослых. Вдруг появился полицейский. Он был очень вежлив, но хотел, чтобы ему показали разрешение на съемку. Прочитал разрешение, но видно было, что не очень хочет идти на поводу у клочка бумаги. Поэтому он пригласил нас к ближайшему телефонному автомату и позвонил, по-видимому, в центральное управление. Мы стали ждать. Ждали в течение получаса, пока наконец не подъехала машина, набитая людьми в штатском. Они посмотрели наши разрешения. Прочитали каждый по очереди, потом посоветовались; мы не знали, о чем они говорят; затем позвонили куда-то и наконец подошли к нам улыбаясь, отдали честь, и мы снова могли продолжать съемки.

Затем мы поехали в другой конец города, где хотели снять всякие магазины: продуктовые, промтоварные, универсальные. И снова к нам подошел вежливый полицейский, прочитал наши бумаги и пошел звонить в телефон-автомат. И снова подъехала машина с людьми в штатском, каждый прочитал наше разрешение, проконсультировались и позвонили кому-то по телефону. Повторилось то же самое. Они подошли к нам улыбаясь, отдали честь, и мы могли фотографировать и в этом районе.

Это повторялось на всей территории Советского Союза. Я думаю, такой порядок принят везде, где есть государственные учреждения. Никто не хочет ничего брать на себя. Никто не хочет сказать "да" или "нет" по какому-то поводу. Всегда лучше обратиться к кому-то вышестоящему. Таким образом человек

защищает себя от критики. Каждый, кто имел дело с армией или правительством, может подтвердить это. Реакция на наши камеры была везде очень вежливой, но всегда осторожной, и фотоаппарат не шелкал, пока полицейский не был уверен, что все в порядке.

Продовольственные магазины в Москве очень большие; как и рестораны, они делятся на два вида: те, в которых продукты можно приобрести по карточкам, и коммерческие магазины, также управляемые государством, где можно купить практически любую еду, но по очень высоким ценам. Консервы сложены горами, шампанское и грузинские вина стоят пирамидами. Мы видели продукты, которые могли бы быть и американскими. Здесь были банки с крабами, на которых стояли японские торговые марки. Были немецкие продукты. И здесь же лежали роскошные продукты Советского Союза: большие банки с икрой, горы колбас с Украины, сыры, рыба и даже дичь — дикие утки, вальдшнепы, дрофы, кролики, зайцы, маленькие птички и белая птица, похожая на белую куропатку. И различные копчености.

Но все это были деликатесы. Для простого русского главным было, сколько стоит хлеб и сколько его дают, а также цены на капусту и картошку. В хороший год, в такой, как мы попали, цены на хлеб, капусту и картофель упали, а это показатель успехов или хорошего урожая.

На витринах продовольственных коммерческих магазинов и тех, в которых действуют карточки, выставлены муляжи того, что можно купить внутри. На витринах лежит ветчина из воска, бекон и колбаса, восковые куски говядины и даже восковые банки с икрой.

Мы прошли в соседний универсальный магазин, где продается одежда, обувь, чулки, костюмы и платья. Качество и пошив одежды оставляли желать лучшего. В Советском Союзе существует принцип производить товары первой необходимости, пока они нужны, и не выпускать предметы роскоши, пока товары первой необходимости пользуются спросом. Здесь были набивные платья, шерстяные костюмы, а цены показались нам слишком высокими. Но не хотелось бы обобщать: даже за то короткое время, что мы были в Советском Союзе, цены снизились, а качество вроде стало лучше. Нам показалось, что то, что верно сегодня, завтра может оказаться неверным.

Мы ходили в комиссионные магазины, где продаются подержанные товары. Это специализированные магазины. В одних продается фарфор и люстры, в других — ювелирные изделия, в основном старинные вещи, поскольку в настоящее время выпускается очень немного ювелирных украшений: гранаты и изумруды, серьги, кольца и браслеты. Есть еще магазин, который торгует фотооборудованием и камерами, в основном немецкими камерами, которые привезли с войны. В четвертом продают ношенные вещи и обувь. Есть магазины, где можно купить полудрагоценные камни с Урала — бериллы, топазы, аквамарины.

У входа в такие магазины идет другая торговля. Если, например, вы выходите из фотомагазина, к вам осторожно подходят два-три человека с пакетами в руках, а в пакетах — фотоаппараты "Контакт", или "Лейка", или "Роллейфлекс". Эти люди дают вам взглянуть на камеру и называют цену. То же происходит и около ювелирных магазинов. Стоит человек с газетным свертком. Он быстро раскрывает его, показывает бриллиантовое кольцо и говорит цену. Скорее всего то, чем он занимается, незаконно. Цены, которые называют эти уличные торговцы, во всяком случае немного выше, чем цены в комиссионных магазинах.

В таких магазинах всегда толпятся люди, которые приходят сюда не купить, а посмотреть, как покупают другие. Если вы хотите взглянуть на какую-то вещь, вас моментально обступают люди, которые тоже хотят это посмотреть и узнать, будете ли вы это покупать. Нам показалось, что для них это что-то вроде театра.

Мы вернулись обратно в нашу зеленую спальню с безумной картиной на стене; настроение у нас было неважное. Мы не могли точно уяснить себе, почему именно, а потом до нас дошло: на улицах почти не слышно смеха, не видно улыбок. Люди идут, вернее, торопятся мимо, головы опущены, на лицах нет улыбок. Может, из-за того, что они много работают, что им далеко добираться до места работы. На улицах царит серьезность, может, так было и всегда, мы не знаем.

Мы ужинали с Суит Джо Ньюменом и с Джоном Уокером из "Тайма" и спросили, заметили ли они, что люди здесь совсем не смеются. Они сказали, что заметили. И еще они добавили, что спустя некоторое время это отсутствие смеха заражает и тебя и ты сам становишься серьезным. Они показали нам номер советского юмористического журнала "Крокодил" и перевели некоторые шутки. Это были шутки не смешные, а острые, критические. Они не предназначены для смеха, и в них нет никакого веселья. Суит Джо сказал, что в других городах все по-другому, и мы сами увидели это, когда поехали по стране. Смеются в деревнях, на Украине, в степях, в Грузии, но Москва — очень серьезный город.

Одному из корреспондентов не повезло с шофером. Ему нужна была машина, и для иностранца лучше, когда его возит по Москве русский шофер. Но вот с заменой шофера ему не везло. Проблема заключалась в следующем: шофер был довольно хороший, но, когда машина освобождалась, он подвозил любого, кто был готов заплатить сотню рублей. Шофер богател, а машина ветшала. Корреспондент ничего не мог поделать, потому что, как только он выражал недовольство, у шофера портилось настроение, и тут же что-то случалось с машиной: она неделями не выходила из гаража. Поэтому ради того, чтобы пользоваться своей же машиной, ему приходилось поддерживать у водителя хорошее настроение. Несколько раз он менял водителей, но

результат был тот же.

Нередко ситуация с шофером приобретает несколько странный оборот. Например, шофер Эда Гилмора имеет своего шофера, который привозит его на работу.

Мы сомневались в правдивости таких историй, но однажды убедились в этом окончательно, когда один человек нашел для нас целый автобус. Нам надо было срочно добраться из аэропорта в Москву, и другого транспорта не было. Поездка стоила нам четыреста рублей. То была роскошная поездка: вдвоем в автобусе, в котором могли бы свободно разместиться тридцать человек.

По всей видимости, такие шоферы — зажиточные и счастливые люди, иностранцу без них не обойтись, так как в Москве довольно трудно получить водительское удостоверение. Один корреспондент сдавал экзамен на права, но провалился из-за вопроса: "Чего не должно быть на автомобиле?" Он мог назвать множество предметов такого рода и в конце концов сказал что-то, но оказался не прав. А правильный ответ был — "грязи".

Вечером мы смотрели в посольстве американский фильм "Голубая рапсодия". Мы уже видели этот фильм раньше, но этот вариант был намного интереснее, потому что кто-то перепутал все ролики: фильм начинался с того, что все уже умерли, затем они оживали, пока, наконец, в конце Джордж Гершвин не стал маленьким мальчиком. В таком варианте фильм нам понравился намного больше.

Капа постоянно фотографировал людей на улице из окна нашего номера. Он устраивался за занавесями со своей камерой с большим объективом и снимал людей, бредущих под дождем, покупающих что-то в маленьком магазинчике напротив. Он и человек из "Ремонта фотоаппаратов" продолжали дуэль, щелкая своими камерами.

Мы давно не получали никаких известий из дому. Письма не доходили, и мы решили попытаться дозвониться до Нью-Йорка. Это оказалось очень трудно, и мы бросили это дело. В Нью-Йорк можно было позвонить, если предварительно перевести туда на особый счет деньги. Поэтому сначала нужно телеграфировать кому-то в Нью-Йорк и указать точное время телефонного звонка и продолжительность разговора. Там посчитают, сколько это будет стоить, и доллары, которые лежат в Нью-Йорке, будут пересланы в Москву, но поскольку все это заняло бы неделю или даже дней десять, мы решили, что проще будет продолжать писать письма в надежде получить что-нибудь в ответ.

Когда наконец стали приходить письма, мы подсчитали, что из Нью-Йорка в Москву почта идет от десяти дней до трех недель. Неизвестно, почему так происходит, ведь из Нью-Йорка в Стокгольм почта идет 2 дня, а остальное время тратится на дорогу до Москвы. Из-за такой задержки в доставке почты иностранцы чувствуют себя еще более отрезанными от остального мира и более одинокими.

В Москве мы были уже неделю, разрешение на наш выезд из города еще не пришло, и это тяготило нас. Мы думали, что можем прождать целое лето, как вдруг разрешения пришли, и наш план стал осуществляться.

Суит Джо Ньюмен устроил в нашу честь коктейль, который кончился очень поздно. На рассвете мы намеревались отправиться в Киев. Этот вечер поднял наш дух и настроение других пятидесяти гостей.

Мы столкнулись с тем, что путешествовать по Советскому Союзу очень сложно. Из Киева нельзя ехать сразу в Сталинград или из Сталинграда в Сталино. Каждый раз нужно возвращаться в Москву, поскольку транспортная система работает, как спицы у колеса; кроме этого дороги так разрушены войной, что ездить по ним практически невозможно; к тому же на это ушло бы больше времени, чем мы могли себе позволить. Была еще одна трудность: самолеты там летали только днем, ночью вылетов не было, зато первые рейсы отправлялись рано утром. А после коктейля у Суит Джо нам показалось — даже слишком рано.

Глава 4

.....

Суит Лана не могла ехать с нами в Киев. Вместо нее в качестве переводчика и гида поехал г-н Хмарский, приятный маленький человечек, изучающий американскую литературу. Его знание английского было очень книжным. Капа, как всегда, все время путал его имя и подшучивал над ним.

Хмарский снова и снова поправлял его: "Г-н Капа, Хмарский, а не Хумарский".

Тогда Капа говорил: "Да-да, г-н Хомарский".

— Да нет же, г-н Капа, не Хумарский и не Хомарский, а Хмарский.

Это продолжалось постоянно, и Капа с радостью находил новые варианты произношения его имени. Хмарский всегда немного волновался, когда мы начинали выражаться иносказательно, на американский манер. Поначалу он пытался было вслушиваться, но потом понял, что это бесполезно, и перестал слушать вообще. Порой срывались все его планы: за нами не приходили заказанные им машины, не улетали самолеты, на которые он брал нам билеты. И мы стали называть его "Кремлевский гремлин".

— А что это за "gremlin"?* — поинтересовался он.

Мы подробно рассказали о происхождении этих гномов, как это началось в RAF** и какие у них дурные привычки. Как они

* Cremlin — злой гном.

** RAF (Royal Air Force) — Королевские военно-воздушные силы (Великобритания).

останавливают в полете двигатели, покрывают льдом крылья самолета, засоряют бензопровод.

Он слушал с большим вниманием, а потом поднял палец и сказал:

— В Советском Союзе в привидения не верят.

Может, мы были с ним не слишком любезны. Но кажется, он не очень обиделся.

Есть один вопрос, на который там никогда нельзя получить ответ, а именно в котором часу улетает самолет. Заранее узнать это невозможно. Единственное, что известно, — это то, что он вылетает рано утром. И еще нужно помнить, что на аэродроме необходимо быть задолго до отлета самолета. Каждый раз, когда надо куда-то лететь, вы должны приехать на аэродром в холодную предрассветную темень и несколько часов сидеть и пить чай в ожидании вылета. В три часа утра к нам в номер позвонили, и мы не были рады столь раннему подъему, поскольку после вечеринки у Суит Джо нам надо было бы поспать по меньшей мере 12 часов, а мы спали всего час. Мы свалили оборудование в багажник машины и поехали по пустынным улицам Москвы за город.

Мы заметили одну интересную вещь. В Советском Союзе водители разгоняют машину, выключают скорость и едут по инерции. Так же они поступают, когда едут под уклон. Нам объяснили, что это экономит бензин и этому там учат всех водителей. Шоферу выдается определенное количество бензина, которое рассчитано на определенное расстояние, и он должен доехать на этом количестве до заданного места, в результате он использует всякую уловку, лишь бы бензин сохранился подольше. Это еще одна сторона огромной бухгалтерской системы Советского Союза. Ее можно сравнить с бухгалтерскими отчетами в ресторанах. Износ сцепления и мотора в расчет не идет, только бы расход бензина был небольшим. Нам такая езда действовала на нервы. Порою машина разгоняется до шестидесяти миль, сцепление выключается, и машина идет, пока не начинает останавливаться. Потом опять разгоняется до шестидесяти миль и снова идет накатом.

В это предрассветное время в московском аэропорту толпились люди: поскольку все самолеты вылетают рано утром, пассажиры начинают подъезжать сюда сразу же после полуночи. Одежды они по-разному. На ком-то меховые шубы, которые согреют в арктическом климате Белого моря или на севере Сибири, на других — легкая одежда, что вполне подходит для субтропиков Черноморья. Шесть часов лета от Москвы — и вы можете попасть в любой климат, какой только существует на свете.

Поскольку мы были гостями ВОКСа, нас провели через зал ожидания в боковую комнату, где стояли стол, несколько диванов и удобные стулья. И здесь под строгим взглядом нарисованного Сталина мы пили крепкий чай, пока не объявили о посадке в наш самолет.

Сталин на большом портрете, написанном маслом, был изображен в военном мундире со всеми орденами, которых, кстати, было очень много. У шеи — Золотая Звезда*. Слева на груди, вверху, — самая престижная из всех Золотая Звезда Героя Советского Союза, которую можно сравнить с нашей медалью Чести конгресса. Ниже — ряд орденов, полученных за участие в сражениях. А справа на груди — ряд золотых и красных эмалевых звезд. Вместо ленточек, которые носят в наших войсках, медали здесь выпускаются в честь каждой крупной победы Советской Армии: Сталинград, Москва, Ростов и так далее, и Сталин имеет их все, ведь, будучи Маршалом** Советского Союза, он руководил всеми военными операциями.

Здесь будет весьма кстати обсудить то, что волнует большинство американцев. Все в Советском Союзе происходит под пристальным взглядом гипсового, бронзового, нарисованного или вышитого сталинского ока. Его портрет висит не то что в каждом музее — в каждом зале музея. Его статуи установлены на фасаде каждого общественного здания. А его бюст — перед всеми аэропортами, железнодорожными вокзалами и автобусными станциями. Бюст Сталина стоит во всех школьных классах, а портрет часто висит прямо напротив бюста. В парках он сидит на гипсовой скамейке и обсуждает что-то с Лениным. Дети в школах вышивают его портрет. В магазинах продают миллионы и миллионы его изображений, и в каждом доме есть по крайней мере один его портрет. Одной из самых могучих индустрий в Советском Союзе является, несомненно, рисование и лепка, отливка,ковка и вышивание изображений Сталина. Он везде, он все видит. Концентрация власти в руках одного человека и его увековечение внушают американцам чувство неприязни и страха, им это чуждо и ненавистно. А во время общественных празднеств портреты Сталина вырастают до немыслимых размеров. Они могут быть высотой с восьмизэтажный дом и пятидесяти футов шириной***. Его гигантский портрет висит на каждом общественном здании.

Мы разговаривали об этом с некоторыми русскими и получили разные ответы. Один ответ заключался в том, что русский народ привык к изображениям царя и царской семьи, а когда царя свергли, то необходимо было чем-то его заменить. Другие говорили, что поклонение иконе — это свойство русской души, а эти портреты и являются такой иконой. А третьи — что русские так любят Сталина, что хотят, чтобы он существовал вечно. Четвертые говорили, что самому Сталину это не нравится и он просил, чтобы это прекратили. Но нам казалось, что то, что не нравится Сталину, исчезает мгновенно, а это явление, наоборот, приобретает все более широкий размах. Какова бы ни была

* Маршальская звезда.

** Генералиссимусом.

*** 50 футов — 15 метров.

причина, очевидно одно: все в России постоянно находится под сталинским взором — улыбающимся, задумчивым или суровым. Это одна из тех вещей, которую американец просто не в состоянии понять. Есть и другие портреты, и другие скульптуры. И по размеру фотографий и портретов других лидеров можно приблизительно сказать, кто за кем идет после Сталина. Например, в 1936 году вторым по величине был портрет Ворошилова, сегодня, несомненно, — Молотова.

После четырех стаканов крепкого чая объявили наш самолет, и мы загрузили в него свой багаж. И опять это был старый коричневый "С-47". Люди вносили в салон свои узлы и складывали их в проходах. Все взяли с собой еду — буханки черного хлеба, яблоки, колбасу, сыр и копченую ветчину. Они всегда берут с собой еду, и мы поняли, что это прекрасная идея. С буханкой черного ржаного хлеба в сумке вам нечего бояться: если что-то случится, два дня вы голодать не будете. Система кондиционирования воздуха обычно не работает, и, как только закрываются двери, в самолете становится душно. Пахло чем-то кислым, и я долгое время не мог понять, чем именно. Но потом понял. Люди выдыхали запах черного ржаного хлеба. Но стоит самому съесть кусок хлеба, как запах перестает замечать.

Капа захватил в поездку книги, и я тогда не знал, как он их достал. Потом выяснилось, что Капа ворует книги. Он называет это "одолжить". Он их случайно кладет в карман, а если его за этим застают, он говорит: "Я обязательно верну, я у вас ее одолжу, просто хочется почитать". Книжка редко возвращается владельцу.

Самое интересное произошло с Эдом Гилмором. Книги представляют особую ценность для московских корреспондентов, и с приходом груза детективов или современных романов наступает счастливое и радостное время. Так случилось, что Эд Гилмор только что получил новый детектив Эллери Куина. Когда мы пришли к нему в гости, он уже успел прочитать пять глав и, естественно, отложил книгу, чтобы поговорить с нами. Когда мы ушли, он стал искать книгу, но ее не было — Капа "одолжил". Если бы Капа одолжил или стащил красавицу жену Эда Тамару, может, это потрясло бы Эда больше, но так бы не разозлило. И я думаю, он по сей день не знает, куда исчез Эллери Куин. Капа же, прослышав о гневe Гилмора, некоторое время проявлял явное нежелание встречаться с ним вновь. Среди московских корреспондентов, особенно в зимнее время, действует своеобразный кодекс чести, подобный тому, как на Западе действует кодекс в отношении лошадей, и за кражу книги можно было подвергнуться линчеванию. Но Капа никогда не учился и никогда не менялся. Он воровал книги до последнего дня пребывания в России. Кроме того, он уводил женщин и сигареты, но это прощается легче.

Мы собирались немного почитать в самолете, но моментально заснули. А когда проснулись, то самолет пролетал уже над

полями Украины, такими же плодородными и плоскими, как наш Средний Запад. Под нами лежали бесконечные поля гигантской житницы Европы, земли обетованной, желтеющие пшеницей и рожью, кое-где убранный, где-то еще убираемой. Нигде не было ни холмика, ни возвышения. Поле простиралось до самого горизонта, ровного, закругленного. А по долине извивались и петляли речки и ручьи.

Около деревень, где проходили сражения, зигзагами шли траншеи, рвы и щели. Некоторые дома стояли без крыш, кое-где виднелись черные заплатки сожженных домов.

Казалось, конца не будет этой равнине. Но наконец мы подлетели к Днепру и увидели Киев, который стоял над рекой на холме, единственной возвышенности на многие километры вокруг. Мы пролетели над разрушенным городом и приземлились в окрестностях.

Все уверяли нас, что за пределами Москвы все будет совершенно иначе, что там нет такой суровости и напряженности. И действительно, прямо на летном поле нас встретили украинцы из местного ВОКСа. Они все время улыбались. Они были веселее и спокойнее, чем люди, с которыми мы встречались в Москве. И открытости и сердечности было больше. Мужчины были крупными, почти все — блондины с серыми глазами. Нас ждала машина, чтобы везти в Киев.

Наверное, когда-то город был очень красив. Он намного старше Москвы. Это — мать русских городов. Расположенный на холме у Днепра, Киев простирается вниз, в долину. Некоторые из его монастырей, крепостей и церквей построены в XI веке. Некогда это было любимое место отдыха царей, и здесь находились их летние дворцы. Его общественные здания были известны по всей России. Киев был центром религии. А сейчас Киев почти весь в руинах. Здесь немцы показали, на что они способны. Все учреждения, все библиотеки, все театры, даже цирк — все разрушено, и не орудийным огнем, не в сражении, а огнем и взрывчаткой. Университет сожжен и разрушен, школы в руинах. Это было не сражение, а безумное уничтожение всех культурных заведений города и почти всех красивых зданий, которые были построены за последнюю тысячу лет. Здесь хорошо поработала немецкая "культура". Одна из маленьких побед справедливости заключается в том, что немецкие военнопленные помогают расчищать эти руины.

Нашим гидом был Алексей Полторацкий, крупный человек, немного прихрамывающий из-за раны, полученной под Сталинградом. Это украинский писатель, прекрасно владеющий английским, человек с большим чувством юмора, сердечный и дружелюбный.

По дороге в гостиницу мы заметили, как это, конечно, замечают все, что украинские девушки очень красивы, большинство из них — блондинки, с прекрасными женственными фигурами. Они улыбкивы, обаятельны, ходят, покачивая бедрами. И

хоть одеты так же, как и москвички, одежда на них, как нам показалось, сидит лучше. Хотя Киев разрушен очень сильно, а Москва — нет, киевляне все же не кажутся такими смертельно усталыми, как москвичи. Они не сутулятся при ходьбе, плечи расправлены, на улицах часто слышится смех. Может, это типично для этих мест, ведь украинцы отличаются от русских — это славяне отдельной ветви. Несмотря на то что большинство украинцев говорит и читает по-русски, их родной язык совершенно самостоятельный и не связан с русским, а скорее ближе к южно-славянской группе языков*. Много украинских слов, в основном из фермерского лексикона; звучат почти так же на венгерском, а в чешском они повторяются чаще, чем в русском.

В гостинице "Интурист" украинские хозяева устроили нам превосходный обед. На обед подали спелые помидоры и огурцы, мелкую соленую рыбешку, черную икру и водку. Мы ели жареную днепровскую рыбу и прекрасно приготовленные бифштексы с украинской зеленью. Мы пили грузинское вино, а украинские колбасы были великолепны.

Эти люди были настроены весьма дружелюбно. За обедом они, веселясь, рассказали нам об американце, который приехал в Киев в составе делегации какого-то международного комитета. По приезде в Америку этот человек написал серию статей и книгу об Украине. А развеселило их то, что этот американец мало что узнал об Украине. Они рассказали, что он очень редко выходил из своего номера, ничего не видел и с таким же успехом мог написать свою книгу, не покидая Америки. Эти украинцы утверждали, что в книге много неточностей и что его начальник прислал письмо, в котором это признал. Но больше всего их беспокоило то, что этому человеку, которого теперь считают специалистом по Украине, поверят в Америке. Они рассказали со смехом, как однажды вечером с улицы у гостиницы, где американец ужинал, донесся громкий автомобильный выхлоп. Американец сильно вздрогнул и закричал: "Большевики расстреливают заключенных!" Скорее всего, сказали украинцы, он до сих пор этому верит.

Днем мы гуляли по красивому парку, который выходит на обрыв Днепра. Здесь росли огромные деревья, а на месте эстрадных раковин, сожженных немцами, построили уже новые. Среди деревьев виднелись могилы защитников города — зеленые холмики с красными цветами. В парке были маленькие театры и много скамеек.

Далеко внизу река огибает обрыв, а на той стороне реки — песчаный пляж, где загорают и купаются. Вдали равнина и город, полностью разрушенный во время боев за него, руины, чернота и одиноко стоящие стены. С этого места Красная Армия начала отвоевывать город у немецких оккупантов

* Украинский язык (как и русский) относится к восточнославянской группе языков.

В парке играл оркестр, дети сидели на скамейках и слушали. По реке сновали лодки и пароходики, купались люди.

Мы перешли по пешеходному мостику над дорогой и внизу увидели автобусную остановку. Перед автобусом разыгрался скандал с участием женщин, равного которому мы не видели давно. Законы очередей у русских незыблемы. Чтобы попасть в трамвай или автобус, надо встать в очередь. Исключения из этого правила составляют беременные женщины, женщины с детьми, старики и калеки — они могут в очереди не стоять. Они входят первыми. Но все остальные должны встать в очередь. Так вот, внизу какой-то мужчина прошел без очереди, возмущенная женщина вцепилась в него, чтобы оттащить его туда, где он стоял раньше. Но тот с каким-то упрямством не уступал и все-таки пролез в автобус. Но женщина бросилась вслед за ним, вытолкала его из машины и поставила в очередь. Она была в ярости, а те, кто стоял в очереди, подбадривали ее, пока она выволакивала мужчину из автобуса и ставила на место. Это был один из немногих случаев насилия, с которыми мы столкнулись за время всей нашей поездки. А в основном люди относятся друг к другу с невероятным терпением.

За ужином в тот вечер мы чувствовали себя очень усталыми, так как накануне мало спали, и наша страсть к водке пошла на убыль, пока не исчезла вовсе.

У наших хозяев накопилось к нам много вопросов. Они хотели знать об Америке, о ее размерах, о ее урожаях, о ее политике. И мы начали сознавать, что рассказывать об Америке очень сложно. Есть у нас много такого, чего мы не понимаем сами. Мы рассказали о нашей теории правления, где одна часть правительства контролируется другой ее частью. Мы постарались объяснить, что очень боимся диктатуры и лидеров, наделенных слишком большой властью, и что наша форма правления такова, что исключает сосредоточение власти в одних руках, а если уж допускает это, то не дает долго сохранять ее. Мы согласились, что наша страна из-за этого медленнее функционирует, зато функционирует надежнее.

Они спрашивали о заработках, жизненном уровне, образе жизни рабочего человека, есть ли у среднего гражданина автомобиль, в каком доме он живет, ходят ли в школу его дети и какая это школа.

А потом они стали говорить об атомной бомбе и заявили, что не испытывают страха перед ней. Сталин сказал, что бомбу в войне никогда не используют, и они безоговорочно верят этому заявлению. Один человек сказал, что, даже если ее и сбросят, она разрушит одни только города. "А наши города уже разрушены, — сказал он. — А на что еще она способна? Если на нас нападут, мы будем защищаться, как мы защищались от немцев. Мы будем сражаться в снегу, в лесах и в полях".

Они говорили о войне с волнением: они столько всего пережили. Они спросили:

— Нападут ли на нас Соединенные Штаты? Неужто нашему поколению придется опять защищать свою страну?

Мы ответили:

— Нет, мы не думаем, что Соединенные Штаты нападут на вас. Мы не знаем. Нам такие вещи не говорят. Но не думаем, что наш народ хочет напасть на кого-то. — И мы спросили у них, с чего они взяли, что мы можем напасть на Россию.

Что ж, ответили они, мы узнали об этом из ваших газет. Некоторые ваши газеты постоянно пишут о нападении на Россию. А кое-какие призывают к так называемой превентивной войне. Но известно, сказали они, превентивная война такая же, как и любая другая. Мы ответили, что газеты, которые они называют, и те обозреватели, которые пишут только о войне, не являются настоящими представителями американского народа. Мы не думаем, что американский народ хочет войны с кем бы то ни было.

И тут всплыл старый-старый вопрос, который возникает всегда: "Почему же тогда ваше правительство не контролирует газеты и журналистов, которые призывают к войне?" И нам снова приходилось объяснять, как и много раз до этого, что мы не считаем, что нашу прессу нужно контролировать, и думаем, что побеждает, как правило, правда, а контроль просто загоняет все плохое вглубь. У нас считают так: пусть наговорятся и напишутся публично, это лучше, чем если они тайно, в ночи, будут распространять свою отраву.

Они получают много дезинформации об Америке, ведь и у них есть свои "желтые" журналисты. Их репортеры, пишущие без большого знания предмета, — это солдаты, вооруженные пишущей машинкой.

Глаза у нас слипались, и мы просто валились с ног. В конце концов нам пришлось извиниться, и мы пошли спать. Последнее время я много ходил пешком, и колено, которое я недавно повредил, разболелось не на шутку. Мышцы сзади на ноге были натянуты, как канаты. Я еле-еле стоял. Мне необходимо было полежать.

Перед тем как заснуть, мы немного поговорили. Если между Советским Союзом и Соединенными Штатами разразится война, эти люди будут считать злодеями нас, американцев. Пропаганда ли тому причиной, или страх, или что другое — винить в случае войны они будут нас. Речь всегда идет о вторжении в их страну, и они очень боятся этого, потому что через это прошли. Снова и снова спрашивают: "Соединенные Штаты нападут на нашу страну? Неужели вы пошлете бомбардировщики, чтобы причинить нам еще больший вред?". Но они никогда не говорят: "Мы пошлем свои бомбардировщики" или "Мы вторгнемся в Америку".

Я проснулся рано и стал приводить в порядок свои записи. Нога моя почти не сгибалась, и я с трудом мог двигаться. Я сел за стол лицом к улице и стал наблюдать прохожих. На перекре-

стке стояла регулировщица, на ней были сапожки, синяя юбка, белая гимнастерка с портупеей и маленький кокетливый берет. Ее жезл был покрашен в черный и белый цвета, а уличным движением она управляла с военной лихостью. Она была очень хороша.

Я смотрел на женщин, которые шли по улице, как танцовщицы. У них легкая походка и красивая осанка. Многие из них прелестны. Местное население часто страдало из-за того, что украинская земля так богата и плодородна, множество захватчиков тянулось к ней. Представьте себе территорию Соединенных Штатов, полностью разрушенную от Нью-Йорка до Канзаса, и получится приблизительно район Украины, подвергшийся разорению. Вы можете представить себе людские потери, которые понесла Украина: шесть миллионов человек, не считая солдат, т. е. 15% населения*.

Если считать и солдат, то жертв, конечно, еще больше, но на Украине было убито шесть миллионов из сорока пяти миллионов гражданского населения. Здесь есть шахты, которые никогда не откроют снова, потому что немцы сбросили туда тысячи людей. Все промышленное оборудование на Украине было разрушено или вывезено, и теперь, пока не будет поставлено новое, все производится вручную. Каждый камень и кирпич разрушенного города надо поднять и перенести вручную, поскольку нет бульдозеров. Но пока ведутся восстановительные работы, украинцы должны еще производить продукты питания, потому что Украина является главной житницей страны.

Они говорят, что в период уборки урожая нет выходных, а теперь как раз время урожая. На фермах не существует ни воскресений, ни отгулов.

Работа, которая им предстоит, грандиозна. Здания, которые надо отстроить заново, сначала необходимо снести. А то, что бульдозер сделал бы за несколько дней, вручную можно расчистить только за недели. Но бульдозеров пока нет. Все необходимо заменить, и сделать это нужно быстро. Мы прошли через разрушенный и уничтоженный центр города. В музее есть планы нового города. Мы все отчетливо сознавали, как жизненно важна для советского народа надежда на то, что завтра будет лучше, чем сегодня. Здесь в белом гипсе была изготовлена модель нового города. Должен вырасти грандиозный, невероятный город классических линий из белого мрамора, с огромными зданиями, колоннами, куполами, арками, гигантскими мемориалами, — все из белого мрамора. Гипсовая модель будущего города занимала большую часть одного из залов. Директор музея показывал нам здания. Это будет Дворец Советов, это — музей. Опять, как всегда, музей.

Капа говорит, что музей — это церковь русских. Им нравят-

* За время оккупации фашисты уничтожили на Украине около 5 млн человек и свыше 2 млн вывезли на работы в Европу.

ся величавые и богато украшенные здания. Они любят чрезмерность. В Москве, где нет никакой надобности в строительстве небоскребов, поскольку пространство практически неограниченно и ландшафт этого не требует, они все-таки планируют строительство высоких зданий в нью-йоркском стиле, хотя в отличие от Нью-Йорка в этом нет надобности. Они возводят свои города медленно, с муравьиной настойчивостью. А пока люди идут мимо руин, мимо разрушенных и разбитых домов; люди — мужчины, женщины и даже дети — идут в музей, чтобы посмотреть на гипсовые города будущего. В России о будущем думают всегда. Об урожае будущего года, об удобствах, которые будут через десять лет, об одежде, которую очень скоро сошьют. Если какой-либо народ и может из надежды извлекать энергию, то это именно русский народ.

Из этого маленького, совсем нового, еще даже не достроенного гипсового города мы пошли к древнему монастырю, стоящему на обрыве. Один из старейших храмов России, он когда-то был центром русской церкви. Великолепные монастырские здания с росписями были построены в двенадцатом веке. Но вот пришли немцы, а ведь монастырь прежде был хранилищем многих сокровищ мира. Когда немцы вывезли большую часть сокровищ, они перед отступлением обстреляли здания из орудий, чтобы кража не обнаружилась. Теперь это огромная куча битого камня и провалившихся куполов с остатками стен, на которых можно местами различить настенную роспись*. Это не будет восстановлено, это невозможно восстановить. Понадобились столетия, чтобы такое построить, а теперь все погибло. Дворики заросли сорняками, которые всегда вырастают среди руин. В полуразрушенной часовне перед разбитым алтарем мы увидели оборванную женщину, простершуюся на земле. А через открытые ворота, куда раньше могли проходить только царь или члены его семьи, прошла, непрестанно крестясь и монотонно бормоча что-то, полубезумная женщина с дикими глазами. Одна часть монастыря осталась неразрушенной — часовня, где веками разрешалось молиться только царю и его приближенным. Часовня густо разрисована и кажется темной и мрачной. Здесь каждый прихожанин имел свой резной пюпитр, поскольку это было место для избранных, и очень легко можно было себе вообразить, как старая знать сидит в мрачных раздумьях над своим будущим и своим раем, вероятно таким же мрачным, как эта церковь с закопченным благовониями потолком и тускло поблескивающей позолотой. Капа произнес:

— Все хорошие церкви мрачные. Именно это делает их хорошими.

Есть в Киеве очень древняя церковь, одна из самых старых в мире, построенная еще при Ярославе Мудром, в 1034 году**, и

* Успенский собор Киево-Печерской лавры (1073 — 1078 гг.) разрушен фашистами в 1941 г.

** Софийский собор.

она еще стоит, может, потому, что в ней нечего было взять, ничего ценного, и поэтому немцы не разрушили ее. Опять же высокое и мрачное здание.

В боковой часовенке, в маленьком, похожем на домик саркофаге из мрамора, покоится тело Ярослава Мудрого. По преданию, во время одного из сражений Ярослав случайно сломал себе ногу. Тело его пролежало более тысячи лет в маленьком саркофаге, и недавно, когда захоронение было вскрыто, обнаружилось, что у скелета в гробу в самом деле была сломанная нога; все были счастливы, потому что это действительно оказался Ярослав Мудрый. Мрачность церковей сказалась и на нашем настроении.

За обедом Полторацкий рассказывал о том, что совершили немцы во время войны, о тысячах убитых людей. Война не новое для Киева дело. Начиная с набегов татар, Киев был местом военных действий вот уже тысячу лет. Но ни одно дикое племя, ни один завоеватель не зверствовал так глупо и расчетливо, как немцы. Они терзали страну, как безумные и жестокие дети. А теперь колонны военнопленных в мундирах немецкой армии маршируют по улицам на работы по расчистке оставленных ими руин. Украинцы не смотрят на них. Они отворачиваются, когда колонны идут по улицам. Они смотрят сквозь военнопленных, поверх них, не видя. И это, вероятно, худшее наказание, какое только можно им придумать.

Вечером мы пошли в театр на пьесу "Гроза", драму XIX века, разыгранную в стиле XIX века. Постановка была странной и старомодной, как, впрочем, и сама игра. Довольно непонятно, почему надо показывать эту пьесу. Но это украинская пьеса, а им нравится все свое. Героиня была очень красивой. Она была похожа немножко на Катарину Карнелл и доминировала на сцене. Речь шла о молодой женщине, которая была под каблуком у властной свекрови. Эта молодая женщина влюбилась в поэта. Хоть она и была замужем, она все же пошла в сад на свидание. А в саду она только и делала, что очень много говорила и один раз разрешила поэту поцеловать кончики ее пальцев, что все-таки явилось достаточным преступлением, и в итоге она признается в церкви в своем грехе, бросается в Волгу и гибнет. Нам показалось, что это слишком большое наказание за то, что ей поцеловали кончики пальцев. У пьесы был и второй сюжет. Параллельно трагедии хозяйки шла комическая история ее горничной. Но на месте поэта любовником горничной был местный мужлан. Это был обыкновенный традиционный спектакль, и публике он понравился. На перемену декораций ушло полчаса, поэтому время было уже далеко за полночь, когда героиня бросилась наконец в реку. Нам показалось странным, что люди в зале, познавшие настоящую трагедию, трагедию вторжения, смерти, разорения, могут быть так взволнованы из-за судьбы женщины, которой поцеловали

руку в саду*.

На следующее утро шел дождь, а Капа считает, что дождь — это наказание, которое посылается ему свыше, потому что он не может фотографировать в дождь. Он ругал погоду на жаргоне, а также на четырех или пяти языках народов мира. Капа вечно волнуется из-за пленки. То света недостаточно, то света слишком много. Плохо проявили, плохо отпечатали, камеры сломаны. Он волнуется постоянно. Но когда идет дождь, это личное оскорбление, нанесенное ему богом. Он шагал взад-вперед по комнате, пока мне не захотелось его убить, а потом он пошел стричься, и ему сделали настоящую украинскую стрижку под горшок.

Вечером мы отправились в цирк. В любом русском городе, независимо от его величины, есть свой постоянный цирк, который размещается в постоянном помещении. Но немцы конечно же сожгли киевский цирк, поэтому пока он размещается под шатром, но является все же одним из самых популярных в городе заведений. У нас были хорошие места, Капа получил разрешение на съемку и был поэтому относительно счастлив. Этот цирк не похож на наши — один манеж и ряды стульев.

Представление начали акробаты. Мы заметили, что когда акробаты работали на высоких трапециях, то к их ремням за крючки пристегивали лонжи, чтобы акробаты не разбились и не получили травмы, поскольку, как нам объяснил наш сопровождающий, было бы нелепо подвергать человека такой опасности только для того, чтобы поразить публику.

Миловидные женщины и галантные мужчины делали кульбиты и повороты на высоко закрепленных трапециях и проволоке. Потом были дрессированные собаки, а дрессированных тигров, пантер и леопардов выпустили на арену, отгородив ее от публики стальной клеткой. Публике это очень нравилось, и в течение всего представления оркестр азартно играл цирковую музыку, которая никогда не меняется и везде одинакова.

Лучше всех были клоуны. Когда они в первый раз вышли, мы заметили, что все смотрят на нас, и скоро мы поняли почему. Теперь их клоуны неизменно изображают американцев. Один изображал богатую даму из Чикаго, и то, как русские представляют себе богатую даму из Чикаго, поистине замечательно. Зрители посматривали и в нашу сторону: не обидит ли нас такая сатира, но было действительно смешно. И точно так, как некоторые наши клоуны цепляют длинные черные бороды и выходят с бомбой, называя себя при этом русскими, так русские клоуны называют себя американцами. Публика смеялась от души. На богачке из Чикаго были красные шелковые чулки и туфли на высоком каблуке, усыпанные фальшивыми бриллиантами, на голове — смешная, похожая на тюрбан шляпа. Ее вечернее платье с блестками было похоже на длинную уродливую ночную ру-

* Речь идет о пьесе А. Н. Островского "Гроза", сюжет которой Дж. Стейнбек понял по-своему.

бабку. Женщина ходила зигзагами по манежу, трясая искусственным животом, а ее муж кувыркался и пританцовывал, поскольку он был богатым чикагским миллионером. Шутки, по всей вероятности, были очень смешными; мы не понимали их, но публика стонала от хохота. Все, казалось, были рады, что мы не обиделись на клоунов. Клоуны кончили репризу с богачами-американцами из Чикаго и стали представлять страстную и очень смешную версию смерти Дездемоны, где Дездемона была не задушена, а заколота резиновым ножом.

Это был хороший цирк. Дети, сидящие на передних местах, были полностью поглощены представлением, на что способны только дети. Труппа здесь постоянная, она не гастролирует, и цирк дает представления круглый год, за исключением небольшого перерыва летом.

Дождь кончился, и после цирка мы поехали в киевский ночной ресторан под названием "Ривьера". Он расположен на обрыве над рекой — открытая танцплощадка, окруженная столиками, и отсюда видна река, которая пересекает долину. Еда была отличная. Хороший шашлык, обязательная икра и грузинские вина. К нашему большому удовольствию, оркестр играл русскую, украинскую и грузинскую музыку, а это было лучше, чем плохой американский джаз. И играли они очень хорошо.

К нашему столу подсел Александр Корнейчук, известный украинский драматург, человек с большим обаянием и юмором. Они с Полторацким стали приводить нам старые украинские поговорки, а украинцы знамениты этим. Нашей любимой стала: "Лучшая птица — колбаса". А потом Корнейчук привел изречение, которое, как я всегда считал, появилось в Калифорнии. Оно про то, что обжора думает об индейке: "Индейка очень неудачная птица — ее многовато для одного и маловато для двоих". Выяснилось, что украинцы знают эту шутку не одну сотню лет, а я-то думал, что это придумали в моем родном городе.

Они научили нас произносить на украинском тост, который нам понравился: "Выпьем за счастье наших родных". И опять они произносили неизменные тосты за мир. Оба этих человека были на фронте, оба были ранены и пили за мир.

Потом Корнейчук, который побывал в Америке, довольно грустно сказал, что когда он был в Гайд-парке, то видел там фотографии Рузвельта с Черчиллем, Рузвельта с Де Голлем, а фотографии Рузвельта со Сталиным не увидел. Они же были вместе, сказал он, они совместно действовали, так почему же из Гайд-парка убрали фотографии со Сталиным?

Темп музыки нарастал, танцующих становилось все больше и больше, на пол падали блики от разноцветных огней, а далеко внизу в реке отражались огни города.

Два русских солдата танцевали какой-то дикий танец — танец топающих сапог и машущих рук, танец фронтовиков. У них были бритые головы, а их сапоги были начищены до блеска. Они танцевали как безумные, а красные, желтые и синие огни мель-

кали на полу танцплощадки.

Оркестр играл неистовую грузинскую музыку, из-за столика поднялась какая-то девушка и стала танцевать одна. Она танцевала прекрасно, и, пока она танцевала, никто не выходил на площадку. Вскоре стали раздаваться хлопки в ритм музыке, потом все больше, пока наконец девушка не стала танцевать под глухой звук хлопков. Когда музыка кончилась, она вернулась к своему столику, и не было никаких аплодисментов. В ней не чувствовалось самолюбования, просто ей захотелось танцевать.

Приятная музыка, огни, внизу — мирная река, а наши друзья снова начали разговор о войне, будто это была постоянная тема, от которой они никогда не могли уйти. Они говорили о страшных морозах до Сталинградской битвы, когда они лежали в снегу и не знали, чем все это кончится. Они рассказывали об ужасающих вещах, о которых никогда не забудут. О том, как человек грел руки в крови только что погибшего друга, для того чтобы спустить курок пистолета.

К нашему столику подошел поэт и сказал:

— У меня есть теща, и, когда война пришла в Ростов, теща не захотела уезжать, потому что у нее был восточный ковер, которым она очень дорожила.

Он продолжал: Мы отступили, мы сражались всю войну и потом вернулись в Ростов. Я приехал к ней, она была жива, и восточный ковер тоже сохранился.

— Знаете, — сказал он, — когда в город входит армия, происходит много несчастных случаев, людей убивают по ошибке. И когда я пришел к своей теще и она подошла к двери, в моей голове промелькнула мысль — а что, если теперь с ней произойдет несчастный случай? Почему бы моему пистолету случайно не выстрелить?

И он закончил: Этого не произошло. И до сих пор я думаю, почему?

Капа установил свои камеры на крыше маленького павильона; он фотографировал танцующих и был счастлив. Оркестр играл грустную песню из одной пьесы Корнейчука. Это была песня моряков Балтики*. Когда им пришлось отступать, они потопили свои корабли, и это была песня печали, реквием по потопленным кораблям.

Глава 5

.....

Утром мы посмотрели на календарь — 9 августа. В Советском Союзе мы были уже девять

* Имеется в виду пьеса А. Е. Корнейчука "Гибель эскадры", действие которой происходит на Черном море.

дней. Но нам казалось, что мы находились здесь значительно дольше — столько у нас было впечатлений.

По утрам Капа просыпается медленно и деликатно, как бабочка, выходящая из своей куколки. Проснувшись, он целый час сидит в обалделом оцепенении — не проснувшийся и не спящий. Моя задача заключалась в том, чтобы не дать ему взять с собой в ванную книгу или газету, иначе он пробудет там по меньшей мере час. И каждое утро я стал подготавливать ему три умных вопроса — по социологии, истории, философии, биологии, — вопросы, предназначенные для того, чтобы путем встряски его мозгов дать понять, что начинается новый день.

В первый день моего эксперимента я задал ему следующие вопросы: какой автор греческих трагедий принимал участие в сражении при Салами?* Сколько ножек у насекомого? И, наконец, как звали папу римского, который собрал григорианские псалмы? Капа выпрыгнул из кровати с выражением боли на лице, минуту сидел, уставившись в окно, а потом бросился в ванную с номером русской газеты, которую он читать не мог. Исчез он на полтора часа.

Каждое утро в течение двух или трех недель я готовил ему вопросы, но он ни разу не ответил ни на один из них; он стал что-то бурчать себе под нос большую часть дня и горько жаловался мне, что не может спать в ожидании утренних вопросов. Однако, кроме его слов, других доказательств того, что он не спит, не было. Он утверждал, что ужас, который возникает у него в уме от моих вопросов, интеллектуально отбросил его на сорок или как минимум на десять лет назад.

Из Москвы Капа прихватил с собой книги: три детектива, "Записки Максима Горького", "Ярмарку тщеславия"*** и доклад Министерства сельского хозяйства Соединенных Штатов за 1927 год. Все эти книги мы отдали кому-то, перед тем как уехать из России, но я уверен, что возвращены своим владельцам они не были.

В этот день, 9 августа, мы поехали в колхоз имени Шевченко. Потом мы стали называть его Шевченко-1, потому что вскоре мы посетили другой колхоз имени Шевченко, названный так в честь любимого украинского национального поэта.

На протяжении нескольких миль дорога была вымощена, потом мы свернули вправо и поехали по разбитой грунтовой дороге. Мы ехали через сосновые леса, по равнине, где шли ожесточенные бои. Повсюду остались их следы. Сосны были истреplены и разбиты пулеметным огнем. Здесь были траншеи и пулеметные гнезда, даже дороги были разбиты и искромсаны гусеницами танков и изрыты артиллерийскими снарядами. Повсюду лежали ржавые останки военной техники, сожженные

* Стейнбек, вероятно, подразумевает морское сражение между греками и персами у острова Саламин в Эгейском море в 480 г. до н. э.

** Какое произведение А. М. Горького имеет в виду автор, неизвестно. "Ярмарка тщеславия" — роман английского писателя У. Теккерея.

танки и сломанные грузовики. За эту землю сражались, ее уступили, но постепенно, сантиметр за сантиметром, ее отвоевали у врага.

Колхоз "Шевченко-1" никогда не относился к числу лучших, потому что земли имел не самые хорошие, но до войны это была вполне зажиточная деревня с тремястами шестьдесятю двумя домами, где жило 362 семьи. В общем дела у них шли хорошо.

После немцев в деревне осталось восемь домов, и даже у этих были сожжены крыши. Людей разбросало, многие из них погибли, мужчины ушли партизанами в леса, и одному богу известно, как дети сами о себе заботились.

Но после войны народ возвратился в деревню. Вырастали новые дома, а поскольку была уборочная пора, дома строили до работы и после, даже ночами, при свете фонарей. Чтобы построить свои маленькие домики, мужчины и женщины работали вместе. Все строили одинаково: сначала одну комнату и жили в ней, пока не построят другую. Зимой на Украине очень холодно, и дома строятся таким образом: стены складываются из обтесанных бревен, закрепленных по углам. К бревнам прибивается дранка, а на нее для защиты от морозов с внутренней и внешней стороны наносится толстый слой штукатурки.

В доме сени, которые служат кладовой и прихожей одновременно. Отсюда попадаешь в кухню, оштукатуренную и побеленную комнату с кирпичной печкой и подом для стряпни. Сам очаг отстоит на четыре фута от пола, здесь пекут хлеб — плоские темные буханки очень вкусного украинского хлеба.

За кухней расположена общая комната с обеденным столом и украшениями на стенах. Это — гостиная с бумажными цветами, иконами и фотографиями убитых. А на стенах — медали солдат из этой семьи. Стены белые, а на окнах — ставни, которые, если закрыть, также защитят от зимнего мороза.

Из этой комнаты можно попасть в спальню — одну или две, в зависимости от размера семьи. Из-за трудностей с постельным бельем кровати у них покрыты чем угодно: ковриками, овечьей шкурой, чем угодно, лишь бы было тепло. Украинцы очень чистоплотны, и в домах у них идеальная чистота.

Нас всегда убеждали, что в колхозах люди живут в бараках. Это неправда. У каждой семьи есть свой дом, сад, цветник, большой огород и пасека. Площадь такого участка — около акра*. Поскольку немцы вырубили все фруктовые деревья, были посажены молодые яблони, груши и вишни.

Сначала мы пошли в новое здание сельсовета, где нас встретили председатель, потерявший руку на фронте, бухгалтер, который только что демобилизовался из армии, но носил еще военную форму, и трое пожилых мужчин. Мы сказали им, что знаем, насколько они заняты во время уборки урожая, но хотели бы сами посмотреть уборочные работы.

* Акр — 0,4 га.

Они рассказали, как здесь было раньше и как стало теперь. Когда пришли немцы, в колхозе было семьсот голов крупного рогатого скота, а сейчас всего две сотни животных всех видов. До войны у них было два мощных бензиновых движка, два грузовика, три трактора и две молотилки. А сейчас — один маленький бензиновый движок и одна маленькая молотилка. Трактора нет. Во время пахоты они получили одну машину на близлежащей тракторной станции. Раньше они имели сорок лошадей, осталось только четыре.

Село потеряло на войне пятьдесят человек разного возраста, здесь было много калек и инвалидов. У некоторых детей не было ног, другие потеряли зрение. И село, которое так отчаянно нуждалось в рабочих руках, старалось каждому человеку найти посильную для него работу. Инвалиды, которые хоть как-то могли работать, получили работу и почувствовали себя нужными, участвуя в жизни колхоза, поэтому неврастеников среди них было немного.

Эти люди не были грустными. Они много смеялись, шутили, пели.

На полях колхоза выращивали пшеницу, просо и кукурузу. Почва была легкая, песчаная, поэтому здесь хорошо росли огурцы, картофель, помидоры, было также много меда и подсолнухов. Здесь очень широко используется подсолнечное масло.

Сначала мы пошли на огороды, где женщины и дети собирали огурцы. Людей поделили на две бригады, и они соревновались, кто больше соберет овощей. Женщины шли рядами по грядкам, они смеялись, пели и перекликались. На них были длинные юбки, блузы и платки, и все были разуты, поскольку обувь пока еще слишком большая роскошь, чтобы работать в ней в поле. На детях были только штаны, и их маленькие тельца становились коричневыми под лучами летнего солнца. По краям поля в ожидании грузовиков лежали кучи собранных огурцов.

Паренек по имени Гриша в живописной шляпе из тростника подбежал к матери и закричал с удивлением:

— Эти американцы такие же люди, как и мы!

Фотокамеры Капы вызвали сенсацию. Женщины сначала кричали на него, потом стали поправлять платки и блузки, так, как это делают женщины во всем мире перед тем, как их начнут фотографировать.

Среди них была одна с обаятельным лицом и широкой улыбкой; ее-то Капа и выбрал для портрета. Она была очень остроумна. Она сказала:

— Я не только очень работающая, я уже дважды вдова, и многие мужчины теперь просто боятся меня. — И она потрясла огурцом перед объективом фотоаппарата Капы.

— Может, вы бы теперь вышли замуж за меня? — предложил Капа.

Она откинула голову назад и зашлась от смеха.

— Глядите на него! — сказала она Капе. — Если бы, прежде чем создать мужчину, господь бог посоветовался с огурцом, на свете было бы меньше несчастливых женщин. — Все поле взорвалось от смеха.

Это был веселый доброжелательный народ, они заставили нас попробовать огурцы и помидоры. Огурцы — очень важный вид овощей. Их солят, и соленые огурцы едят всю зиму. Засаливают также и зеленые помидоры, из которых с приходом снега и морозов делают салаты. Эти овощи, а также капуста и репа — зимние овощи. И хотя женщины смеялись, болтали и заговаривали с нами, они не переставали работать, потому что урожай был хороший — на семьдесят процентов выше, чем в прошлом году. Первый по-настоящему хороший урожай с 1941 года, и они возлагают на него большие надежды.

Потом мы пошли на цветущий луг, на котором стояли сотни ульев и палатка, где жил пасечник. В воздухе слышалось приглушенное жужжание пчел. К нам быстро зашагал старый бородастый пасечник, чтобы закрыть наши лица сетками от пчел. Мы надели сетки и спрятали руки в карманы. Пчелы сердито гудели вокруг нас.

Старик-пасечник открыл ульи и показал нам мед. Он сказал, что работает здесь уже тридцать лет и очень гордится этим. В течение многих лет он работал с пчелами, но знал в общем о них не много. Но сейчас он стал читать и учиться, и теперь он обладатель огромного сокровища: у него шесть молодых маток. Он сказал, что они из Калифорнии. Из его описания я понял, что это был некий калифорнийский вариант "итальянской черной" пчелы. Он сказал, что очень доволен новыми пчелами. И добавил, что они будут более устойчивыми к морозу, а рабочий сезон увеличится — начнется раньше, а закончится позже.

Потом он пригласил нас к себе в палатку, спустил полог, нарезал большие куски вкусного ржаного украинского хлеба, намазал медом и угостил нас. Снаружи доносилось пчелиное жужжание. Позже старик снова открыл ульи и бесстрашно выгреб оттуда целые пригоршни пчел, как это делает большинство пчеловодов. Но предупредил нас, чтобы мы не раскрывались, потому что пчелы не любят незнакомых.

Оттуда мы пошли на поле, где молотили пшеницу. Оборудование было на удивление неподходящее: старый одноцилиндровый бензиновый двигатель, от которого работала старинная молотилка, и воздуходувка, которую надо было крутить вручную. Здесь также не хватало людей. Женщин было намного больше, чем мужчин, а среди мужчин было очень много инвалидов. У механика, который управлял бензиновым двигателем, на одной руке совсем не было пальцев.

Поскольку земля была не очень плодородной, урожай пшеницы получили невысокий. Зерно высыпалось из молотилки на широкое полотно брезента. По краям сидели дети и подбирали каждое зерно, которое, случалось, падало в грязь, — ведь каждое

зерно на счету. Тучи собирались все утро, и наконец стал капать дождь. Люди бросились закрывать пшеницу от дождя.

Мужчины заспорили о чем-то, и Полторацкий тихо переводил для нас. Похоже, они спорили, кто из них пригласит нас на обед. У кого-то в доме был большой стол, жена другого сегодня с утра пекла. Один говорил, что его дом только что отстроили, он совсем новый и что именно он должен принимать гостей. Все согласились. Но у этого человека было мало посуды. Остальные должны были собрать для него стаканы, тарелки и деревянные ложки. Когда было решено, что гостей будут принимать в его доме, женщины из этой семьи подхватили юбки и поспешили в деревню.

Когда мы возвратились из России, чаще всего мы слышали такие слова: "Они вам устроили показуху. Они все организовали специально для вас. Того, что есть на самом деле, они вам не показали". И эти колхозники действительно кое-что устроили для нас. Они устроили то, что устроил бы для гостей любой фермер из Канзаса. Они вели себя так, как ведут себя люди у нас на родине, отчего европейцы говорят: "Американцы живут на курятине".

И они действительно постарались ради нас. Пришли с поля грязными, сразу вымылись и надели лучшую одежду, а женщины достали из сундуков чистые и свежие платки. Они помыли ноги и обулись, надели свежестырианные юбки и блузы. Девочки собрали цветы, поставили их в бутылки и принесли в светлую гостиную. А из других домов приходили делегации ребятишек со стаканами, тарелками и ложками. Одна женщина принесла банку огурцов особого засола, и со всей деревни присылали бутылки водки. А какой-то мужчина принес даже бутылку грузинского шампанского, которую он припас бог знает к какому грандиозному торжеству.

На кухне вовсю хлопотали женщины. В новой белой печи гудел огонь — там пеклись плоские караваи доброго ржаного хлеба, жарилась яичница, кипел борщ. За окном лил дождь, поэтому наша совесть была спокойна — ведь мы не отрывали людей от уборочных работ, во всяком случае во время дождя работать с зерном невозможно.

В одном углу гостиной висела икона богородицы с младенцем в красивом позолоченном окладе, под пологом из домотканых кружев. Эту икону, а она была очень старой, по всей вероятности, закопали, когда пришли немцы. На стене висела увеличенная и раскрашенная фотография прапрадедов. Двое сыновей из этой семьи погибли во время войны, их снимки висели на другой стене, — они были сфотографированы в форме и выглядели очень молодо, строго и провинциально.

В комнату вошли мужчины, опрятно одетые, чистые, помытые, побритые и обутые. На работах в поле ботинки не носят. Спасаясь от дождя, в дом прибежали девочки с полными фартуками яблок и груш.

Хозяин — лет пятидесяти, с высокими скулами, светлыми волосами, широко посаженными голубыми глазами на обветренном лице. На нем была гимнастерка и широкий кожаный ремень, какие носили партизаны. Его лицо было искажено, словно от ранения.

Наконец нас пригласили к столу. Украинский борщ, до того сытный, что им одним можно было наестся. Яичница с ветчиной, свежие помидоры и огурцы, нарезанный лук и горячие плоские ржаные лепешки с медом, фрукты, колбасы — все это поставили на стол сразу. Хозяин налил в стаканы водку с перцем — водку, которая настаивалась на перце горошком и переняла его аромат. Потом он позвал к столу жену и двух невесток — вдов его погибших сыновей. Каждой он протянул стакан с водкой.

Мать семейства произнесла тост первой. Она сказала:

— Пусть бог ниспошлет вам добро.

И мы все выпили за это. Мы наелись до отвала, и все было очень вкусно.

Теперь наш хозяин провозгласил тост, который мы уже слышали очень много раз: это был тост за мир во всем мире. Странно, но нам редко удавалось слышать интимные, частные тосты. Чаще звучали тосты за нечто более общее и грандиозное, чем за будущее какого-то отдельного человека. Мы предложили выпить за здоровье членов семьи и процветание колхоза. А крупный мужчина в конце стола встал и выпил за память Франклина Д. Рузвельта.

Мы начали понимать, как относились к памяти Рузвельта во всем мире и то, как трагически встретили известие о его смерти. Я вспомнил одну историю, когда-то мною услышанную. Когда умер Линкольн, известие о его смерти через неделю пришло даже в Центральную Африку, новость передавали при помощи барабанов, посылали гонцов — то была весть о трагедии мирового масштаба. Совсем неважно, как думают или говорят противники Рузвельта, даже если бы Рузвельт был жив. Действительно, имеет значение то, что его имя во всем мире является символом мудрости, доброты и понимания. Для простых людей мира Рузвельт перестал быть человеком — он стал принципом. А те, кто нападают на него теперь и порочат его память, на самом деле совсем не причиняют вреда его имени, а проявляют себя как подлые, жадные, эгоистичные и глупые люди. Имя Рузвельта недостижимо для недалеких умов и грязных рук.

Когда мы кончили обед, настало то, к чему мы уже привыкли, — время вопросов. Но на этот раз нам было интереснее, потому что это были вопросы крестьян о наших фермерах и фермах. И снова нам стало ясно, что у людей сложное и любопытное представление друг о друге. На вопрос: "Как в Америке живут фермеры?" — невозможно ответить. Что за ферма? Где? А американцам очень трудно представить Россию, где можно найти практически любой климат — от арктического до тропического,

где живут разные народы, которые говорят на многих языках.

Эти крестьяне по-русски не говорили, только по-украински.

— Как живут фермеры в Америке? — спросили они. Мы постарались объяснить, что в Америке много разных видов ферм, так же как и в России. Есть маленькие фермы площадью всего в 5 акров с одним мулом, а есть огромные кооперативные фермы, которые работают, как в России совхозы, хотя они и не являются собственностью государства. Люди живут в фермерских общинах, почти таких же, как и эта деревня, и их социальная жизнь практически такая же, но земля не является общественной собственностью. Сотня акров хорошей низинной земли в Америке стоит тысячи акров неплодородной земли. Это они поняли прекрасно, поскольку сами работают на земле. Просто они никогда не думали, что в Америке могут быть такие же проблемы.

Они хотели узнать о технике на американских фермах, ведь в этом они нуждались больше всего. Они спрашивали о комбайнах и сеялках, о хлопкоуборочных машинах, о разбрасывателях удобрений, о создании новых сельскохозяйственных культур, о морозоустойчивых видах зерна, о пшенице, устойчивой к заболеваниям ржой, о тракторах и об их цене. Может ли хозяин небольшой фермы купить себе трактор?

Крестьянин за другим концом стола рассказал нам с гордостью, как Советское правительство дает ссуды колхозам и дает под очень маленький процент ссуды людям, которые хотят построить себе дома в колхозе. Он рассказал, как государство распространяет колхозный опыт.

Мы рассказали им, что все это делается и в Америке, но об этом они и не подозревали. Они не слышали о фермерских займах и о том, какую важную работу проводит департамент сельского хозяйства. Все это было для них настоящим открытием. Казалось, они были уверены, что именно они изобрели эту систему.

Через дорогу под дождем работали мужчина и женщина. Они поднимали бревна для остова деревянной крыши на самый верх только что отстроенных стен. По дороге дети гнали коров с пастбища в коровник.

Женщины в чистых головных платках, опершись о дверной косяк, слушали из кухни наши разговоры. Разговор перешел на политические темы. Вопросы были острыми.

Один крестьянин спросил:

— Что бы стало делать американское правительство, если бы Советское правительство предоставило Мексике ссуды и военную помощь, открыто признавая, что делает это для того, чтобы предотвратить распространение демократии?

Мы подумали и ответили:

— Что ж, мы бы объявили войну.

Тогда крестьянин сказал:

— Но вы ведь ссудили деньги Турции, у которой с нами общая

граница, чтобы предотвратить распространение нашей системы. А мы войны не объявили.

Наш хозяин сказал:

— Нам кажется, что американцы — демократичный народ. Можете ли вы объяснить нам, почему друзьями американского правительства являются реакционные правительства Франко и Трухильо, военная диктатура в Турции и продажная монархия Греции?

Мы не могли ответить на их вопросы из-за недостатка знаний и еще потому, что те, кто делает нашу внешнюю политику, с нами не советуются. А мы со своей стороны сказали им, о чем спрашивают в Америке: почему на Балканах господствуют коммунистические партии; почему русские злоупотребляют своим правом вето в ООН; почему в русской прессе Америка освещается только с негативной стороны?

Эти вопросы, казалось, несколько стабилизировали наши отношения: ведь о внешней политике своей страны они знали ненамного больше, чем мы о своей. И в их вопросах не чувствовалось никакой враждебности — лишь удивление и интерес. Наконец наш хозяин встал, поднял стакан и произнес:

— На все эти вопросы должен где-то быть ответ, и найти его надо как можно быстрее. Давайте выпьем за то, чтобы найти эти ответы, ведь миру очень и очень необходим мир.

Он указал на чету, которая сражалась с тяжелыми балками для крыши, и сказал:

— Впервые с 1941 года эти двое перезимуют наконец в своем доме. Им нужен мир, они хотят иметь свой дом. У них трое маленьких детей, которые никогда не жили в доме. Нет в мире человека настолько злого, чтобы он хотел снова загнать их в землянки. А жили они все это время в землянках.

Хозяин открыл шампанское и налил в каждый стакан немного драгоценной жидкости. Все за столом притихли. Мы подняли наши стаканы, но тоста никто не произнес. Шампанское выпили без слов. Вскоре мы поблагодарили наших хозяев и поехали обратно по израненной войной земле. И мы думали, прав ли наш хозяин, действительно ли в мире найдутся люди, которые снова захотели бы уничтожить новые домики и загнать детей в подземные норы?

На следующее утро мы проснулись поздно и принялись обсуждать день, проведенный на ферме, и Капа отложил отснятые на ферме пленки. Нас пригласили к себе в гости Александр Корнейчук и его жена, известная в Америке польская писательница Ванда Василевская. Они жили в хорошем доме с большим садом. Обед был накрыт на веранде под тенью раскидистой виноградной лозы. Перед верандой росли цветы, розы и цветущие деревья, а чуть подальше расположился большой огород.

Обед приготовила Ванда Василевская. Обед был вкусный и очень обильный. Еда состояла из баклажанной икры, днепров-

ской рыбы, приготовленной в томатном соусе, странных на вкус фаршированных яиц и старки — желтоватой водки с тонким вкусом. Потом подали крепкий куриный бульон, жареных цыплят, наподобие тех, что готовят у нас на юге, с той лишь разницей, что этих сначала обваливали в сухарях. Затем был пирог, кофе, ликер, и наконец Корнейчук выложил упманновские сигары в алюминиевых футлярах.

Обед был превосходным. Пригревало солнце, в саду было очень приятно. Когда мы принялись за сигары и ликер, разговор пошел об отношениях с Соединенными Штатами. Корнейчук входил в состав делегации деятелей культуры, посетивших Соединенные Штаты. По прибытии в Нью-Йорк у всех членов делегации были взяты отпечатки пальцев и всех зарегистрировали как представителей иностранной державы. Их возмутило то, что у них взяли отпечатки пальцев, и они вернулись домой, прервав визит. Корнейчук сказал:

— У нас в стране берут отпечатки пальцев только у преступников. У вас ведь не брали отпечатки пальцев. Вас не фотографировали и не заставляли регистрироваться.

Мы постарались объяснить, что по нашим правилам представители коммунистического или социалистического государства являются государственными служащими, а всем государственным служащим необходимо регистрироваться.

Он ответил:

— В Англии тоже социалистическое* правительство, однако вы не регистрируете англичан и не берете у них отпечатки пальцев.

Поскольку оба, и Корнейчук, и Полторацкий, воевали, мы спросили у них, какие бои проходили в этих местах. Полторацкий рассказал нам историю, которую трудно забыть. Однажды он был в составе русского подразделения, которое должно было атаковать немецкое сторожевое охранение. Шли так долго, снег был таким глубоким, а мороз таким сильным, что, когда люди наконец дошли до цели, их руки и ноги одеревенели от холода.

— Нам оставалось драться только одним, — сказал он, — зубами. Потом мне это снилось по ночам. Это было ужасно.

После обеда мы пошли к реке, наняли маленькую моторку и стали курсировать вдоль плоских песчаных берегов, где купались и загорали сотни людей. Люди загорали целыми семьями, лежа на белом песке в разноцветных купальниках. По реке сновали небольшие яхты. Здесь были и экскурсионные катера, переполненные отдыхающими.

Мы скинули одежду и, оставшись в одних трусах, прыгнули из лодки прямо в реку. Вода была теплой и приятной. Было очень веселое воскресенье. Среди зелени на крутом берегу и на городской набережной толпились люди. На самом верху, на музыкальных верандах, играли оркестры. Молодые пары гуля-

* Лейбористское.

ли рука об руку вдоль реки.

Вечером мы снова пошли на "Ривьеру", танцевальную площадку над рекой, и смотрели сверху, как на равнинные просторы Украины надвигается ночь, как начинает серебриться река.

Этим вечером танцевало очень много народу, ведь было воскресенье. А некоторые танцевали просто профессионально. Оркестр, как обычно, играл цыганские, грузинские, русские, еврейские и украинские песни. В нашу честь они сыграли что-то похожее на "In the Mood", но очень неудачно. Только к концу мы наконец узнали, что они играют. Но исполнялась вещь с большим подъемом.

Открытая танцевальная веранда была обсажена каким-то густым цветущим кустарником. Среди веток этой живой изгороди спрятался мальчик-нищий. Он вылез из своей цветочной пещерки, подошел к столу и стал просить немного денег на кино.

Пришел администратор и сказал:

— Это наш самый постоянный клиент. К тому же очень богатый.

Он мягко отвел мальчика в сторону, но, стоило ему самому отойти, мальчик появился опять и получил свои деньги на кино.

Становилось все теснее и теснее. Около десяти вечера завязалась драка: молодые люди набрасывались друг на друга, удары сыпались налево и направо. Но дрались не из-за девушки. Дрались из-за футбола, а для украинцев это очень серьезное дело. Киевляне так же страстно болеют за свою футбольную команду, как, например, бруклинцы за свою бейсбольную. Схватка шла несколько мгновений, быстро улеглась, и все разошлись по столикам, выпили, и вопрос был исчерпан.

Обратно мы пошли через парк. Сотни людей все еще сидели и слушали музыку. Капа умолил меня, чтобы утром я не задавал ему никаких вопросов.

Здесь существует обычай, который как нельзя лучше подошел бы и нам. В гостиницах и ресторанах на видном месте выставлена книга жалоб и предложений, тут же рядом и карандашик, чтобы вы могли написать любую жалобу относительно обслуживания, управления или порядков, причем подпись ваша необязательна. Когда в ресторан или другое общественное заведение приезжает инспектор, он проверяет, есть ли жалобы на директора или на обслуживание, и, если такие жалобы есть, происходит реорганизация. Одна жалоба, конечно, не в счет, но если она повторяется несколько раз, то на нее обращают внимание.

В Советском Союзе существует также и другая книга, на которую мы взирали с неподдельным ужасом. Это книга посетителей. Если вы посетили фабрику, музей, художественную галерею, пекарню или даже посмотрели проект строительства, вас всегда ожидает книга посетителей, куда вы должны записать, что думаете об увиденном. И обычно к тому времени, когда вы

подходите к книге, уже не помните, что видели. Книга эта явно предназначена для комплиментов, поэтому было бы ужасно, если бы ваши замечания и впечатления оказались критическими. Что касается меня по крайней мере, то впечатления должны созреть, а на это нужно какое-то время.

Мы попросили, чтобы нас отвезли на другую ферму, на земле побогаче, чем та, где мы были, и не так сильно разоренную немцами. И на следующее утро мы отправились в направлении, противоположном тому, что в прошлый раз. Нас везли на довоенном ЗИСе. Чем дальше мы ехали, тем больше он разваливался. Рессоры почти не пружинили, мотор ревел и стучал, а задний мост завывал, как подыхающий волк.

Мы заинтересовались водителями, которые нас возили. Быть шофером в Советском Союзе вовсе не значит быть прислугой: это хорошо оплачиваемая и уважаемая профессия. Водители являются также и механиками, и почти все они были на войне танкистами или пилотами. Наш водитель в Киеве был серьезным человеком, который, как ребенка, лелеял свой умирающий автомобиль. Из Москвы еще не пришло ни одного нового автомобиля, и никто не знал, когда они поступят. Каждую деталь ходовой части необходимо было использовать намного дольше отведенного ей срока работы, прежде чем отправить на свалку.

Как транспортное средство наша машина немногого стоила, зато была превосходным нагревателем воды. Каждые три мили мы останавливались и заливали в радиатор воду из луж, ручейков, канав, и машина моментально превращала воду в пар. В конце концов наш водитель повесил ведро для воды на переднем бампере, чтобы оно всегда было под рукой.

Километров двадцать мы проехали по шоссе, а потом свернули влево на проселок. Эту дорогу нельзя было и дорогой назвать: просто колесная колея, а поскольку прошел дождь, нам ни в коем случае нельзя было попасть в разбитую колею. Здесь было множество небольших прудов, по краям которых бродили белые аисты и цапли. Мы ухаживали за нашей кипящей машиной при переезде от пруда к пруду, останавливались около каждого, давали ей слегка передохнуть и заливали свежей водой.

Шофер сказал, что во время войны был летчиком и водителем танка. Он обладал прекрасным даром — мог заснуть в любом месте и на любое время. Если машина останавливалась на пять минут, он тут же засыпал, но, стоило его окликнуть, он моментально просыпался, готовый ехать снова. Он мог проспать и двенадцать часов и проснуться так же быстро. Я вспомнил, что на наших бомбардировщиках такой же дар выработали стрелки: пока самолет летел к цели и на обратном пути, они спали.

В колхоз и в деревню мы приехали около полудня. Колхоз этот тоже был имени Шевченко. Нам пришлось назвать его "Шевченко-2"! Он совсем не был похож на первую ферму, земля здесь была плодороднее и разной структуры, и саму деревню немцы не тронули. Немцев здесь окружили. Они перерезали весь

скот, но им не хватило времени, чтобы разрушить деревню. До войны на ферме разводили лошадей, и прежде чем немцев наконец захватили, те перестреляли всех деревенских лошадей, коров, кур, уток и гусей. Трудно представить себе этих немцев. Трудно представить, что было у них на уме, каков был вообще мыслительный процесс этих унылых, ужасных детей-разрушителей.

Директор "Шевченко-2", бывший известный партизан, и теперь носил военную форму защитного цвета и ремень. У него были голубые глаза и жесткие складки у рта.

В колхозе жило около тысячи двухсот человек, большинство мужчин погибло. Председатель сказал нам:

— Мы можем восстановить поголовье лошадей, можем даже увеличить его, но наших мужчин не возвратить, а калекам не вернуть ноги и руки.

Мы почти не видели в Советском Союзе протезов, хотя их требовалось очень много. Эта отрасль промышленности скорее всего не была еще создана, хотя и стала одной из самых необходимых: ведь тысячи людей остались без рук и ног.

Колхоз "Шевченко-2" был из числа преуспевающих. Земля здесь плодородная и ровная. Выращивают пшеницу, рожь и кукурузу. Прошлой весной ударили морозы, и часть озимой пшеницы погибла. Люди мгновенно стали готовить почву под кукурузу, чтобы земля не пустовала. А под кукурузу земля здесь очень хорошо подходит. Стебли вырастают до восьми-девяти футов, початки крупные и полные.

Мы пошли на пшеничное поле, где работала масса людей. Поле было очень большое, и повсюду мы видели, как люди жали пшеницу косами, ведь в колхозе была лишь одна маленькая жатвенная машина и трактор. Поэтому большую часть пшеницы жнут и вяжут вручную. Люди работали неистово. Они смеялись и перекликались, ни на секунду не переставая работать. И не только потому, что соревновались между собой, но и оттого, что впервые за долгое время получили прекрасный урожай и хотели собрать все зерно: ведь их доход целиком зависит от этого.

Мы отправились в зернохранилище — здесь мешки подсолнечника на масло, рожь и пшеница. Все распределено: это для государства, это отложено для будущего сева, остальное для колхозников.

Сама деревня расположилась по берегу озера, в котором купаются, стирают, моют лошадей. Голые мальчишки заезжали в озеро верхом на лошадях, чтобы вычистить их. Вокруг озера сосредоточились и общественные заведения — клуб с маленькой сценой, залом и танцплощадкой; мельница и контора, где хранятся сбережения и выдаются письма. В этом же учреждении есть радиоприемник, репродуктор которого вынесен на крышу. А все домашние громкоговорители деревни подключены к этому основному. Эта деревня электрифицирована, здесь есть фонари и работают моторы.

Дома с садами и огородами стояли на склонах пологих холмов. Деревня была очень красива. Дома недавно побелили известью, зеленели и пышно цвели сады, краснели помидоры на кустах, около домов высилась кукуруза.

Дом, в котором нас должны были принять, находился на самом холме, под нами раскинулась равнина, поля и сады. Дом был, как и все другие, как большинство украинских сельских домиков: с прихожей, кухней, двумя спальнями и гостиной. Дом совсем недавно оштукатурен. Даже полы были отделаны заново. В доме сладко пахло глиной.

Нашим хозяином стал сильный, улыбчивый человек лет пятидесяти пяти — шестидесяти. Его жена, которую он звал Мамочкой, полностью соответствовала своему имени. Эта женщина была настоящей труженицей, в полном смысле слова.

Нас пригласили в гостиную и дали нам отдохнуть. Стены комнаты были побелены с синькой, а на столе стояли бутылки, обернутые в розовую бумагу, с бумажными цветами всех оттенков.

Совершенно очевидно, что эта деревня была богаче, чем Шевченко-1. Даже икона была больше по размеру и покрыта светло-голубым кружевом в тон стен. Семья была не очень многочисленной, один сын — его сильно увеличенная раскрашенная фотография висела на стене гостиной; о нем они упомянули лишь раз.

Мать сказала:

— Окончил биохимический факультет в 1940 году, призван в армию в 1941-м, убит в 1941-м.

Когда Мамочка сказала это, лицо ее очень побледнело; она упомянула о нем лишь раз, а был это ее единственный сын.

Около стены стояла старая зингеровская швейная машинка, накрытая марлей, а у противоположной стены — узкая кровать с ковром вместо покрывала. В центре комнаты стоял длинный стол со скамейками с обеих сторон. В доме было очень жарко. Окна не открывались. Мы решили, что, если это не покажется невежливым, попросимся переночевать в сарае. Ночи были прохладными, и поспать на улице было бы прекрасно: в доме мы бы задохнулись.

Мы пошли во двор и помылись. Вскоре был готов обед.

Мамочка — одна из самых лучших и известных во всей деревне поварих. Приготовленная ею еда была необыкновенной. Ужин в тот вечер начался со стакана водки, а на закуску были соленья и домашний черный хлеб, а также украинский шашлык, который Мамочка очень вкусно сделала. Здесь же стояла большая миска с помидорами, огурцами и луком; подавались маленькие жареные пирожки с кислой вишней, которые надо было поливать медом, — национальное кушанье, и очень вкусное. Мы пили парное молоко, чай и снова водку. Мы объелись. Мы ели маленькие пирожки с вишней и медом, пока глаза не полезли на лоб.

Темнело, и мы решили, что на сегодня это уже последнее застолье.

Вечером мы пошли в клуб. Когда проходили мимо озера, недалеко от берега проплывала лодка, и мы слышали любопытную музыку. Играли на балалайку, маленьком барабане с тарелками и гармошке — это и была вся деревенская танцевальная музыка. Музыканты переплыли на лодке через озеро и высадились около клуба.

Клуб занимал довольно большое здание. Здесь была маленькая сцена, перед которой стояли столики с шахматными и шашечными досками, за ними — площадка для танцев, а дальше — скамейки для зрителей.

В клубе, когда мы пришли, было мало народа, лишь несколько шахматистов. Мы узнали, что, возвратившись с полевых работ домой, молодые люди ужинают, отдыхают часок, иногда даже спят и только потом собираются в клубе.

В тот вечер сцену приготовили для небольшой пьесы. На столе стояли горшки с цветами, у стола — два стула, а на стене висел большой портрет президента Украинской республики. Вошел оркестр из трех музыкантов, они наладили свои инструменты, и зазвучала музыка. Стали сходить люди: крепкие девушки с сияющими, чисто вымытыми лицами. Молодых парней было совсем немного.

Девушки танцевали друг с другом. На них были яркие платья из набивных материй, на голове — цветные шелковые и шерстяные платки, но почти все были босоноги. Танцевали они лихо. Музыка играла быстро, барабан с тарелками отбивал ритм. По полу топали босые ноги. Вокруг стояли парни и наблюдали.

Мы спросили одну девушку, почему она не танцует с парнями. Она ответила:

— Они подходят для женитьбы, но танцевать с ними — нажить себе неприятностей, ведь их так мало пришло с войны. И потом, они такие робкие. — Она засмеялась и снова пошла танцевать.

Их было очень мало, молодые мужчин брачного возраста. Здесь были молоденькие мальчишки, а те, кто должен был танцевать с девушками, погибли на фронте.

У этих девушек была невероятная энергия. Весь день, с самой зари, они работали на полях, но, стоило им лишь час после работы поспать, они готовы были танцевать всю ночь. Мужчины за шахматными досками продолжали играть, не двигаясь и не отвлекаясь на шум вокруг себя.

Тем временем актеры, которые должны были участвовать в пьесе, готовили сцену, а Капа устанавливал свет для съемки. Нам показалось, что, когда кончилась музыка, девушки немного расстроились: они не хотели, чтобы из-за пьесы прекращались танцы.

Это была небольшая пропагандистская пьеска, наивная и очаровательная. Сюжет таков. На ферме живет девушка, но это

ленивая девушка, она не хочет работать. Она хочет поехать в город, хочет красить ногти, мазать губы, быть деградированной декаденткой. По мере развития сюжета она вступает в конфликт с хорошей девушкой, девушкой-бригадиром, которая даже получила премию за свою работу в поле. Девушка, которая хочет красить ногти, слоняется по сцене, и видно, что она совсем не хорошая, в то время как девушка-бригадир стоит прямо, руки по швам и произносит свой текст. Третий актер — это героический тракторист, и что интересно, он тракторист и в жизни. Из-за него пришлось на полтора часа задержать спектакль, пока он чинил свой трактор, на котором целый день работал. Герой-тракторист использовал один драматический прием: он произносил свой текст, ходя туда-сюда по сцене и куря сигареты.

И вот тракторист влюбляется в девушку, которая хочет красить ногти. Он действительно ее любит и может из-за нее поставить под удар свою судьбу. И правда, сюжет развивается, и вот парень уже почти готов бросить свой трактор и тем самым перестать помогать развитию народной экономики и собирается переехать в город, получить квартиру и спокойно жить с красящей ногти девушкой. Но девушка-бригадир, стоя по струнке, прочитывает ему целую лекцию.

Это не помогает. Тракторист совсем обезумел, он по уши влюблен в эту никчемную, неопрятную девушку. Он не знает, что делать, бросит ли он любимую девушку или поедет за ней в город и станет бездельником?

Затем испорченная девица уходит, оставляя девушку-бригадиру с трактористом. И вот бригадир, по-женски хитря, говорит трактористу, что та девушка его по-настоящему не любит. Просто она хочет выйти за него замуж, ведь он такой известный тракторист, а потом она его бросит. Тракторист этому не верит, и тогда девушка-бригадир говорит, озаренная идеей:

— Я придумала. Сделай вид, что ты любишь меня, а когда она нас увидит вместе, ты сразу поймешь, любит она тебя или нет.

Идея принята. Красильщица ногтей входит и застаёт бригадиру в объятиях тракториста, и — о чудо! — свершается то, что вам никогда бы не пришло в голову: эта неряха решает работать на благо социалистической экономики. Она останется на ферме. И она обрушивается с яростью на бригадиру. Она говорит:

— Я организую свою бригаду, не только тебе быть в почете и получать награды. Я сама стану бригадиром и буду носить медали.

Так решается и любовная, и экономическая проблема тракториста, и пьеса заканчивается, оставив у всех приятные воспоминания.

Таков сюжет пьесы, но в действительности все было иначе. Тракторист успел всего четыре-пять раз прошагать по сцене, действие едва началось, как Капа разрядил свои фотовспышки, чтобы сделать первую фотографию. Это серьезно нарушило ход действия. Девушка, которая красила себе ногти, скрылась за

связкой папоротника и так и не вышла оттуда до конца сцены. Тракторист забыл слова. Девушка-бригадир запнулась и попыталась спасти мизансцену, но ей это не удалось. Оставшаяся часть спектакля прошла, будто сопровождаемая эхом. Актеры повторяли слова, подсказанные суфлером, поэтому зрители слушали пьесу дважды. И каждый раз, когда актерам удавалось наконец вспомнить свои слова, Капа разряжал вспышку, и они снова терялись.

Публика была в восторге. Каждую вспышку зрители встречали бурными аплодисментами.

Легкомысленная сущность испорченной девушки подчеркивалась как красным лаком для ногтей, так и стеклянными бусами и другой блестящей бижутерией. Вспышки фотоаппарата так разволновали девушку, что она разорвала бусы, и бусины раскатились по всей сцене. Это окончательно расстроило пьесу.

Мы бы никогда не узнали, о чем эта пьеса, если бы нам потом не рассказал о ней суфлер, который работал в деревне учителем. Занавес опустился под бурные аплодисменты. У нас было чувство, что этот вариант пьесы публика предпочитает всем другим, ранее виденным. Когда спектакль окончился, зрители спели две украинские песни.

Девушки захотели танцевать. Они были неугомонными, и, когда оркестр вновь занял свои места, быстрые пляски продолжились. Только директор клуба уговорил их пойти спать. На часах было уже четверть второго, а девушкам надо было вставать в пять тридцать утра, чтобы идти на работу. Но уходить они не хотели, и, если бы им позволили, они протанцевали бы всю ночь.

К тому времени, как мы поднялись на холм, было уже полтретьего утра, и мы готовы были отправиться спать. Но это не входило в планы Мамочки. По всей видимости, она стала готовить, как только мы ушли, съев то, что, как мы считали, было ужином. Длинный стол был заставлен едой. В два тридцать утра нам предложили следующее: опять водку в стаканах и соленые огурцы, жареную рыбу из деревенского озера, маленькие жареные пирожки, мед и превосходный картофельный суп.

Мы умирали от переедания и недосыпания. В доме было очень жарко, а комната — неудобна. И когда мы выяснили, что нам с Капой предстояло спать на узкой Мамочкиной кровати, мы попросились переночевать в сарае.

Нам постелили свежее сено, сверху положили ковер, и мы легли спать. Мы оставили дверь открытой, но ее тихонько прикрыли. Видимо, здесь так же боятся ночного воздуха, как и в Европе. Мы переждали чуть-чуть, прежде чем встать и открыть дверь опять, но и на этот раз ее осторожно закрыли. Они не могли допустить, чтобы мы пострадали от ночного воздуха.

Сено в маленьком сарае сладко пахло. В клетке у стены что-то грызли и чем-то шуршали кролики. У противоположной заляпанной стены довольно хрюкали свиньи, а корова Любка шевелилась во сне.

Любка у них недавно, и Мамочка любит ее не так, как старую. Мамочка говорит, что не знает, почему решила продать старую корову. Ее звали Катюшка, ласкательное от Катерины. Она очень любила Катюшку и не знает, почему продала ее. Любка — хорошая корова, но она не индивидуальность и дает не столько молока, сколько давала Катюшка. Каждое утро деревенские ребятишки забирают коров на пастбище, к стаду присоединяется и Любка; Катюшка тут же, в стаде. И каждый вечер, когда коровы возвращаются, каждая самостоятельно поворачивает в свой двор, и Катюшка пытается зайти в этот двор, она все еще скучает по своему старому дому; Мамочка что-то говорит ей, а потом выпроваживает за ворота.

Она говорит:

— Я, наверное, была не в себе, когда продавала Катюшку. Любка, конечно, помоложе и будет, возможно, дольше жить, но она не так хороша, и это не такое благородное животное, каким была Катюшка.

Ночь была так коротка, что ее практически не было. Мы закрыли глаза, раз повернулись на другой бок, и ночи как не бывало. Во дворе, у сарая, ходили люди, коров уже вывели, в ожидании завтрака чем-то грохотали и визжали свиньи. Я не знаю, когда Мамочка спала. Скорее всего она вообще не спала, потому что несколько часов готовила завтрак.

С Капой пришлось повозиться, прежде чем он проснулся. Он просто не хотел вставать. В конце концов его вынесли из сарая. Он сел на бревно и долгое время смотрел в одну точку.

О завтраке нужно рассказать в подробностях, так как ничего похожего на свете я еще не видел. Для начала — стакан водки, затем каждому подали по яичнице из четырех яиц, две огромные жареные рыбы и по три стакана молока; после этого блюдо с соленьями, стакан домашней вишневой наливки и черный хлеб с маслом; потом полную чашку меда с двумя стаканами молока и, наконец, опять стакан водки. Звучит, конечно, невероятно, что все это мы съели на завтрак, но мы это действительно съели, все было очень вкусно, хотя потом желудки наши были переполнены и мы не очень хорошо себя чувствовали.

Мы считали, что встали рано, хотя вся деревня работала в поле с самого рассвета. Мы пошли в поле, где они жали рожь. Мужчины с длинными косами шли в ряд, оставляя за собой широкие полосы скошенной ржи. За ними шли женщины, которые вязали снопы скрученными из соломы веревками, а за женщинами шли дети — они подбирали каждый колосок, каждое зернышко, чтобы ничего не пропало. Они работали на совесть, ведь время было самое горячее. Капа фотографировал, они смотрели в объектив, улыбались и продолжали работать. Перерывов не было. Этот народ работал так тысячелетиями, потом их труд был ненадолго механизирован, но теперь они опять вынуждены вернуться к ручному труду, пока не будут созданы новые машины.

Мы были на мельнице, где мелют зерно для хлеба, и сходили в контору, где хранятся колхозные бухгалтерские книги.

На краю деревни они строили кирпичный заводик. Местные жители мечтают строить кирпичные дома с черепичной крышей: их беспокоит опасность пожара от возгорания соломы на крыше. Они рады, что у них есть торф и глина, чтобы делать кирпичи. А когда иждеревню застроят, они будут продавать кирпич соседям. Заводик будет достроен к зиме, и, когда закончатся полевые работы, они перейдут на завод. Под навесом уже заготовлены горы торфа.

В полдень мы навестили одну семью во время обеда; она состояла из жены, мужа и двоих ребятишек. Посреди стола стояла огромная миска супа из овощей и мяса; у каждого члена семьи была деревянная ложка, которой он черпал суп из миски. И еще была миска с нарезанными помидорами, большая плоская буханка хлеба и кувшин с молоком. Эти люди очень хорошо ели, и мы видели, к чему приводит обильная еда: за несколько лет на кожаных ремнях мужчин прибавилось отверстий, теперь пояса удлиннились на два, три, даже четыре дюйма.

Мамочка, вымыв после завтрака посуду, моментально принялась готовить снова. Днем, к половине пятого, банкет был готов. Это был ее маленький официальный прием. Она очень гордилась своими способностями, а вся деревня в свою очередь гордилась ею, что скорее всего и стало причиной того, что именно Мамочка была нашей хозяйкой. На этот обед пригласили все сельское руководство. За столом сидели председатель колхоза, специалист по сельскому хозяйству, которого называли агрономом, и его хорошенькая жена, которая работала учительницей и руководила драмкружком, затем управляющий фермой, учитель, а также мать, отец и мы. И если раньше мы считали, что кормят здесь обильно, то этот обед по количеству еды превзошел все то, что мы уже видели. На столе стоял огромный графин с водкой, а мы от водки очень устали, и желудки наши стали очень слабы. Мы начали обед с черного хлеба, солений, помидоров и водки. Затем подали украинский борщ со сметаной, мясное жаркое, приготовленное так, что картофель впитал все его специи. Потом дали пирожки, мед и молоко. Когда блюдо наполовину становилось пустым, Мамочка наполняла его снова. Она практически закармила нас до смерти.

Затем председатель сказал маленькую приветственную речь, и мы в свою очередь произнесли ответный тост. Потом они спросили, сможем ли мы ответить на несколько вопросов, потому что мы были первыми американцами, кто приехал на их ферму, а наша страна их очень интересовала. Им хотелось кое-что узнать об Америке. Мы сказали, что Америка — огромная страна, а мы знакомы только с малой ее частью, и может, будут вопросы, на которые и нам будет трудно ответить, но мы попытаемся. Специалист по сельскому хозяйству спросил нас о наших фермерах: какие урожаи получают, где что выращивают? Про-

водятся ли эксперименты с семенами, и есть ли у нас специальные участки, где эти эксперименты проводятся? Есть ли школы с сельскохозяйственным уклоном? Он сказал, что в Советском Союзе в каждом колхозе выделены поля для экспериментов с почвами и семенами, есть ли подобное у нас? И еще он спросил, помогает ли государство фермерам советами и деньгами. Подобный вопрос нам задавали и раньше, и те, кто спрашивал, очень удивлялись, когда мы рассказывали о том, как правительство помогает сельскому хозяйству, причем не только федеральное правительство, но и правительства штатов. Потом управляющий фермой спросил, сколько нужно земли, чтобы содержать семью в Америке, и каков ее доход в пересчете на продукты питания, медицинское обслуживание и одежду; какое оборудование, какие машины есть на средней американской ферме. И еще он спросил, как заботятся о наших ветеранах войны.

Потом школьный учитель задал вопрос о нашем правительстве. Он хотел узнать о Верховном суде, как выбирается президент, как выбирается конгресс. Он спросил, обладает ли президент достаточной властью, чтобы принять решение о начале войны, а также какова власть госдепартамента и как близко правительство к народу.

Мы ответили, что не думаем, что президент обладает очень большой властью, но он, конечно, обладает какой-то косвенной властью, точно нам это неизвестно. Еще они хотели знать, что за человек Трумэн, а мы этого не знали. Наш хозяин говорил о Рузвельте. Он сказал, что русский народ очень любил Рузвельта, доверял ему и что его смерть была как смерть родного отца.

И он спросил:

— А вы знали его? Вы с ним когда-либо встречались?

Я ответил:

— Да.

Он сказал:

— Расскажите о нем. Как он говорил, как держался? Знаете ли о нем какие-нибудь понятные нам анекдоты?

Потом агроном спросил нас об атомной энергии, не о бомбе, а о том, предполагается ли в Америке создание какого-либо устройства с применением атомной энергии.

Мы сказали:

— Мы не знаем. Но кажется, да. Уже проделано много экспериментов с целью использования этой энергии, а с побочными продуктами распада экспериментируют в медицинских целях. Мы знаем, что эта новая штука, если ее правильно применить, могла бы изменить мир, как могла бы изменить мир и при ее неправильном применении.

Потом люди, сидящие за столом, стали говорить о будущем их колхоза. Через год или два его электрифицируют и механизмируют. Очень они гордятся своим колхозом. Скоро, сказали они, привезут новые тракторы, и скоро деревенские жители смогут хорошо питаться и хорошо жить, и им не придется так ужасно

много работать.

— Приезжайте к нам через год, — говорили они, — и посмотрите, как у нас все переменится. Мы начнем строить кирпичные дома, построим кирпичное здание для клуба, крыши — из черепицы. И жить будет намного легче.

Наш шофер глубоко спал с тех самых пор, как мы сюда приехали. Это был замечательный человек, умеющий поспать. Мы разбудили его, и он завел машину, которая работала на четырех цилиндрах вместо восьми.

Мы попрощались. Управляющий фермой и агроном проводили нас до перекрестка. Управляющий попросил прислать какие-нибудь фотографии колхоза, которые они хотели бы повесить в клубе, и мы твердо пообещали.

На обратном пути в Киев мы заснули от усталости и переедания. И мы не знаем, сколько раз водитель останавливал машину, чтобы залить воду, или сколько раз она ломалась. В Киеве мы выскочили из машины, сразу бросились в постель и проспали около двенадцати часов.

На следующее утро мы отправились к реке посмотреть на баржи, которые подвозят товары на киевские рынки с севера и юга. Здесь были баржи с дровами и маленькие лодки, с верхом нагруженные сеном. Огромное количество помидоров, огурцов и капусты доставлялось по реке и разгружалось у подножия города. Сюда подвозили продукты из колхозов, чтобы продать их на рынке. Мы проследовали за продуктами на рынок, вверх к обрыву, где длинными рядами сидели продавцы, в основном старики и дети — вся молодежь работала на уборке урожая в поле.

С рынка нас повели в гигантскую пекарню, где печется черный хлеб для всего города. Прежде чем мы вошли в пекарню, директор надел на нас белые халаты. Часть пекарни разрушена, сейчас ее отстраивают и расширяют. Директор рассказал, что, когда город был в осаде, пекарня все равно продолжала работать и даже тогда, когда на город падали бомбы, печи выдавали хлеб.

Здесь были горы хлеба. Пекарня была полностью механизирована: миксеры, мешалки, печи — все работало автоматически. Длинные цепочки из буханок черного хлеба проходят через печи, складываются в тележки и везутся в город.

Люди очень гордились этой пекарней, и директор спросил нас, есть ли в Америке такие замечательные вещи. И здесь мы опять столкнулись с тем, что нам так часто уже встречалось: русские действительно верят, что это придумали именно они. Они любят автоматические механизмы и мечтают о том, чтобы вся их техника была полностью механизирована. Механизация означает для них свободу и удобство, а также обилие еды и всеобщее богатство. Они любят машины так же, как американцы: вокруг нового автомобиля собирается толпа, люди стоят и глядят на него почти с благоговением.

Днем у меня брали интервью для украинского литературного журнала. Это было очень долгое и тяжелое испытание. Редактор, настороженный маленький человечек с остроконечным лицом, задавал вопросы длиной в два параграфа. Их мне переводили, и к тому времени, как я понимал конец вопроса, я уже забывал начало. Я старался отвечать на вопросы, как только мог. Ответы переводились редактору и записывались. Вопросы были очень сложными и очень литературными, и, когда я отвечал на вопрос, я совершенно не был уверен, что перевод адекватен ответу. Было два трудных момента. Во-первых, коренное различие между мной и человеком, который брал у меня интервью. И во-вторых, мой английский, по всей вероятности, слишком разговорный и довольно труднодоступный для переводчика, который изучал литературный английский. И чтобы удостовериться, что меня правильно поняли, я просил переводить свои ответы с русского обратно на английский. Я оказался прав. Ответы, которые записали, совсем не соответствовали тому, что я сказал в действительности. Здесь не было злого умысла, и дело даже не в трудности перевода с одного языка на другой. К языковым проблемам это не имело прямого отношения. Это был перевод с одного образа мышления на другой. Наши собеседники были приятные и честные люди, но мы не могли найти с ними общий язык. Это интервью стало последним, больше я на это не соглашался. И когда в Москве меня попросили дать интервью, я предложил, чтобы вопросы представили мне в письменном виде, чтобы я смог их обдумать, ответить на них по-английски, а затем проверить перевод. А поскольку это сделано не было, интервью у меня не брали.

Где бы мы ни были, вопросы, которые нам задавали, имели много общего, и мы постепенно поняли, что все эти вопросы исходят из одного единственного источника. Украинская интеллигенция брала свои вопросы, как политические, так и литературные, из статей газеты "Правда". И скоро мы уже могли предвосхищать вопросы, потому что почти наизусть знали статьи, на которых эти вопросы основывались.

Существовал один литературный вопрос, который задавался нам неизменно. Мы даже знали, когда ждать его, потому что в это время глаза нашего собеседника суживались, он немного подавался вперед и пристально нас изучал. Мы знали, что нас спросят, как нам понравилась пьеса Симонова "Русский вопрос".

В настоящее время Симонов, по всей вероятности, самый известный писатель в Советском Союзе. Недавно он на короткое время приезжал в Америку и, возвратившись в Россию, написал эту пьесу. Сейчас это, пожалуй, самая исполняемая пьеса. Премьеры прошли одновременно в трехстах театрах Советского Союза. В пьесе господина Симонова речь идет об американских журналистах, и мне необходимо кратко изложить ее содержание. Действие происходит частично в Нью-Йорке, частично в месте, которое напоминает Лонг-Айленд. В Нью-Йорке действие разворачи-

вается в помещении, похожем на ресторан Блика, около здания "Геральд трибюн". Пьеса вкратце вот о чем.

Один американский корреспондент, много лет назад съездивший в Россию и написавший о ней доброжелательную книгу, работает на газетного воротилу, капиталиста, тяжелого, жестокого, властного газетного магната, беспринципного и бездуховного человека. Магнат, чтобы победить на выборах, хочет напечатать в своей газете о том, что русские собираются напасть на Америку. Он дает корреспонденту задание поехать в Россию и по возвращении в Америку написать, что русские хотят войны с американцами. Шеф предлагает ему огромную сумму денег — тридцать тысяч долларов, чтобы быть точным, — и полную обеспеченность на будущее, если корреспондент исполнит указание. Корреспондент, который к тому же разорен, хочет жениться на девушке и купить маленький загородный домик в Лонг-Айленде. Он соглашается на условия хозяина. Он едет в Россию и видит, что русские не хотят воевать с американцами. Он возвращается и тайно пишет свою книгу — совершенно противоположное тому, чего хотел хозяин.

Тем временем корреспондент покупает на аванс загородный домик в Лонг-Айленде, женится и уже рассчитывает на спокойную жизнь. Когда выходит его книга, магнат не только пускает ее под нож, но и делает невозможным для корреспондента напечатать ее в любом другом месте. Власть газетного магната такова, что журналист даже не может найти работу, не может напечатать свою книгу и будущие статьи. Он теряет дом за городом, жена, которая хочет жить обеспеченно, уходит от него. В это время по непонятным причинам в авиакатастрофе гибнет его лучший друг. И наш журналист остается один, разоренный и несчастный, но с чувством, что сказал людям правду, а это лучшее, что можно сделать.

Вот вкратце содержание пьесы "Русский вопрос", о которой нас так часто спрашивали. Обычно мы отвечали так: 1) это не самая хорошая пьеса, на каком бы языке она ни шла; 2) герои не говорят как американцы и, насколько мы знаем, не ведут себя как американцы; 3) пусть в Америке и есть некоторые плохие издатели, но у них и в помине нет той огромной власти, как это представлено в пьесе; 4) ни один книгоиздатель в Америке не подчиняется чьим бы то ни было приказам, доказательством чего является тот факт, что книги самого г-на Симонова печатаются в Америке; и последнее, нам бы очень хотелось, чтобы об американских журналистах была написана хорошая пьеса, а эта, к сожалению, таковой не является. Эта пьеса не только не способствует лучшему пониманию Америки и американцев, но и, по всей вероятности, будет иметь противоположный эффект.

Нам так часто задавали вопросы об этой пьесе, что мы решили набросать сюжет своей пьесы, которую назвали "Американский вопрос", и стали рассказывать его тем, кто задавал нам такие вопросы. В нашей пьесе господин Симонов едет от газеты

"Правда" в Америку, чтобы написать ряд статей, показывающих, что Америка представляет собой пример загнивающей западной демократии. Господин Симонов приезжает в Америку и видит, что американская демократия не только не вырождается, но и не является западной, если только не смотреть на нее из Москвы. Симонов возвращается в Россию и тайно пишет о том, что Америка — не загнивающая демократия. Он передает свою рукопись в "Правду". Его моментально выводят из Союза писателей. Он теряет свой загородный дом. Его жена, честная коммунистка, бросает его, а он умирает от голода — так же, как этим кончает и американец в пьесе Симонова.

Под конец чтения нашей маленькой пьесы раздавались смешки. Мы обычно говорили:

— Если вы находите это смешным, то это не смешнее, чем пьеса Симонова "Русский вопрос" об Америке. Обе пьесы по одинаковым причинам одинаково плохи.

Один или два раза наша пьеса разжигала бурные споры, но в большинстве случаев вызывала лишь смех, и тема разговора менялась.

В Киеве есть место, которое называется "Коктейль-бар". Название это написано русскими буквами, поэтому прочесть мы его не смогли, но произносят это именно так: коктейль-бар. Здесь круглая стойка бара с высокими стульями, маленькие столы, сюда приходят вечером молодые киевляне. Они пьют напитки, которые называются коктейлями, из высоких стаканов, и это замечательные напитки. Есть киевские коктейли, московские коктейли и тифлиссские коктейли, тем не менее странно, что все они одинакового розоватого цвета и сильно отдают гренадином.

Когда русские делают коктейль, они считают, что, чем больше составных частей, тем коктейль лучше. В одном из таких, которые мы попробовали, было смешано двенадцать различных ликеров. Мы забыли, как он назывался. Мы не хотели это запоминать. Мы были немного удивлены, встретив в России коктейль-бары, поскольку коктейль — очень декадентский напиток. И уж точно, что московские коктейли и киевские коктейли — наиболее декадентские коктейли, которые мы когда-либо пробовали.

Время нашего пребывания в Киеве подходило к концу, и мы готовились к отлету в Москву. Люди, с которыми мы здесь встретились, были очень гостеприимные, добрые и великодушные и очень нам понравились. Это были умные, очень энергичные, веселые люди с чувством юмора. На месте руин они с упорством возводили новые дома, новые заводы, строили новую технику и новую жизнь. И неустанно повторяли:

— Приезжайте к нам через пару лет, и вы увидите, чего мы добьемся.

Глава 6

Вернувшись в Москву, мы вдоволь наговорились на нашем родном языке и пообщались с нашими соотечественниками: хоть украинцы относились к нам с добротой и великодушием, мы были для них иностранцами. Нам было приятно разговаривать с людьми, которые знали, кто такой Супермен* и Луи Армстронг. Нас пригласили в приятный дом Эда Гилмора, и мы послушали его записи в ритме свинга. Ему посылает эти записи кларнетист Пи Ви Рассел. Эд говорит, что не знает, как пережил бы зиму без новых популярных пластинок от Пи Ви. У Суит Джо Ньюмена были знакомые русские девушки, и мы поехали на танцы в ночные московские бары. Суит Джо замечательно танцует, а Капа прыгает длинными заячьими прыжками — это смешно, но довольно опасно.

Сотрудники посольства были очень добры к нам. Военный атташе генерал Макон снабдил нас маленькими бомбочками с ДДТ, которые предназначались для защиты от мух. Они особенно пригодились, когда мы уехали из Москвы, поскольку в разрушенных районах мухи действительно доставляют много неприятностей. А в одном или двух местах наших ночевок нам причиняли хлопоты и другие маленькие непрошеные гости. Некоторые сотрудники посольства долгое время не были дома и интересовались всякими мелочами, например результатами встреч по бейсболу, прогнозами футбольного сезона и выборами в разных частях страны. В воскресенье мы пошли посмотреть на военные трофеи, выставленные на набережной реки около парка Горького. Здесь были немецкие самолеты всех видов, немецкие танки, немецкие пушки, пулеметы, тягачи, противотанковые пушки и другие виды немецкого оружия, захваченного Советской Армией. Около экспонатов проходили военные с женами и детьми и профессионально все объясняли. Дети с удивлением смотрели на технику, которую помогли захватить их отцы.

На реке проходило соревнование лодок — маленьких водных скутеров с подвесным мотором, и мы заметили, что многие моторы были марки "Эвинруд", а также других американских марок. Соревнования проходили между клубами и группами рабочих. Некоторыми лодками управляли девушки. Мы болели за одну особенно красивую блондинку, просто потому, что она была красивой, но она не выиграла. Во всяком случае девушки были более сильными и способными гонщицами, чем мужчины. Они более рискованно разворачивались и отважно управляли лодками. С нами была Суит Лана, на ней был костюм синего цвета, шляпка с маленькой вуалью, а на лацкане пиджака — серебряная звездочка.

Потом мы пошли на Красную площадь, где стояла очередь

* Герой комиксов.

длиной по меньшей мере в четверть мили — эти люди хотели посетить Мавзолей Ленина. Перед входом в Мавзолей, как восковые фигуры, стояли два молодых солдата. Мы даже не заметили, как они моргают. Весь день и почти ежедневно вереница людей медленно проходит через Мавзолей, чтобы посмотреть на Ленина через стеклянную крышку гроба; идут тысячи людей, они проходят мимо, мгновение смотря на выпуклый лоб и острый нос и заостренный подбородок Ленина. Это похоже на религиозный обряд, хотя они это религией не называли бы.

С другой стороны Красной площади находится круглое мраморное возвышение, где по приказу царей обычно казнили людей, а теперь на нем установлены гигантские букеты бумажных цветов и красные флаги.

Мы приехали в Москву только для того, чтобы попасть отсюда в Сталинград. Капа договорился насчет проявки пленок. Конечно, он бы предпочел привезти их в Америку непроявленными, потому что оборудование для проявки там лучше. Но в нем вдруг заговорило шестое чувство, и в конце концов его предчувствие очень нам помогло.

Мы, как обычно, уехали из Москвы не при лучших обстоятельствах, поскольку накануне опять устроили вечеринку, которая продолжалась допоздна, и мы совсем мало спали. И опять мы сидели в зале VIP* под портретом Сталина и полтора часа пили чай, прежде чем наш самолет был готов к отлету. Самолет был таким же, как и те, в которых мы уже летали. Вентиляция в самолете не работала. Багаж разложили в проходе, и мы взлетели.

Злой гном господина Хмарского во время этой поездки проявил большую активность. Почти все, о чем Хмарский договаривался или что планировал, не получалось. В Сталинграде не было ни отделения, ни филиала ВОКСа, следовательно, когда мы прилетели на маленький, продуваемый ветром аэродром, нас никто не встретил, и г-ну Хмарскому пришлось звонить в Сталинград, чтобы прислали машину. Тем временем мы вышли из аэропорта и увидели, как женщины продают арбузы и дыни очень хорошего качества. И в течение полутора часов на наши рубашки капал арбузный сок, пока наконец не пришла машина. Хотя мы пользовались этой машиной очень мало, мы все-таки должны описать ее, поскольку она обладала своей индивидуальностью. Это была не легковая машина, а автобус, который мог перевозить двадцать человек. Это был фورد модели "А". Когда компания Форда прекратила выпуск этой модели, русское правительство закупило оборудование, на котором собирались эти машины. Форды модели "А" делались в Советском Союзе — как легковые автомобили этой марки, так и легкие грузовики и автобусы, и наш был одним из них. Я думаю, рессоры у него были, но, может, в недостаточном количестве или находились в

* Депутатский зал.

неисправном состоянии. Во всяком случае сами мы не чувствовали, что рессоры в автобусе есть. Наш шофер был замечательным человеком, поистине свято относящимся к автомобилям. Позже, когда мы оказывались в автобусе наедине с ним, он просто перечислял марки машин, которые любил.

— "Бьюик", — обычно начинал он, — "кадиллак", "линкольн", "пontiак", "студебеккер", — и глубоко вздыхал. То были единственные английские слова, которые он знал.

Дорога в Сталинград была самой трудной из всех, что мы видели. От аэропорта до города было довольно далеко, и, если бы мы поехали по целине, это было бы сравнительно легче, и нас бы не так трясло. Эта так называемая дорога была не что иное, как чередование выбоин и широких и глубоких луж. Она не была вымощена, и недавние дожди превратили часть дороги в запруды. В открытой степи, которая простиралась вдаль, насколько можно было окинуть взглядом, паслись стада коз и коров. Параллельно дороге шли железнодорожные пути, рядом с которыми лежали сожженные товарные вагоны и платформы, уничтоженные во время войны. Вся земля на мили вокруг Сталинграда была завалена тем, что осталось от военных действий: сожженные танки, части рельсовых путей, БМП (боевые машины пехоты) и заржавленные части сломанных орудий. Группы по сбору военных трофеев работали на этих участках, выбирая из-под обломков части, которые можно было бы переплавить и использовать на тракторном заводе в Сталинграде.

Нам приходилось держаться обеими руками, когда наш автобус кидало из стороны в сторону и он подпрыгивал на ухабах. Нам казалось, что конца этой дороге через степь не будет, но вот наконец с небольшого возвышения мы увидели внизу Сталинград и Волгу.

По окраинам города строились сотни маленьких новых домов, но как только мы въехали в сам город, то не увидели почти ничего, кроме разрушений. Сталинград — город, вытянувшийся по берегу Волги почти на двадцать километров* и шириной всего два километра в самой широкой его части. Нам и раньше приходилось видеть разрушенные города, но большинство из них было разбомблено. Но это был совсем другой случай. В разбомбленном городе некоторые стены все-таки остаются целыми, а этот город был уничтожен минометным и артиллерийским огнем. Сражения за него длились месяцами: он несколько раз переходил из рук в руки, и стен здесь почти не осталось. А какие стены и остались, те были исколоты, изрешечены пулеметным огнем. Мы читали, конечно, о невероятной битве под Сталинградом, и, когда мы смотрели на этот разрушенный город, нам в голову пришла мысль, что когда город подвергается нападению и разрушаются его дома, то именно эти руины и служат хоро-

* Волгоград расположен на изгибе нижнего течения Волги, тянется более чем на 70 км по ее правому берегу.

шим укрытием для защищающей город армии: они превращаются в бункера, щели и гнезда, из которых практически невозможно выбить решившие стоять до конца войска. Здесь, в этих страшных руинах, и произошел один из основных поворотных пунктов войны. Это случилось, когда после месяцев осады, атак и контратак немцы в конце концов были окружены и захвачены; и даже самым тупым из них чутье подсказывало, что война проиграна.

На центральной площади лежали развалины того, что раньше было большим универмагом, бывшим последним опорным пунктом немцев после окружения. Фон Паулюса захватили именно на этом месте, здесь же и завершилась битва.

На другой стороне улицы находилась отремонтированная гостиница "Интурист", в которой мы должны были остановиться. Нам дали две большие комнаты. Из наших окон были видны груды обломков, битого кирпича, бетона, измельченной штукатурки; среди руин росли странные темные сорняки, которые обычно появляются в разрушенных местах. За то время, пока мы были в Сталинграде, мы все больше и больше поражались, какое огромное пространство занимают эти руины, и самое удивительное, что эти руины были обитаемыми. Под обломками находились подвалы и щели, в которых жило множество людей. Сталинград был большим городом с жилыми домами и квартирами, сейчас же ничего этого не стало, за исключением новых домов на окраинах, а ведь население города должно где-то жить. И люди живут в подвалах домов, в которых раньше были их квартиры. Мы могли видеть из окон нашей комнаты, как из-за большой груды обломков появлялась девушка, которая шла утром на работу, поправляя расческой волосы. Девушка, опрятно и чисто одетая, пробиралась через сорняки, направляясь на работу.

Мы не могли себе представить, как им это удавалось. Как они, живя под землей, умели сохранять чистоту, гордость и женственность. Женщины выходили из своих укрытий и шли на рынок. На голове — белая косынка, в руке — корзинка для продуктов. Все это было странной и героической пародией на современную жизнь.

Но мы столкнулись, однако, с одним ужасным исключением. Прямо перед гостиницей, на месте, куда непосредственно выходили наши окна, была небольшая помойка, куда выбрасывали корки от дынь, кости, картофельные очистки и другой подобный мусор. Чуть дальше за этой помойкой был небольшой холмик, похожий на вход в норку суслика. Каждое раннее утро из этой норы выползала девочка. У нее были длинные босые ноги, тонкие и жилистые руки, а волосы были спутанными и грязными. Она казалась черной от скопившейся за несколько лет грязи. Но когда она поднимала лицо, это было самое красивое лицо, которое мы когда-либо видели. У нее были глаза хитрые, как у лисы, но какие-то нечеловеческие. У нее было лицо вполне нормального человека. В кошмаре сражающегося

города с ней что-то произошло, и она нашла какой-то покой в забытии. Она сидела на корточках и подъедала арбузные корки, обсасывала кости из чужих супов. Обычно она проводила на помойке часа два, прежде чем ей удавалось наесться. А затем она шла в сорняки, ложилась и засыпала на солнце. У нее было удивительно красивое лицо, а двигалась она на длинных ногах с грацией дикого животного. Другие обитатели близлежащих подвалов редко разговаривали с ней. Но однажды утром я увидел, как из другой норы вышла какая-то женщина и дала девочке полбуханки хлеба. Та схватила его почти рыча и прижала к груди. Она глядела на женщину, которая дала ей хлеб, глазами полубезумной собаки и следила за ней с подозрением, пока женщина не ушла к себе в подвал, а потом отвернувшись, спрятала лицо в ломте черного хлеба и, как зверь, смотрела поверх этого куска, водя глазами туда-сюда. А когда она вгрызлась в хлеб, один конец ее рваного и грязного платка соскользнул с ее молодой немой груди, и она совершенно автоматически прикрыла грудь, поправив платок и пригладив его удивительно женственным жестом.

Мы думали, сколько же могло еще быть таких созданий, которые не смогли больше выдержать жизнь в двадцатом веке, которые удалились не в потусторонний мир и вернулись не в горы, а в глубь человеческого прошлого, в старинные дебри наслаждения, боли и самосохранения. У нее было лицо, о котором долго еще будешь вспоминать.

Ближе к вечеру к нам зашел полковник Денченко и спросил, не хотели бы мы посмотреть на район, где шла битва за Сталинград. Полковнику было около пятидесяти, это был человек приятной наружности, с бритой головой. На нем была белая гимнастерка и ремень, на груди — много орденов. Он повозил нас по городу и показал, где удерживала позиции двадцать первая армия, где шестьдесят вторая армия прикрывала ее. Он привез с собой карты военных действий. Он показал нам точное место, где немцы были остановлены, черту, за которую они не могли уже продвинуться. Именно на этой черте стоит Дом Павлова, который превратился в национальную святыню и останется, вероятно, историческим местом и в будущем.

Дом Павлова был жилым домом, а сам Павлов был сержантом. Павлов с девятью другими людьми держали этот дом пятьдесят два дня, несмотря на все попытки немцев захватить его. Немцам так и не удалось взять ни Дом Павлова, ни самого Павлова. Это была самая дальняя точка, до которой завоеватели смогли продвинуться.

Полковник Денченко привез нас к реке и показал, где под крутыми берегами стояли русские и откуда их не могли выбить немцы. Здесь повсюду лежали ржавые груды оружия.

Сам полковник был из Киева, и у него были светло-голубые глаза, как у большинства украинцев. Ему было пятьдесят, а его сына убили под Ленинградом.

Он показал нам холм, откуда начался "великий немецкий бросок", — возвышенность, где шли боевые действия и где развернулись танки. У подножия холма в несколько рядов были расположены артиллерийские позиции. Группа кинодокументалистов из Москвы снимала фильм о Сталинградской битве. А у реки стояла на якоре баржа. Киногруппа из Москвы, которая приехала на съемки, жила на барже.

Но вот гном Хмарского опять стал действовать. Мы сказали, что хотели бы сфотографировать, как работает эта съемочная группа.

Хмарский ответил:

— Очень хорошо, сегодня вечером я позвоню и выясню, сможем ли мы получить разрешение на съемку.

Итак, мы поехали в гостиницу и, как только вернулись, слышали артиллерийские залпы. Утром, когда он позвонил, стрельба уже закончилась, и мы ее, конечно, пропустили. День за днем мы пытались сфотографировать, как снимают фильм про Сталинградскую битву, и каждый день нам это не удавалось по той или иной причине. Злой гном Хмарского все время нам мешал.

Днем мы пошли через площадь в маленький парк у реки, и здесь под огромным обелиском из камня росло множество красных цветов, а под цветами были похоронены многие из тех, кто защищал Сталинград. В парке было совсем мало народа, одна женщина сидела на скамейке, а маленький мальчишка пяти-шести лет стоял у ограды обелиска и смотрел на цветы. Он стоял так долго, что мы попросили Хмарского поговорить с ним.

Хмарский обратился к нему по-русски:

— Что ты здесь делаешь?

И парнишка безо всякой сентиментальности и совершенно спокойно сказал:

— Я пришел к папе. Я хожу к нему в гости каждый вечер.

Здесь не было ни пафоса, ни сентиментальности. Это была просто констатация факта; а женщина на скамейке взглянула на нас, кивнула и улыбнулась. И скоро женщина с мальчиком пошли через парк обратно в разрушенный город.

Утром, когда нам в номер принесли завтрак, мы решили, что произошло всеобщее умопомешательство. На завтрак нам дали салат из помидоров, соленья, арбуз и крем-соду. Но это оказалось не безумием, а самым обыкновенным сталинградским завтраком. Крем-соду нам удалось обменять на чай. А салат из помидоров на завтрак нам через какое-то время просто стал нравиться. Ведь, если вдуматься, это томатный сок в твердом виде. А к крем-соде мы так и не смогли привыкнуть.

Площадь перед нашей гостиницей была очень широкая, и вокруг нее стояли разрушенные здания. На одной сохранившейся стене был укреплен громкоговоритель, работавший с раннего утра до позднего вечера. По нему передавали речи, новости и

очень много песен. Радио звучало так громко, что его было слышно, даже когда мы натягивали одеяло на голову. Оно звучало так громко, что казалось, вот-вот лопнет его мембрана, о чем мы, честно говоря, часто мечтали.

Мы хотели увидеть и сфотографировать знаменитый Сталинградский тракторный завод. Именно на этом заводе рабочие продолжали собирать танки под немецким обстрелом. А когда немцы подошли слишком близко, люди отложили свои инструменты и пошли защищать завод, а потом снова принялись за работу. Г-н Хмарский, мужественно сражавшийся со своими злыми гномами, сказал, что попытается организовать нам посещение этого завода. А утром нам с достаточной уверенностью было сказано, что мы сможем увидеть завод.

Завод расположен на окраине города, и мы еще издалека увидели заводские трубы. Земля вокруг завода была искорежена и истерзана, а половина его зданий лежала в руинах. Мы подъехали к воротам, оттуда вышли двое охранников, посмотрели на фотооборудование, которое осталось у Капы в автобусе, вернулись, позвонили куда-то по телефону, и через секунду вышли еще охранники. Они посмотрели на наши камеры и стали звонить опять. Решение их было бесповоротным. Нам не разрешили даже вынести камеры из автобуса. У ворот к нам присоединился директор завода, главный инженер и полдюжины других официальных лиц. И поскольку мы согласились с их решением, встретили нас исключительно дружелюбно. Мы могли все видеть, но нам нельзя было ничего фотографировать. Нам было очень обидно, потому что в каком-то смысле этот тракторный завод был таким же положительным явлением, как и маленькие украинские фермы. Здесь, на заводе, который обороняли его рабочие и где эти же рабочие собирали тракторы, можно было ощутить дух русской обороны. И почему-то здесь, где дух проявился с такой силой и убедительностью, мы обнаружили, как страшатся они фотоаппарата.

Завод за большими воротами был примечательным местом: пока одна группа рабочих трудилась здесь на сборочной линии, в кузнечном цеху и на прессах, другие в это время восстанавливали руины. Пострадали заводские цеха, большинство из них стояли без крыш, а некоторые были полностью разрушены. И восстановление завода шло одновременно с выпуском тракторов. Мы видели плавильные печи, где в переплавку шли останки немецких танков и орудий. И мы видели металл на прокатном стане. Мы наблюдали за отливкой, штамповкой, шлифовкой и отделкой деталей. И вот наконец с линии съезжали новые тракторы; покрашенные и отполированные, они собирались на стоянке в ожидании вагонов; которые отвезут их на поля. А среди полуразрушенных зданий работали строители, слесари, каменщики и стекольщики, которые восстанавливали завод. Времени ждать, пока завод будет полностью восстановлен, не было.

Мы не поняли, почему нам запретили здесь фотографировать,

потому что во время осмотра убедились, что практически все оборудование было сделано в Америке и сборочная линия и метод сборки были разработаны американскими инженерами и техниками. И если рассуждать разумно, можно предположить, что если у американцев в отношении этого завода существовал какой-то злой умысел, скажем бомбовый удар, то информацию о заводе можно было бы получить у американских специалистов, которые хорошо разбираются в технике и наверняка все помнят. И все-таки фотографировать этот завод было запрещено. На самом деле нам и не нужны были фотографии самого завода. Мы хотели снять работающих мужчин и женщин. Большую часть работы на заводе выполняют женщины. Но в этом запрете лазейки не было. Мы не могли сделать ни единой фотографии. Страх к фотокамере был слепым и глубоким.

Мы не смогли также узнать, сколько тракторов выпускается в день, поскольку это противоречило бы новому закону, по которому разглашение промышленных тайн приравнивается к разглашению военной информации. Однако нам дали информацию в процентах. Нам сказали, что завод выпускает всего лишь на два процента тракторов меньше, чем до войны, и я думаю, что если бы мы захотели, то могли бы узнать, сколько тракторов выпускали до войны, и таким образом вычислить количество тракторов, сходявших с линии в настоящее время. Готовая продукция — стандартная, только одного типа. Эти мощные, но не очень крупные машины могут справиться с любой фермерской работой. Корпус у них не обтекаемый, внешне они малопривлекательны и не имеют никаких излишеств. Нам сказали, что это очень хорошие тракторы, но на их внешний вид внимания не обращают, так как здесь нет никакой конкуренции. Здесь нет конкуренции предпринимателей, придающих своему товару привлекательный вид. Именно здесь, на этом месте, рабочие собирали танки, а вражеские снаряды тем временем пробивали цеха и разрушали по частям завод. Напрашивалась ужасная аллегория: ведь этот завод явился воплощением двух человеческих возможностей — созидания и разрушения.

Когда Капа не может фотографировать, он в трауре, а здесь он стал особенно горевать, поскольку везде его глаза видели контрасты, интересные точки для съемки и сцены с подтекстом. Он сказал мне с горечью:

— Двумя фотографиями я бы выразил больше, чем то, что можно вложить в тысячи и тысячи слов.

Капа пребывал в таком печальном состоянии до обеда, после которого почувствовал себя лучше. Еще лучше ему стало днем, когда мы наняли маленькую лодку и поехали по Волге. В это время и в этом месте Волга — красивая, широкая, безмятежная река, по которой перевозится большая часть грузов этого региона. Здесь были маленькие буксиры, паромы, экскурсионные лодки и баржи, нагруженные зерном и рудой, бревнами и нефтью. А с реки разрушенный город можно было увидеть целиком.

По реке плавали огромные плоты, на которых были построены целые городки: иногда по пять-шесть домиков с маленькими загонами для коров, коз и кур. Эти плоты шли с дальних северных волжских притоков, где были срублены бревна; так они медленно плыли вниз по реке, останавливаясь у больших и малых разрушенных городов. Местные власти забирали часть бревен себе для построек. На остановках необходимое количество бревен отвязывалось и они сплавлялись к берегу, и, по мере того как плоты продвигались все дальше и дальше вниз по течению, они уменьшались в размерах. На все это уходит так много времени, что люди, которые живут на плотях, успевают построить здесь целые поселки.

Жизнь на реке была очень активной и чем-то напоминала нам Миссисипи, как ее в свое время описывал Марк Твен. По реке туда-сюда сновали маленькие колесные буксиры, попадались даже тяжелые, неуклюжие лодки под парусами.

Мы подошли к одному из самых больших плотов и увидели, что одна женщина в маленьком загоне доит корову, другая за домом развешивает выстиранную одежду, а мужчины отцепляют бревна, которые отправляются к берегу и оттуда — на стройки Сталинграда.

В Сталинграде злой гном г-на Хмарского работал даже в сверхурочные часы. Сначала — наши неудачи со съемочной группой, затем завод, и теперь этот злой гений не оставил нас в покое даже во время экскурсии по реке. Мы рассчитывали взять небольшой легкий катер, чтобы быстро передвигаться, куда захотим, но вместо этого получили огромную посудину, наподобие крейсера русского военно-морского флота. Кроме команды и нас, на борту больше никого не было. Нам был нужен катер с небольшой осадкой, чтобы можно было подплывать близко к берегу, а взамен получили махину, на которой из-за большой осадки к берегу нельзя было подойти. Нам приходилось маневрировать среди маленьких, похожих на каноэ лодчонок, на которых целые семьи везли продукты на сталинградские базары: помидоры, горы дынь, огурцы и конечно же капусту.

На одном рынке в Сталинграде мы увидели фотографа со старой фотокамерой гармошкой. Он фотографировал серьезного молодого новобранца, который неподвижно сидел на коробке. Фотограф обернулся и увидел, что Капа снимает его и солдата. Он улыбнулся Капе широкой профессиональной улыбкой и помахал шляпой. Молодой боец не пошевелился. Он не мигая смотрел перед собой.

Нас пригласили к архитектору, который возглавлял работы по строительству нового Сталинграда. Было внесено предложение перенести город вниз или вверх по реке, не пытаясь даже восстановить его, поскольку расчистка территории потребовала бы огромного труда. Дешевле и легче было бы начать с нуля. Но против этого высказывалось два аргумента: во-первых, большая часть канализационной системы и проложенные под землей элект-

трические кабели остались нетронутыми; во-вторых, по причинам чисто сентиментальным, существовало твердое мнение, что восстановить Сталинград надо на старом месте. И это скорее всего и явилось основной причиной. Поэтому большой объем работы по расчистке города не шел в сравнение с этим чувством.

Существовало уже пять архитектурных планов восстановления города, но макета еще не было, потому что ни один план пока не утвердили. Все эти планы имели две общие черты: в центре Сталинграда предполагалось разместить в основном общественные здания, своей грандиозностью напоминающие киевские застройки — гигантские монументы, тяжелые мраморные набережные со ступенями, ведущими к самой Волге, парки и колоннады, пирамиды и обелиски и огромные статуи Сталина и Ленина. Все это было отражено в картинах, проектах и чертежах. Это снова напомнило нам, что американцев и русских объединяют две вещи: любовь к машинам и гигантомания. Больше всего, по всей вероятности, русские в Америке восхищаются двумя вещами — заводом Форда и Эмпайр-Стейт-билдинг.

Работая над великими планами возрождения Сталинграда, небольшая армия архитекторов не забывает и менее важные объекты: школы, деревни и проекты маленьких домиков. Поскольку город начинают застраивать с окраин, здесь, вдали от центра, тысячами вырастают маленькие дома и жилые здания. А в центре ничего не строят до тех пор, пока не будут утверждены проекты общественных зданий.

Мы разговаривали с главным архитектором о людях, которые живут под землей, среди руин, и спросили, почему они не участвуют в строительстве домов на окраине города.

Он понимающе улыбнулся и сказал:

— Видите ли, эти люди обитают сейчас в подвалах домов, где они раньше жили, и существует две причины, по которым они не хотят сейчас никуда переезжать. Во-первых, потому, что там им нравится, они всегда там жили, а люди не любят бросать то, к чему привыкли, пусть даже уже и не существующее. А во-вторых, у нас не хватает транспорта. У нас очень мало автобусов, трамваев, и, если бы эти люди переехали, им пришлось бы очень долго идти пешком до работы и обратно домой, а это совсем не удобно.

— Но что вы собираетесь с ними делать? — спросили мы.

— Когда у нас будут готовы дома для них, нам придется переселить их, — ответил он. — К тому времени, мы надеемся, у нас будут автобусы, трамваи, и добраться до работы и домой будет нетрудно.

Пока мы сидели у архитектора, в кабинет вошел служащий и спросил, не хотим ли мы посмотреть на подарки, которые прислали в Сталинград со всего мира. И мы, хотя и были уже сыты музеями по горло, решили, что на этот раз нам необходимо на это взглянуть. Мы вернулись в гостиницу, чтобы немножко отдохнуть, но, как только добрались до своего номера, в дверь постучали. Мы открыли, и в комнату вошла целая вереница

мужчин, которые держали какие-то коробки, чемоданы, портфели. Это были подарки сталинградцам. Здесь был красный бархатный щит, украшенный филигранным золотым кружевом, — подарок от императора Эфиопии. Здесь был пергаментный свиток с высокопарными словами от правительства Соединенных Штатов, подписанный Франклином Д. Рузвельтом. Нам показали металлическую тарелку от Шарля де Голля и меч, присланный английским королем городу Сталинграду. Здесь была скатерть, на которой вышиты имена тысячи пятисот женщин одного маленького британского города. Нам принесли все эти вещи в комнату, потому что в Сталинграде еще нет музея. Нам пришлось просмотреть гигантские папки, где на всевозможнейших языках были написаны приветствия гражданам Сталинграда от разных правительств, премьер-министров и президентов.

Нас вдруг охватило чувство печали, когда мы увидели все эти подношения от глав правительств, копию средневекового меча, копию старинного щита, несколько фраз, написанных на пергаменте, и множество напыщенных слов, и, когда нас попросили записать что-то в их книгу, нам просто нечего было сказать. В книге было много выражений, таких, как "всемирные герои" и "защитники цивилизации". Слова и подарки походили на гигантские, мускулистые, уродливые и идиотские скульптуры, которые обычно создавались, чтобы отметить какое-то скромное событие. А в эту минуту нам вспоминались только закрытые железными масками лица мужчин, стоящих у печей на тракторном заводе, девушки, выходящие из подземных нор и поправляющие волосы, да маленький мальчик, который каждый вечер приходит навестить своего отца на братскую могилу. И это были не пустые и аллегорические фигуры. Это были маленькие люди, на которых напали и которые смогли себя защитить.

Средневековый меч и золотой щит казались абсурдными и подчеркивали некоторую скудость воображения того, кто их подарил. Мир наградил Сталинград фальшивой медалью, в то время как город нуждался, скажем, всего лишь в полудюжине бульдозеров.

Нам показали новые и восстановленные жилые дома для рабочих сталинградских заводов. Нас интересовало, сколько они получают, сколько должны платить за квартиру и еду.

Квартиры маленькие и довольно удобные. Кухня, одна-две спальни и гостиная. Чернорабочие, то есть неквалифицированные рабочие, получают теперь пятьсот рублей в месяц. Рабочие неполной квалификации — тысячу рублей в месяц, а квалифицированные рабочие — две тысячи рублей. Но это ничего не значит, это имеет отношение только к питанию и квартплате, а квартплата по всему Советскому Союзу, если вам, конечно, вообще удастся получить квартиру, неправдоподобно мала. За такие квартиры, включая стоимость газа, электричества и воды, платят двадцать рублей в месяц, что составляет два процента дохода квалифицированного рабочего и четыре процента — от дохода рабочего не-

полной квалификации. Еда в магазинах стоит очень дешево. На простую еду, которая входит в обыкновенный рацион человека, то есть хлеб, капусту, мясо и рыбу, уходит совсем немного денег. Но деликатесы, консервы и импортные продукты обходятся очень дорого, а такие вещи, как шоколад, практически недоступны никому. И здесь опять проявляется русская надежда, что, когда продуктов будет больше, цены понизятся. И когда предметов роскоши будет больше, их можно будет свободно купить. Например, когда наладится производство новой маленькой русской машины, напоминающей немецкий "фольксваген", и ее можно будет продавать, она будет стоить около десяти тысяч рублей. Цена меняться не будет, и машины станут продаваться по мере их изготовления. Если учесть, что корова сейчас стоит от семи до девяти тысяч рублей, то идея сравнительных цен становится вполне понятной.

В Сталинграде было много немецких пленных, и, как и в Киеве, люди не смотрели на них. Пленные были одеты в уже довольно потрепанную военную форму. Колонны военнопленных, охраняемые обычно одним солдатом, уныло тащились по улицам с работы и на работу.

Мы очень хотели посмотреть, как рыбаки ловят осетров — крупную волжскую рыбу, у которой берут икру, но для этого у нас не хватало времени, потому что ловят эту рыбу по ночам. Зато мы увидели, как рыбу подвозят утром. Осетры были гигантские и двух видов: один с громадными усами, как у рыбы-кошки, а другой с длинным носом, похожим на лопату. Но это были не самые крупные экземпляры. Самый большой осетр, которого поймали в тот день, весил шестьсот фунтов. Нам сказали, что иногда их вес достигает тысячи двухсот фунтов и такие рыбы дают огромное количество икры. Как только рыба поймана, икру вынимают и обкладывают льдом. Осетров ловят огромными, очень прочными сетями. Как только лодка причаливает к берегу, замороженную икру мгновенно увозят и самолетом доставляют в крупные города Советского Союза. Часть рыбы продают здесь же, но большую часть коптят и продают спустя некоторое время, зарабатывая при этом большие деньги.

Капа загрустил опять — он хотел сделать фотографии завода, а ему не разрешили. Ему казалось, что не повезло не только с поездкой, но и со всем прочим и что он сам невезучий и я тоже невезучий. Тосковал он очень сильно.

Мы стали раздражительными. Злой гном Хмарского так переработал, что и сам стал нервным, и мы, мне кажется, начали на него огрызаться. В результате он нам преподал любопытный урок по марксизму, который закончился по-школьному крикливым спором. А Капа переименовал его и стал называть теперь Хмарксист Хмарский, что Хмарскому не очень понравилось. Просто мы были расстроены, что нам не удалось пофотографировать на тракторном заводе. И мы пришли бы к такому заключению, если были бы честны друг с другом.

Здесь пришла пора проверки наших с Капой взаимоотношений. Когда мы начинали злиться, то никогда не злились друг на друга, а объединяли свои силы и обрушивались на кого-либо еще. За всю нашу поездку между нами не произошло ни одного серьезного спора, и, я думаю, это был своего рода рекорд. Во время спора Хмарский сказал нам, что мы — релятивисты, и тогда мы, хоть и не совсем понимая, что это такое, совместными силами достаточно успешно атаквали его с позиций релятивизма. Не то чтобы мы его убедили, но по крайней мере мы не сдавались и не уступали, а потому кричали еще громче.

На следующий день нам предстояло лететь в Москву, и ночью Капа совсем не спал. Он переживал и беспокоился из-за того, что ему не удалось сфотографировать то, что хотелось. А все хорошие фотографии, которые он сделал, стали казаться ему никчемными и отвратительными. Определенно Капа был недоволен. И поскольку нам обоим не спалось, мы написали сюжеты для двух кинокартин.

На следующее утро мы сели в наш автобус модели "форд" и очень рано отправились в аэропорт. Злой гном поработал и здесь: из-за какой-то ошибки на этот рейс нам не заказали билетов. Правда, был более поздний рейс из Астрахани, и мы могли лететь на нем.

Самолет из Астрахани не прилетел. Мы пили чай, грызли большие сухари и чувствовали себя ужасно в этом жарком аэропорту. В три часа дня кто-то сказал, что самолет не придет, а если и придет, то не полетит в Москву, поскольку до наступления темноты туда не долетит. Мы влезли в свой автобус и поехали обратно в Сталинград.

Мы проехали уже мили четыре, когда нас нагнала машина из аэропорта и вернула обратно. Вроде бы командир самолета переменил решение. Он полетит сегодня в Москву. Мы развернулись, поспешили в аэропорт и приехали как раз в то время, когда было принято новое решение: командир корабля сегодня самолет не поведет. Мы погрузили наш багаж обратно в автобус и опять поехали по этой ужасной дороге в Сталинград. У нас болело одно место от постоянного подпрыгивания на жестких сиденьях нашего маленького автобуса.

За ужином мы мерзко вели себя по отношению к Хмарскому. Мы взрывались, говорили ему неприятные вещи, только часть которых была правдой. Мы сказали, что он должен все-таки следить за своим злым гномом, который просто помыкает им. Мы критиковали его позицию, его костюм, его галстуки. Мы были очень жестоки к нему, и все из-за того, что нам пришлось просидеть в душном аэропорту весь день.

Г-н Хмарский был расстроен. Я уверен, что он старался изо всех сил, но не мог защититься от наших яростных нападков, от нас двоих, потому что мы выступали против него одного как команда и, когда переставал говорить один, вступал другой. Но когда он ушел спать, нам стало очень стыдно за то, что мы сде-

лали, потому что знали, из-за чего это произошло. Мы отправились спать с ангельским намерением утром извиниться.

Утром мы выехали очень рано, потому что нам надо было еще кое-что сфотографировать на окраинах Сталинграда: снять людей, которые из досок и известки строят себе маленькие домики, посмотреть и сфотографировать новые школы и детские сады. Мы остановились около крошечного домика, который строил себе заводской бухгалтер. Он сам поднимал наверх бревна, сам замешивал известь, а около него в саду играли двое его детей. Это был покладистый человек. Пока мы его снимали, он продолжал строить дом. А потом он принес нам свой альбом с фотографиями, чтобы показать, что он не всегда так жил, что когда-то у него в Сталинграде была квартира. Его альбом был такой же, как и все альбомы в мире. Он был сфотографирован совсем ребенком, юношей, в военной форме, когда был призван в армию, и после демобилизации. Были фотографии его свадьбы, его жены в длинном белом свадебном платье, как они потом отдыхали и плавали в Черном море, и снимки детей, по мере того как они росли. В альбом попали и почтовые открытки, которые ему прислали. Это была целая история его жизни и всего хорошего, что с ним происходило. Все остальное он потерял во время войны.

Мы спросили:

— А как же так случилось, что у вас сохранился фотоальбом?

Он закрыл обложку, погладил рукой летопись всей своей жизни и сказал:

— Мы очень берегли его. Это самая ценная вещь.

Мы сели в автобус и опять поехали на Сталинградский аэродром. Дорога стала нам уже очень знакомой. В аэропорту пассажиры, которые собрались лететь в Москву, помимо своего основного багажа имели авоськи с двумя-тремя арбузами, потому что арбузы в Москве довольно трудно купить, а в Сталинграде они очень хорошие. Мы последовали их примеру — купили авоську и по два арбуза, чтобы угостить наших ребят в гостинице "Метрополь".

Начальник аэропорта очень долго извинялся перед нами за вчерашнюю ошибку. На этот раз он хотел нас осчастливить. Он следил, чтобы нас поили чаем, и даже немножко приврал, чтобы сделать нам приятное, — сказал, что мы полетим на самолете, где будем единственными пассажирами, и что этот самолет скоро прилетит с Черного моря. Произошла цепная реакция — мы набрасывались на Хмарского, а Хмарский — на начальника порта. Все были на грани срыва, и в воздухе витала несправедливость. В аэропорту было душно, а со стороны степи дул жаркий, насыщенный пылью ветер. Это плохо действовало на людей, они нервничали, и мы были так же злы, как и все остальные.

Наконец прилетел наш самолет. Сиденья на нем были ковшеобразными. Мы не были на нем единственными пассажирами — самолет был переполнен. Здесь были в основном грузины, кото-

рые летели в Москву на празднование восьмисотлетия основания города. Они разложили свои пожитки в центре салона и заняли почти все места. Что касается еды, то в этом отношении они очень хорошо подготовились. Их сумки были заполнены продуктами.

Как только мы зашли в салон и двери закрыли, стало нечем дышать, потому что в самолете этой модели не было никакой теплоизоляции и солнце, разогревая металлический корпус, распалило и воздух внутри самолета. Запах был ужасный — пахло людьми, усталыми людьми. Мы сидели на металлических сиденьях, похожих на подносы в кафетерии и столь же пригодных для сидения.

Наконец самолет взлетел, и, как только это произошло, мужчина рядом со мной открыл свою сумку, отрезал полфунта уже начавшей таять копченой свинины и стал жевать ее, не замечая, как по подбородку течет жир. Он был славным человеком с веселыми глазами и даже предложил мне кусочек, но в тот момент мне почему-то не захотелось есть.

Самолет раскалился, но, как только мы набрали высоту, все изменилось. Только что самолет был в испарине — и вот на нем уже корка льда. Мы начали потихоньку замерзать. Этот полет обратно в Москву был ужасен, потому что одеты мы были очень легко, а несчастные грузины и вовсе сидели, прижавшись друг к другу, ведь они жили в тропиках, где редко бывают морозы.

Хмарский съезжился в уголочке. Нам казалось, он начал ненавидеть нас и мечтает только о том, чтобы добраться до Москвы и избавиться от нас. Замерзая, мы летели четыре жутких часа, пока наконец не приземлились в Москве. Но злой гном Хмарского не расставался с ним. Телеграммы, что Хмарский послал по поводу машины, которая должна была встретить нас, неправильно поняли, и никакой машины не оказалось. Ждать, пока ее пришлют из города, пришлось бы два часа. Но тут появился грек. Греки почему-то всегда возникают в трудные моменты, в любом месте земного шара. Этот грек, хоть за большие деньги, брался устроить нам машину, и мы в конце концов прибыли в "Савой".

Мы беседовали о том, как лидерам социалистического или коммунистического режима должна опротиветь живучесть капитализма. Только его прижмешь в одном месте, он тут же вылезает в другом. Есть такой червяк: если его разрезать пополам, он продолжает жить, и каждая половинка становится отдельной особью. Маленькие островки капитализма возникали в Москве повсеместно: спекулянты с черного рынка, шоферы, которые возят "леваков" на машинах своих хозяев, и обязательный грек, который всегда возникает, когда нужно что-то продать или купить. А где есть грек, там обязательно будет капитализм. Поездка до Москвы обошлась нам в триста рублей. Грек прекрасно знал, сколько с нас можно содрать за машину. У меня нет никакого сомнения в том, что он быстренько оценил наши финансовые возможности, степень нашей усталости и раздражения

и установил бешеную цену — триста рублей, а мы заплатили.

Мы страстно жаждали помыться — в Сталинграде ванны не было, мы только обтирались — и сейчас мечтали о горячей воде и мыле. Статуя Крейзи Эллы встретила нас, как добрых друзей, мы чуть не кинулись в объятия чучелу медведя на втором этаже. Теперь он совершенно не казался нам агрессивным. А наша ванна, которая качалась на трех ногах, была прекраснейшим предметом роскоши. С нашей новоявленной страстью к чистоте мы соскребли с себя два или три слоя кожи, а Капа все намыливал и намыливал шампунем голову. У него замечательные волосы — очень густые и черные, но поскольку я еще не совсем отошел, то, когда он выбрался из ванны, вымыв голову в третий раз, я обронил мимоходом, что он начал лысеть на макушке, — а это так обидно. Капа даже подпрыгнул, но потом стал наскакивать на меня и доказывать, что не лысеет. Я взял Капу за палец и приложил к его голове, чтобы убедить, что небольшая лысинка там есть. Это было жестоко с моей стороны, потому что я приложил его палец к тому месту, которое он не мог как следует рассмотреть в зеркало. И долгое время он, как бы невзначай, прощупывал пальцами свою макушку. А ведь сделал я это только потому, что у меня было плохое настроение.

Позже пришел Суит Джо, мы проглотили легкий ужин, легли спать и заснули мертвецким сном. Здоровый и свежий московский воздух располагал ко сну, и проспали мы много часов.

Наконец-то пришла почта; в России к тому времени мы провели только двадцать пять дней, но нам казалось, что мы уже годы отрезаны от мира. Мы жадно набросились на письма. И хотя у нас было ощущение, будто нас жутко долго не было дома, те, кто ответил на наши письма, явно этого не находили. Мы были просто шокированы. Мы собрали свое оборудование, отдали в стирку белье, а Капа привел в порядок пленки и отослал их проявлять.

Взглянув на присланные негативы, Капа начал ругаться на чем свет стоит. Я должен был это предвидеть. Съемка вышла не так. И вообще все было не так. То зернистость, то передержка, то недодержка. Капа был вне себя. И поскольку я повел себя довольно жестоко по отношению к нему, я теперь постарался убедить его, что это самые замечательные снимки, которые я когда-либо видел. Капа только ощерился в ответ. Мучимый совестью, я привел в порядок все его вещи, не относящиеся к фотоделу: заправил его зажигалку, заточил карандаши, заправил чернилами ручку.

У Капы есть очень любопытное качество. Например, он мог купить зажигалку, но, как только в ней кончалось горючее, Капа никогда больше к ней не притрагивался. Та же участь ждала и авторучки, когда в них кончались чернила. Карандашом Капа писал до тех пор, пока он был отточен, а если грифель ломался, карандаш откладывался в сторону, а взамен покупался другой. Капа никогда не точил карандаши. Я вставлял кремни и заправлял его

зажигалки, точил все его карандаши, заполнял чернилами ручку и готовил Капу к тому, чтобы он вновь мог общаться с внешним миром.

До нашего отъезда в Россию мы не знали, какие вещи нам будут нужны в поездке в первую очередь, поэтому во Франции мы купили замечательный складной ножик, в котором был набор всевозможных лезвий на все случаи жизни, как материальной, так и духовной. Были там ножницы, напильники, шило, пилки, открывалки для консервов, открывалки для пива, штопоры, приспособления для удаления камня из лошадиного копыта, столовые приборы, лезвие, которым можно было убить, отвертка, стамеска. Этим ножом можно и часы исправить, и Панамский канал отремонтировать. Такого прекрасного ножа никому еще не приходилось видеть, но за те два месяца, что он у нас был, мы только и знали, что резать им колбасу. Хотя надо признать, что колбасу он резал замечательно.

Мы отправились в корпункт "Геральд трибюн" и стали жадно читать новости и телеграммы, пришедшие за последние две недели. Прочитали официальное заявление посольства и сообщения Британской информационной службы. Мы даже речи прочитали. А Капа шнырял по номерам иностранных корреспондентов в гостинице "Метрополь" и воровал книги направо и налево.

Мы даже сходили на коктейль, устроенный пресс-отделом британского посольства, хотя приглашение нам выдали с большой неохотой. Мы плохо себя вели. Мы просили, канючили, стреляли у знакомых сигареты, а потом давали невероятные обещания относительно количества блоков сигарет, которые пришлем, как только попадем домой. Каждый из нас принимал ванну по три раза на день, и мы смыли все наше мыло, а потом выпрашивали его у других корреспондентов.

Законная жалоба

От Роберта Капы

Я очень несчастный человек. Десять лет назад, когда я стал зарабатывать на жизнь фотографированием людей, которых бомбили самолеты с маленькими свастиками на крыльях, я увидел несколько небольших самолетов с маленькими красными звездами, сбивающих тех, со свастиками. Это было в Мадриде во время гражданской войны, и тогда я был счастлив. И вот я решил, что когда-нибудь поеду туда, откуда прилетели эти курносые самолеты и их пилоты. Я хотел приехать в Советский Союз и пофотографировать. И тогда я впервые подал заявление. В течение этих десяти лет мои русские друзья часто вызывали раздражение и были просто невозможны, но когда разгорелась большая война, то мы с ними оказались по одну сторону, и я снова стал проситься к ним. Но ни на одно заявление я ответа не получил.

Прошлой весной русские умудрились так разозлить наших, что дело чуть не закончилось перестрелкой, на сей раз уже между нами. Летящие тарелки и атомные бомбы очень нефотогеничны, поэтому, пока не поздно, я решил обратиться к ним еще раз. На этот раз я нашел поддержку со стороны человека с хорошей репутацией, сильной жадой и мягким сочувствием к неунывающему неудачнику. Его зовут Джон Стейнбек, и готовился он к нашей поездке довольно оригинальным способом. Во-первых, он сказал русским, что было бы большой ошибкой считать его столпом мирового пролетариата, он скорее представитель западного калифорнийского декадентства, западнее которого и быть не может. И еще он твердо решил писать одну только правду, а когда его вежливо спросили, какую именно правду он имеет в виду, ответ был:

— А этого я не знаю.

После такого многообещающего начала он выпрыгнул из окна и повредил себе колено.

Но это было несколько месяцев назад. Сейчас поздняя ночь, и я сижу посреди ужасно мрачного гостиничного номера, окруженный ста девяносто миллионами русских, четырьмя фотокамерами и парой дюжин проявленных, но больше непроявленных пленок, а также одним спящим Стейнбеком, и счастливым я себя совсем не чувствую. Сто девяносто миллионов русских против меня. У них нет стихийных митингов на улицах, они не занимаются свободной любовью, они не любят ничего нового, они очень правоверны, высоконравственны и трудолюбивы, а для фотографа это так же скучно, как снимать яблочный пирог. Еще им нравится русский образ жизни и не нравится фотографироваться. Все мои четыре фотокамеры, привыкшие к войнам и революциям, испытывают чувство отвращения, и каждый раз, когда я щелкаю ими, с ними обязательно что-нибудь происходит. И еще вместо одного Стейнбека у меня их целых три.

Дни мои тянутся долго, а начинаются с утреннего Стейнбека. Я просыпаюсь, осторожно открываю глаза и вижу, что он сидит за столом. Его большой блокнот открыт, и он делает вид, что работает. На самом деле он ждет, когда я пошевелюсь. Он ужасно голоден. Но утренний Стейнбек очень робок и не в состоянии взять телефонную трубку и сделать хоть малейшую попытку при помощи жестов поговорить с русскими официантками. Мне это надоедает, я встаю и заказываю завтрак по телефону на английском, французском и русском. Это поднимает дух Стейнбека и делает его несколько заносчивым. Он становится похож на деревенского философа, которому переплатили, и изрекает:

— У меня есть к тебе несколько вопросов.

Он, по всей вероятности, все эти три часа борьбы с голодом придумывал свои чертовы вопросы — начиная с того, как вели себя за столом древние греки, и кончая сексуальной жизнью рыб. Я веду себя как подлинный американец, и хотя я могу ответить просто и четко на все эти вопросы, я настаиваю на

соблюдении своих гражданских прав, отказываюсь отвечать и передаю дело в Верховный суд. Но Стейнбек не так-то легко сдается, продолжает хвалиться своей эрудицией, пытается спровоцировать меня, навязывая свою помощь и поучая. Мне приходится ретироваться. Я спасаюсь в ванной и, хотя это место я просто ненавижу, все-таки до завтрака заставляю себя сидеть в холодной ванне с дном, как наждачная бумага. Иногда это занимает довольно много времени. После завтрака приходит подмога. Появляется Хмарский. А у Хмарского нет никаких различий между утренним и вечерним настроением, он одинаково плох в любое время.

Днем я сражаюсь со ста девяноста миллионами людей, которые не хотят фотографироваться, с 2-м Хмарским, который презирует фотографирование, и с утренним Стейнбеком, который так чертовски наивен, что на любой вопрос, который ему задает любопытное и героическое русское население, он дружелюбно ухмыляется в ответ:

— А этого я не знаю.

И после столь важного заявления у него уже не остается сил, он замыкается в себе, и на его крупном, как у Сирано, носу выступают большие капли пота. Вместо того чтобы фотографировать, мне приходится превращать странное молчание 2-на Стейнбека в умные и пространные фразы, и мы кое-как заканчиваем день, отделяемся от Хмарского и возвращаемся к себе.

После короткого умственного стриптиза вступает в действие вечерний Стейнбек. Это новый человек, который прекрасно может набрать номер и произнести такие слова, как, например, водка или пиво, понятные даже самому тупому официанту. После принятия некоторого количества жидкости он делается оживлен, многословен и на все имеет разные, но вполне определенные взгляды. Это продолжается до тех пор, пока мы не встречаемся с американцами, у которых приятные жены, а также сигары и настоящие американские напитки, и, несмотря на все это, они не отказываются от нашего общества. К этому времени Стейнбека можно назвать довольно веселым человеком. Если на вечеринке присутствует хорошенькая девушка, он готов оборонять меня и усесться между мной и ею. Сейчас он уже способен разговаривать с другими людьми, и, если я пытаюсь спасти невинную девушку, пригласив ее на танец, сломанная нога не мешает ему немедленно разбить нас.

После полуночи его простодушие обретает силу. Это он демонстрирует при помощи одного пальца. Он спрашивает наивных мужей, знают ли они что-либо об игре в пальцы. Два джентльмена садятся за стол лицом друг к другу, твердо ставя на скатерть локоть и зажимая друг друга за средний палец. Обычно после некоторых усилий 2-н Стейнбек прижимает палец мужа к скатерти, а потом долго и многословно извиняется. Иногда поздно ночью он начинает пробовать силу на ком придется. А однажды он даже сыграл с русским, которого все, кроме него,

считали генералом.

После долгих уговоров и длинного доклада о чувстве собственного достоинства мы отправляемся домой. Уже часа три утра, не меньше. Вечерний Стейнбек принимает свою ночную ипостась. Он лежит на кровати, твердо держит в руках толстый том "Витязя в тигровой шкуре". Его лицо полностью расслаблено, рот открыт, он тихонько, не стесняясь и не сдерживая себя, похрапывает.

К счастью, я взял почитать у Эда Гилмора детективный роман, так как знал, что не смогу заснуть и что придется читать до утра.

Я покидаю вас, милые американские читатели, а русских читателей должен заверить, что, что бы о нас ни написал в "Правде" г-н Хмарский, это будет чистой правдой.

Конец жалобы.

Глава 7

.....

Где бы мы ни были — в России, в Москве, на Украине, в Сталинграде, магическое слово "Грузия" возникало постоянно. Люди, которые ни разу там не были и которые, возможно, и не смогли бы туда поехать, говорили о Грузии с восхищением и страстным желанием туда попасть. Они говорили о грузинах как о суперменах, как о знаменитых выпивохах, известных танцорах, прекрасных музыкантах, рабочих и любовниках. И говорили они об этом месте на Кавказе у Черного моря просто как о втором рае. Мы стали верить, что большинство русских надеются, что если они проживут всю жизнь в честности и добродетели, то, когда умрут, попадут не в рай, а в Грузию — с прекрасным климатом, богатой землей и маленьким собственным океанчиком. Заслуги перед государством иногда награждаются поездкой в Грузию. Сюда едут, чтобы восстановить силы после долгой болезни. И даже во время войны это было благословенным местом: сюда не добрались немцы, не долетели их самолеты, не дошли их войска. Это был один из районов, совсем не тронутых войной.

И, как всегда, рано утром мы поехали в московский аэропорт и просидели полтора часа в депутатской комнате, попивая чай под портретом Сталина. И как обычно, накануне отъезда у нас была вечеринка и мы практически не спали. Мы сели в самолет и спали, пока не приземлились в Ростове. Летное поле и аэродром были сильно разбиты, и теперь их восстанавливали военнопленные. Вдали был виден разрушенный город, принявший на себя во время войны такой удар.

А потом мы очень долго летели над бескрайней равниной, пока вдали наконец не увидели горы. Это были великолепные

горы. Мы набрали высоту и полетели очень высоко над Кавказом. Мы видели пики гор и острые гребни, а между ними — реки и древние селения. Некоторые вершины гор оставались снежными даже летом. Мы так уже насмотрелись на совершенно плоские долины, что снова увидеть горы было очень приятно.

Мы взлетели очень высоко и вдаль увидели Черное море. А потом самолет снизился и полетел над берегом. Земля была очень красивой. К самому морю спускались зеленые холмы, на которых росли прекрасные деревья, черные кипарисы, — все было закрыто листвой. Среди холмов виднелись селения, большие дома и больницы. Это место можно было принять за Калифорнию, с той лишь разницей, что Черное море не такое буйное и беспокойное, как Тихий океан, а берег не такой каменистый. Море очень синее, очень спокойное, а пляжи очень белые.

Наш самолет долгое время летел вдоль берега. В конце концов он приземлился в Сухуми, на длинной полосе подстриженной травы у самого моря. Трава была очень зеленой, а аэропорт был обсажен эвкалиптами — первыми, которые мы увидели в России. Архитектура была восточная, и повсюду росли цветы и цветущие деревья. Перед маленьким аэропортом в ряд сидели женщины и продавали фрукты: виноград, дыни, инжир, прекрасного цвета персики и арбузы. Мы купили винограда, персиков и инжира. Пассажиры самолета набросились на фрукты, потому что прилетели они с севера, где фруктов было недостаточно. Они переели, и позже многим стало плохо из-за того, что их желудки и организмы просто не были привычными к фруктам, — вот к чему привело злоупотребление.

Мы должны были лететь в Тифлис* через двадцать минут, но экипаж самолета решил иначе. Летчики взяли машину и поехали купаться в море; так они отсутствовали два часа, пока мы бродили по садам аэропорта. Мы бы тоже с удовольствием искупались, но не могли этого сделать, потому что не знали, что самолет через двадцать минут не полетит. Воздух был теплым, влажным и солоноватым, а растительность густой, зеленой и пышной. Это был настоящий тропический сад.

Эти грузины совершенно не похожи на русских. Они смуглые, очень напоминают цыган, со сверкающими зубами, с длинными, хорошо сформированными носами и черными курчавыми волосами. Почти все мужчины усаты и внешне даже красивее женщин. Они худощавы и энергичны, у них черные горящие глаза. Мы читали и нам говорили, что грузины — древний народ, их предки жили в долине Евфрата во времена, когда Вавилон еще не был городом; что они — потомки шумеров и одно из древнейших ныне существующих племен в мире**. Они пылкие,

* Официальное название города Тбилиси 1845 — 1936 гг.

** Грузины — потомки племен, населявших с древнейших времен в основном ту же территорию, занимает Грузинская ССР; принадлежат к хетто-иберийской группе народов, в частности к ее иберийско-кавказской ветви.

гордые, горячие и веселые, и все другие народы России восхищаются ими. Они всегда говорят о своей силе, жизнеспособности и мужских талантах — они прекрасные наездники и хорошие бойцы. И еще грузинские мужчины пользуются большим успехом у русских женщин.

Это поэтичный, музыкальный и танцующий народ и, по традиционному мнению, пылкие любовники. Без сомнения, они живут на земле, благословенной природой, за которую они, совершенно очевидно, вынуждены были сражаться на протяжении двух тысячелетий.

Около двух часов дня возвратился экипаж самолета. Волосы летчиков не обсохли после купания в Черном море. Как бы мы хотели искупаться с ними, смыть с себя пот. Было очень жарко, и некоторые из пассажиров уже почувствовали последствия от переедания фруктов. Некоторым детям было плохо.

Мы стартовали снова и полетели низко над морем, а потом стали набирать высоту и полетели над горами, такими же мрачными, коричневыми горами, как в Калифорнии. Глубоко в ущельях видны были небольшие горные речки, а на их зеленых берегах можно было различить селения. Горы казались здесь суровыми и угрожающими, они ослепляюще отражали свет. Затем мы полетели через перевал, горные вершины оказались почти рядом с нами, вышли наконец в долину Тифлиса.

Это огромная и сухая долина и похожа на Нью-Мехико. Когда мы приземлились, воздух был жарким и сухим, ведь мы находились уже далеко от моря, но жара была приятной, во всяком случае никакого дискомфорта мы не почувствовали. Эта огромная плоская равнина, окруженная громадными горами, казалось, была попросту изолирована от свежего воздуха.

Мы совершили посадку на большом аэродроме. Здесь стояло много самолетов — в основном русские истребители. Как только два приземлились, два других самолета взмыли в воздух. Скорее всего они патрулировали расположенную недалеко отсюда турецкую границу.

К западу, на высоком горном гребне, выступала древняя мощная крепость, черная на фоне неба, с зубчатыми башнями.

Хмарский снова был с нами. Мы заключили перемирие: стали лучше к нему относиться, и он стал к нам добрее, чем в Сталинграде. Он тоже никогда не бывал в Грузии.

На аэродроме нас встретили представители отделения ВОКСа. Они приехали на отличной большой машине и вообще оказались очень приятными людьми. Мы поехали по плоской сухой долине по направлению к горному перевалу. В районе этого перевала и находится Тифлис — красивый город, на протяжении многих столетий расположенный на главном торговом пути с юга на север. На скалах по обе стороны дороги то и дело попадаются древние укрепления, и даже над самим городом возвышается крепость на скале. На другой стороне равнины также стоит крепость, ведь через этот узкий перевал в горах проходили персы,

иранцы и иракцы с юга, татары и другие захватчики с севера. И в этом узком месте часто возникали бои, поэтому и были построены защитные сооружения.

Часть города очень старая, и через ущелье течет река с крутым скалистым берегом по одну сторону. На высоких скалах теснятся древние дома. Это и на самом деле древний город, потому что если Москва в этом году отмечает свое восьмисотлетие, то Тифлису в следующем году исполнится тысяча пятьсот лет. Но это новая столица, а старая находится в тридцати километрах вниз по реке.

Улицы Тифлиса широкие и тенистые, и многие здания очень современные. Со всех сторон вверх на холм ведут улицы. А на вершине холма, к западу, расположены парк, игровые площадки и фуникулер, ведущий на самый верх холма, гигантский парк с большим рестораном, из которого на много миль вдаль просматривается долина. А в центре города, на скале, стоит полуразвалившаяся мрачная крепость с огромными круглыми башнями и высокими зубчатыми стенами.

В самом городе и на скалах находится много старинных церквей, ведь христианство пришло к грузинам еще в четвертом веке, и многие ныне действующие церкви были построены еще в те времена. Это город древних легенд и древних призраков. Существует предание о том, как мусульманский царь Ирана приказал своим воинам загнать захваченных жителей Тифлиса на мост через реку, поставил там икону богоматери и сказал, что отпустит только тех, кто плюнет на икону. А тем, кто откажется, отрубят голову. Согласно преданию, тысячи голов полетели в реку в тот день.

Жители Тифлиса лучше одеты, лучше выглядят и кажутся более раскованными, чем люди, которых мы видели в России. Улицы кажутся веселыми и яркими. Люди красиво одеты, а женщины покрывают головы цветными платками.

Это невероятно чистый город. Первый чистый восточный город, который я видел. В реке, пересекающей центр города, купаются сотни мальчишек. Здесь нет следов разрушений, видны лишь те, что произвело время.

У тифлисского ВОКСа очень большое и хорошо организованное отделение. Ведь Тифлис — туристский город, а ВОКС имеет дело не только с иностранцами, но и с теми, кто приезжает сюда из других республик Советского Союза. Нас пригласили в ВОКС — исключительно внушительное здание и, несмотря на поздний час, угостили прекрасными пирожными и замечательным грузинским вином — у наших хозяев было желание выпить и поговорить с нами. Но мы ужасно устали. Мы пообещали, что позже обязательно расскажем все, что их интересует, а сейчас нам необходимо поспать.

Злой гном г-на Хмарского практически бездействовал во время нашего пребывания в Грузии, и это заставляло нас относиться к нему лучше, а он в свою очередь лучше относился к нам.

В гостинице "Интурист" нам дали две большие комнаты. Они выходили на улицу, а окна были с трех сторон комнаты, поэтому в помещении чувствовался легкий сквознячок. Это было очень приятно. Существовала лишь одна трудность: мы не могли позавтракать вовремя. За все то время, что мы там пробыли, нам ни разу не удалось получить завтрак пораньше. Его приносили, когда хотели.

Мы вставали очень рано, чтобы увидеть как можно больше, потому что город просто очаровал нас. И как обычно, наш водитель оказался прекрасным человеком, бывшим кавалеристом, а кроме всего прочего у него был джип. Джип обычно выявляет не лучшие качества в людях — в кавалеристе он выявил ковбоя.

Джип ему нравился именно потому, что мог взбираться на крутые холмы, делать резкие повороты и перепрыгивать через канавы. Он с ходу въезжал в речку, разбрызгивая воду, и выезжал на другом берегу. Шофер гонял как сумасшедший и никого не боялся. Снова и снова разъяренные водители в потоке машин оттесняли его к обочине, где обменивались резкими фразами на грузинском языке, но наш только улыбался и включал скорость. Он побеждал в любой стычке. Мы любили его. Это был первый человек, которого мы встретили в России, с таким же отношением к полицейским, как и у нас. Когда он вел машину, его черные кудри гривой развевались на ветру. Он не любил останавливаться.

Он загнал ревущий джип на холм, в самую древнюю часть города, где сохранились старые грузинские деревянные дома. У них необычная архитектура: дома обычно в два-три этажа с большими открытыми балконами, а на стенах экзотичная роспись и резьба.

Мы забрались на гребень холма к старой крепости с круглыми башнями и высокими толстыми стенами; по всей вероятности, такая крепость абсолютно неприступна, разве что пушками ее возьмешь, поскольку без помощи артиллерии атаковать ее просто невозможно.

Мы прошли по красивому городскому саду с тропическими растениями, с цветущими деревьями, среди которых были довольно редкие виды, и многие мы раньше не встречали. Здесь было прохладно. У сада протекала небольшая речка.

Мы не чувствовали себя чужими в Тифлисе, поскольку Тифлис принимает многих посетителей и привык к иностранцам, поэтому здесь мы выделялись не так, как в Киеве, и чувствовали себя почти как дома.

В Тифлисе много церквей, и это был, да остается и сейчас, город, где уживаются разные религии: здесь есть древние синагоги и мусульманские мечети, и ничто из этого никогда не было разрушено.

Высоко на холме, над городом, стоит церковь Давида, простая и красивая, построенная, если мне не изменяет память, в седьмом веке. Шофер подвез нас на своем джипе насколько

можно ближе к ней, а остальной путь мы карабкались в гору. Много людей поднималось по вихляющей тропинке, которая вела к церкви, многие шли молиться.

Грузинский народ очень почитает древнюю церковь, в церковном дворе похоронены великие грузинские писатели и композиторы. Здесь, под совсем простым камнем, покоится мать Сталина. Старик и три пожилые женщины сидели на краю могилы одного композитора и пели древние литании, тихую таинственную музыку.

В церкви шла служба, тоже сопровождаемая пением. Люди вереницей поднимались вверх, и, входя с тропинки в церковный дворик, каждый становился на колени и целовал угол церкви.

Это было уединенное и умиротворенное место, а далеко внизу виднелся город под черепичными крышами. Мы могли разглядеть Ботанический сад, заложенный еще царицей Тамарой, легендарной царицей, жившей в двенадцатом веке, благодаря которой город был овеян героической славой. Царица Тамара была прекрасна, добра и сильна. Она умела управлять государством и строить. Она строила крепости, покровительствовала поэтам и способствовала объединению музыкантов — одна из сказочных королев мира, таких, как Елизавета, Екатерина Арагонская или Элеонора Аквитанская.

Когда мы спустились от церкви Давида, гулко зазвонили соборные колокола, и мы вошли внутрь. Это была восточная богатая церковь с сильно почерневшими от ладана и времени росписями. Здесь толпился народ. Службу вел седовласый старик в золотом венце, он был так красив, что казался нереальным. Этот старый человек называется католикосом, он глава грузинской церкви: одеяние его пышно заткано золотом. Служба шла величественно, а звучание большого хора было несравненным. Дым от ладана поднимался к высокому потолку церкви, и сквозь него просвечивало солнце.

Капа без конца снимал. Любопытно было наблюдать, как он бесшумно двигался и незаметно фотографировал. Потом он забрался на хоры и снимал уже оттуда.

Сейчас я не стану рассказывать обо всех музеях, которые мы посещали, а посещали мы их везде. Как сказал Капа, музей — это церковь современной России, и отказаться осмотреть музей по идее то же самое, что отказаться сходить в церковь. Все музеи более или менее похожи друг на друга. В одном разделе музея рассказывалось о прошлом России до революции, а по меньшей мере половина музея посвящена послереволюционной России, со всеми ее достижениями, знатными людьми, гигантскими картинами героев и революционными сценами.

В Тифлисе два музея. Один — музей города, расположенный на хребте. Здесь находятся прекрасные макеты древних домов и планы старого города. Но интереснее всего в музее оказался его хранитель, человек, который должен бы быть актером: он кричал, принимал позы, произносил речи, был очень театрален, он

рыдал и в голос смеялся. Когда он кричал, ему очень удавался широкий взмах правой рукой назад, а кричал он, конечно же на грузинском языке, о славе древнего города. Он говорил так быстро, что перевести его было невозможно, да это и в любом случае было немыслимо, потому что Хмарский не знал грузинского. Из этого музея мы вышли оглушенные, но счастливые.

У дороги, ведущей к этому музею, возвышается, вероятно, одна из самых больших и эффектных статуй Сталина в Советском Союзе. Это гигантский монумент высотой, наверное, в несколько сот футов, и его контуры повторяются в неоне. И хотя эта система сейчас сломана, говорят, что, когда она работала, изображение было видно за двадцать восемь миль.

Нам так много всего нужно было посмотреть, и оставалось так мало времени, чтобы все увидеть, что казалось, будто мы куда-то все время спешим.

Днем мы пошли на футбольный матч между командами Тифлиса и Киева. Это был прекрасный, быстрый и яростный футбол на огромном стадионе. Зрителей было по меньшей мере тысяч сорок, и толпа реагировала очень эмоционально, потому что игры между клубами пользуются громадной популярностью. Хотя игра была жесткой и быстрой, а соперничество — яростным, ни стычек, ни драк не возникло. За весь матч произошел лишь один маленький спор. Матч завершился со счетом два — два, и, как только игра окончилась, выпустили двух голубей. В Грузии в старые времена после любых состязаний, даже после драк, в случае победы выпускали белого голубя, в случае поражения — черного. Эти голуби несли весть в другие города Грузии. А в этот день, поскольку сыграли вничью, выпустили и черного, и белого голубя, и они полетели прочь от стадиона.

Футбол — самый популярный вид спорта в Советском Союзе, и футбольные встречи между клубами вызывают больше волнений и эмоций, чем любое другое спортивное событие. Во время нашего пребывания в России по-настоящему жаркие споры разгорались только в одном случае: когда дело касалось футбола.

Мы объездили тифлисские универмаги: в них было полно народа. С товаром на полках было относительно нормально, но цены, в особенности на одежду, были очень высоки: хлопчатобумажные рубашки — шестьдесят пять рублей, резиновые галоши — триста рублей, портативная пишущая машинка — три тысячи рублей.

Целый день мы провели, бродя по городу. В парке мы видели очаровательную детскую железную дорогу. Это был настоящий маленький поезд, а машинист, стрелочник, начальник станции, кочегар — все были детьми. Каждый получил свою должность, пройдя по конкурсу, и они управляли поездом, катая и детей, и взрослых. Мы поехали на нем вместе с детской делегацией из Узбекистана, приехавшей на каникулы. Маленький мальчик-машинист был очень рад. На станции было все необходимое для

железной дороги, только меньшего размера. А дети очень серьезно относились к своим обязанностям. Работать на детской железной дороге — большая честь для тифлисского ребенка, и они упорно добиваются этого.

Грузинская кухня знаменита во всем Советском Союзе, но в нашей гостинице об этом было почти ничего не известно. Мы немножко устали от меню, которое почти постоянно состояло из шашлыка и нарезанных помидоров. В тот вечер Хмарский, Капа и я решили провести эксперимент с другим рестораном. Мы пошли в гостиницу "Тифлис", где обеденный зал напоминает размерами неф в соборе. Мраморные колонны подпирали крышу, оркестр играл плохо и громко, а еды не было вообще никакой. Вместо шашлыка нам дали маленькие кусочки жареного мяса и нарезанные помидоры.

Пока мы ели, к нам подошел официант и сказал:

— Одна дама хотела бы потанцевать с кем-нибудь из вас, джентльмены.

Хмарский перевел нам это и неодобрительно взглянул на официанта. Он сказал:

— Скорее всего это падшая женщина.

Мы сказали:

— Ну и что из того, что падшая? Она красивая?

Хмарский скорчил гримасу. Он единственный за столом мог видеть ее.

— Нет, — ответил он. — Очень некрасивая.

Мы сказали:

— Мы думаем, что ее надо упразднить. Мы считаем, что это социальное зло. Нам кажется, что некрасивая падшая женщина представляет угрозу самой социальной структуре, угрозу дому, безопасности, материнской любви и тому подобное.

И Хмарский уныло кивнул, согласившись с нами. Это был практически первый случай, когда мы достигли с ним какого-то соглашения.

Мы сказали:

— С другой стороны, если бы она была красива, то были бы смягчающие вину обстоятельства. Может, это результат социальной несправедливости. Если бы она была красивой, мы бы посоветовали изучить ее прошлое, чтобы узнать, какие общественные трудности заставили ее стать публичной женщиной, и, возможно, постараться убедить ее вернуться к честному предпринимательству.

Хмарский стал смотреть на нас подозрительным, пытливым взором. Он не слишком нам доверял.

Но мы все же исподтишка взглянули на нее. Хмарский оказался прав: она не была красивой, и мы так и не узнали, упразднили ее или нет.

В Тифлисе стояли прекрасные летние ночи; воздух мягкий, легкий и сухой. Молодые люди и девушки шатались по улицам, наслаждаясь погодой. И костюмы на молодых людях были

вполне приличными: кители, иногда из тяжелого белого шелка, подпоясанные ремнем, узкие длинные брюки и мягкие черные ботинки. Грузинские мужчины — очень красивое племя.

С высоких балконов старых домов слышалось в ночи тихое пение, странная музыка под аккомпанемент какого-то щипкового инструмента, который походил на мандолину, и иногда флейты, звучащей в темноте улицы.

Грузины показались нам более спокойными, чем другие, кто нам встречался, — спокойными, горячими и веселыми. Вероятно, именно поэтому русские так восхищаются грузинами. Скорее всего они сами хотели бы быть такими.

Над западными горами стояла огромная луна, и от этого город казался более таинственным и старым, а большая черная крепость на хребте выделялась под лунным светом. И если хоть где-то в мире существуют привидения, то они должны быть именно здесь, а если есть дух царицы Тамары, то этой ночью он должен был бродить, освещаемый луною, по горному хребту.

Глава 8

.....

Тифлисский Союз писателей пригласил нас на небольшой прием. Надо сознаться, мы были немного напуганы, потому что подобные собрания обычно превращаются в нечто крайне литературное, а мы люди не совсем того круга. Кроме того, мы знали, что грузины очень серьезно относятся к своей литературе: их поэзия и музыка значительно обогатили мировую культуру, и притом поэзия их очень древняя. Стихи читают все, а не просто отдельные люди. В местах захоронения на холме мы видели, что их поэты похоронены наравне с царями, но во многих случаях поэта помнят, а царя забывают. А один древний поэт, Руставели, написавший великую эпическую поэму под названием "Витязь в тигровой шкуре", почитается в Грузии как национальный герой, и его стихи читают и знают наизусть даже дети, а изображения его можно видеть повсюду.

Мы боялись, что встреча с писателями будет для нас довольно утомительной, но все же пошли. Нас принимали человек двадцать мужчин и три женщины. Мы сидели на стульях по кругу в большой комнате и смотрели друг на друга. Сначала была приветственная речь в нашу честь, а потом безо всякого перехода говоривший сказал:

— А теперь господин Такой-то кратко расскажет вам о грузинской литературе.

Сидевший справа от меня человек достал стопку страниц, и я увидел, что текст отпечатан на машинке в один интервал. Он стал читать, а я ждал перевода. После того как он прочитал абзац, я вдруг понял, что он говорит по-английски. Мне было очень интересно, потому что я понимал одно слово из десяти. У него

было любопытное произношение: хотя слова были совершенно английскими, в его исполнении они звучали совсем не по-английски. Так он прочитал двадцать машинописных страниц.

Позже я взял рукопись и сам ее просмотрел, это было четкое, компактное изложение истории грузинской литературы с самых ранних времен до нашего времени.

Поскольку большинство людей в комнате по-английски не говорили совсем, они сидели и благостно улыбались, ведь им казалось, что их коллега читал на превосходном английском. Когда он закончил, мужчина, который первым произносил речь, спросил:

— Есть ли у вас вопросы теперь?

И поскольку я очень мало понял из того, что говорили, мне пришлось признать, что никаких вопросов я не имею.

В комнате было довольно жарко, а у нас с Капой болели животы, поэтому мы чувствовали себя не в своей тарелке.

Вот поднялась женщина, которая тоже держала пачку бумаг, и сказала:

— А сейчас я прочитаю вам переводы на английский язык некоторых грузинских стихов.

У нее был хороший английский, но, поскольку у меня болел живот, я запротестовал. Я сказал ей, что, кстати, является правдой, что предпочитаю читать стихи сам, поскольку так лучше их воспринимаю, и стал умолять ее оставить мне стихи, чтобы потом я смог их прочитать и оценить по достоинству. Боюсь, что это обидело ее, но надеюсь, что нет. Это было правдой, и я чувствовал себя ужасно. Она была несколько резковата. Она сказала, что это единственный экземпляр и что она не желает с ним расставаться.

И снова, как и прежде, начались вопросы об американской литературе. И как обычно, мы чувствовали себя ужасно неподготовленными. Если бы перед отъездом из Америки мы знали заранее, что нам будут задавать такие вопросы, то мы бы немножко подучились. Нас спросили о новых, начинающих писателях, и мы пробурчали что-то о Джоне Херси и Джоне Хорне Берксе, написавшем "Галерею", о Билле Молдине, который вроде бы вырисовывается как романист. В этих вещах мы были абсолютными профанами, но это объяснялось тем, что мы мало что читали из современной художественной литературы. Потом один из мужчин спросил нас, кого из грузин знают в Америке. Единственно кого мы могли вспомнить кроме хореографа Джорджа Баланчина, были три брата, женившиеся на американках, состояние которых исчисляется миллионами. Фамилия Мдивани, казалось, не вызвала слишком большого энтузиазма среди современных грузинских писателей.

Они очень строги, эти грузинские писатели, и очень трудно объяснить им, что, хотя Сталин и считает писателя инженером человеческих душ, в Америке писатель не считается инженером чего бы то ни было, его вообще еле терпят, и, после того как он

умирает, работы его тихонечко откладывают, чтобы они полежали еще лет двадцать пять.

Ни в чем другом так не проявляется разница между американцами и советскими людьми, как в их отношении не только к писателям, но и писателей — к своей системе. Ведь в Советском Союзе работа писателя заключается в том, чтобы поддерживать, прославлять, объяснять и способствовать продвижению вперед советской системы. А в Америке и в Англии хороший писатель является хулителем общества. Его задача — высмеивать общественную глупость, вести наступление на несправедливость, клеймить ошибки общества. По этой причине в Америке ни общество, ни правительство не очень-то к писателям благоволят. У них совершенно противоположный подход к литературе. Но следует сказать, что во времена великих русских писателей — Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова и раннего Горького — это относилось и к России. И только время способно показать, может ли политика "инженеров человеческих душ" в отношении писателей дать такую же великую литературу, как и политика хулителей. Пока что надо признать, что инженерная школа не дала большой литературы.

К тому времени, как закончилась наша встреча с писателями, в комнате было уже очень жарко, и мы пожимали всем руки, вытирая между рукопожатиями ладони о брюки, потому что с нас лил пот.

Был один вопрос, который нам задавали и о котором мы хотели поразмыслить позже: "Любят ли американцы поэзию?"

Нам пришлось ответить, что единственным показателем отношения американцев к тому или иному виду литературы служит то, как расходятся книги. И что характерно, поэзию не очень раскупают. Поэтому мы должны были ответить, что, по всей вероятности, американцы не любят поэзию.

Тогда нас спросили:

— Это потому, что американские поэты далеки от народа?

Но это тоже неверно, поскольку американские поэты так же близки к народу, как и американские романисты. Уолт Уитмен и Карл Сэндберг совсем не далеки от народа, просто народ не очень читает стихи. И мы не думаем, что имеет большое значение, любят американцы поэзию или нет. Но для грузин, чья любовь к поэзии традиционна, отсутствие ее является почти преступлением.

Каким бы древним ни был Тифлис, это столица новая. Полторы тысячи лет назад центр власти находился в тридцати километрах севернее, и днем мы сели в джип, и водитель-кавалерист нас туда повез. Дорога была хорошая, щебневая, переполненная маленькими повозками, которые тянули ослы, армейскими грузовиками и трофейными мотоциклами с коляской. Со всех сторон на холмах стояли крепости и старинные церкви, добраться до которых было практически невозможно. Чувство древности, охватившее нас, ощущалось в этих проходах, которые в течение трех тысяч лет охранялись от нападений. Дорога шла вдоль

реки, на которой находились две гидроэлектростанции, но, когда Капа захотел их сфотографировать, последовал незамедлительный запрет. Прямо над плотиной мы проехали по мосту, который был построен Помпеем, когда римляне перешли этот перевал; одна из центральных опор моста все еще стоит.

Название древней столицы — Мцхета, я до сих пор не могу правильно это выговорить. Над городом, высоко на горной вершине, стоит церковь, построенная в пятом столетии, полуразрушенная, но очень внушительная. Чтобы добраться до нее, надо взбираться по козьим тропам. В самом городе есть красивая церковь за высокими стенами. Эти стены, похожие на стены крепости, служили церкви хорошей защитой.

Огромный внутренний двор за стенами зарос травой, а в самих стенах выдолблены ступеньки, так что в старые времена воины могли охранять церковь. Дверь церкви была железной и закрывалась на гигантский замок. Внутри церкви, у входа, к стене было прилеплено много маленьких свечей. Делалось это так: поджигался низ свечки, и когда он расплавлялся, свечка этим концом прижималась к стене, а затем зажигался фитиль; таким образом горящая свеча приклеивалась к стене самой церкви.

Сухой горячий ветер с воем проносится через перевал, на котором стоит старый город, и звенит по углам церкви. В одном уголке церковного двора мы наблюдали любопытную сценку. Пританцовывал длинный, тощий, жилистый мужчина, одетый в лохмотья, — из тех, кого мы называем "тронутыми". Он размахивал большим пером, держа его костлявой рукой, громко обращался к трем козлам, которые смотрели на него, быстро жуя. Он помахал пером, прервал речь и пошел на козлов, а они, как боксеры, недовольно отступили, опять встали и стали смотреть, как он говорит.

Вскоре пришла смотрительница церкви — смуглая женщина с волевым лицом. На ней было черное одеяние, черный платок, замотанный на шее, видно было лишь одно лицо. У нее были озабоченные карие глаза. Она была похожа на монахиню в миру. Женщина несла большой ключ, открыла церковь, и мы зашли в темное древнее помещение.

Настенная роспись была строгой, древней и примитивной, а краски выцвели. Более современные иконы темнели в своих золоченых рамах под золотыми окладами. Строгая женщина начала рассказывать нам о происхождении церкви.

И началось то, что мы позже называли "испорченным телефоном". Хмарский не понимал по-грузински. Нужно было сначала говорить грузину, который переводил на русский, а Хмарский в свою очередь переводил нам с русского. Весь этот разговор шел намного дольше обыкновенного.

Смуглая женщина сказала, что строительство церкви закончилось в пятом веке, но начали ее строить намного раньше. Она рассказала нам любопытную историю о том, как основали цер-

ковь, — одну из невероятных восточных историй, которые можно часто слышать.

Жили два брата и сестра. И услышали они то ли с небес, то ли ветер им принес весть, что родился и растет Иисус Христос. Из предзнаменований и вещих снов они узнавали о нем все больше. Наконец братья отправились в Иерусалим, оставив сестру дома, а дом стоял на этом самом месте. Добрались они туда лишь в день распятия и увидели Христа уже мертвым. Братья с грузинского горного перевала были очень опечалены и стали умолять, чтобы им дали клочок повязки Иисуса, и принесли его сестре домой. Сестра, узнав о распятии, была убита горем, и, взяв в руки клочок ткани, она заболела и умерла, прижав его к сердцу. Братья попытались вынуть клочок, но рука сестры была плотно сжата, и достать клочок было невозможно. Поэтому ее похоронили с зажатым в руке клочком повязки. Ее похоронили прямо на том месте, где сейчас стоит церковь. И почти моментально в память об этом событии здесь решили построить церковь. Пришли дровосеки, попытались срубить дерево, но топоры их разлетелись от удара о ствол. Многие пытались срубить дерево, но никому не удалось оставить на нем и следа. В конце концов появились два ангела, которые срубили дерево, и здесь была построена церковь. Смуглая женщина показала на любопытное, похожее на шатер сооружение из глины внутри церкви: там была могила, сказала она, и там росло дерево. И несомненно, под глиняным шатром покоилось тело святой женщины, сжимающей кусочек повязки, которую носил Иисус.

Своим сухим суровым голосом она рассказала нам разные истории о происхождении этой церкви, но эта была лучше всех.

Пока она говорила, ветер с жалобным воем врывался сквозь скрипучую дверь. Она сказала, что, хотя место это сейчас пустынно, в разное время года многие тысячи людей собираются в церкви и церковный дворик так заполняется народом, что невозможно ни сесть, ни повернуться. Некоторые даже залезают на стены. И во время этих празднеств в древней церкви происходит служба. За много-много миль люди совершают паломничество на праздники, и все церковные стены утыканы маленькими свечками, горящими по ночам.

Мы вышли из церкви, посмотрели, как запирают железную дверь. В углу двора "тронутый" все еще махал пером и обращал к козлам свои хриплые речи.

Мы отправились на край города в монастырь, где все еще живут монахи. У них есть собственные часовни и свои общежития.

Грузия была христианской уже тогда, когда Франция, Германия и Англия были еще языческими. Христианские предания, рассказываемые здесь, имеют восточный оттенок.

Этот длинный перевал к северу от Тифлиса является раем для археологов, ведь здесь находятся остатки цивилизации тысячелетней давности. Высоко на утесах расположены квадратные

углубления захоронений стародавних времен. Советские археологи постоянно работают на этих раскопках. Совсем недавно они нашли гигантский кувшин для масла, заполненный золотыми монетами, — жалование для армии древнего царя, на которого напали и который спрятал в этом месте свое сокровище. Каждый день археологи находят ценные доказательства того, что история Грузии уходит далеко в глубь веков, связуя ее с совершенно неожиданными цивилизациями. В этом свете опора помпеева моста — сравнительно новое сооружение, а плотина гидроэлектростанции — настоящий новичок на фоне всей этой старины.

Капа хотел вместить в один кадр четыре объекта: гидроэлектростанцию, статую Ленина, церковь пятого века и квадратное углубление шумерской могилы. Но фотографировать ему не разрешили, потому что самым важным из всего этого была плотина, а ее фотографирование вообще выходило за все рамки.

К вечеру мы были утомлены и прожжены ветром, и, кроме того, я, Капа и Хмарский страдали от тяжелого расстройства желудка. Мы пили все время минеральную воду с приятным щелочным вкусом под названием "Боржоми", но после того, как она на нас уже подействовала, мы узнали, что ко всему прочему она является и мягким слабительным, но в тех количествах, что мы ее пили, средство было уже не слишком "мягким". К тому времени, как мы выяснили причину расстройства, мы чувствовали себя уже очень плохо.

В Америке есть не одна сотня домов, где ночевал Джордж Вашингтон, а в России много мест, где работал Иосиф Сталин. На стене железнодорожных мастерских в Тифлисе висит украшенная цветами гигантская мемориальная доска, на которой написано, что здесь когда-то работал Иосиф Сталин. Сталин — грузин, и Гори, место, где он родился, в семидесяти километрах от Тифлиса, уже стало национальной святыней. Мы собрались туда.

Езда в джипе всегда создает ощущение большей скорости, чем на самом деле, но путь все равно оказался довольно долгим. И снова мы проехали через продуваемый ветром перевал, через другие перевалы и вот наконец прибыли в город Гори. Город расположен в горах. Над ним возвышается так называемая столовая гора — высокая уединенная округлая гора в центре города, и наверху — большая крепость, которая однажды защищала город и стала укрытием для его жителей. Крепость сейчас в руинах. Это город, где Сталин родился и провел ранние годы.

Место, где родился Сталин, оставлено так, как и выглядело раньше, только закрыто огромным шатром для защиты от непогоды. Верх этого шатра сделан из цветного стекла. Сталин родился в крошечном одноэтажном домике, построенном из оштукатуренных камней, с двумя комнатами и верандой по всему фасаду. И все же семья Сталина была так бедна, что все теснилось в половине дома, в одной комнате. Через дверь протянут шнур, но каждый может заглянуть внутрь, увидеть кровать,

небольшой платяной шкаф, маленький стол, самовар, кривую лампу. В этой комнате семья жила, готовила еду и спала. Шатер из цветного стекла опирается на квадратные золоченые мраморные колонны. Все это сооружение находится в большом розовом цветнике. За цветником расположен Музей Сталина, где представлено все, что только можно было найти из предметов, связанных с его детством и юностью: ранние фотографии, картины, посвященные эпизодам из его жизни, фотографии, сделанные, когда он был арестован. В то время он был очень красивым парнем с дикими горячими глазами. На стене — огромная карта, где отмечены его перемещения, тюрьмы, где он был заключен, и места его ссылки в Сибири. Здесь же его книги, бумаги и передовые статьи, которые он писал для маленьких газет. Его жизнь была последовательной — с самого начала он повел линию, которую продолжает по сей день.

Во всей истории нет человека, которого бы так почитали при жизни. В этом отношении можно вспомнить разве что Цезаря, но мы сомневаемся, имел ли Цезарь при жизни такой престиж, поклонение и богоподобную власть над народом, какой обладает Сталин. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественному закону. Его родина уже превратилась в место паломничества. Люди, посещавшие музей, пока мы там были, переговаривались шепотом и ходили на цыпочках. В тот день ответственной по музею была очень хорошенькая молодая девушка, и после прочитанной лекции она пошла в сад, срезала розы и преподнесла каждому из нас по бутону. Все тщательно спрятали цветы, чтобы сберечь их как сокровище в память о святом месте. Нет, во всей истории мы не знаем ничего, что можно было бы с этим сравнить.

Если Сталин при жизни обладает такой властью, то чем он станет, когда умрет? Во многих речах, которые нам пришлось выслушать в России, ораторы вдруг приводили цитату из Сталина в качестве окончательного доказательства справедливости своей мысли — точь-в-точь как средневековые схоласты ухватывались за цитату из Аристотеля. В России слово Сталина — истина в последней инстанции, и, что бы он ни сказал, никто не возразит. И это непреложный факт, чем бы ни пытались это объяснить — пропагандой, воспитанием, постоянным напоминанием, повсюду присутствующей иконографией. Ощутить это в полной мере можно, когда услышишь, как слышали мы много раз:

— Сталин никогда не ошибался. За всю свою жизнь он не ошибся ни разу.

И человек, который говорит такое, преподносит это не как аргумент — это неопровержимо, он говорит это как абсолютную истину, вне всяких аргументов.

Мы опять сели в джип, и наш кавалерист повез нас в одну из соседних долин, поскольку мы хотели увидеть виноградники, которые дают грузинское вино. Мы поехали в узкую долину, и снова по всем склонам стояли крепости. В долине и по склонам

гор располагались маленькие фермы. Виноградники карабкались вверх по горам. Виноград уже начинал поспевать. Здесь были также и сады, в которых росли апельсиновые деревья, яблони, сливы и черешни. Дорога была узкой и каменистой и местами пересекалась водными потоками. Наш водитель кричал от радости, ему все это очень нравилось. Он ехал с головокружительной скоростью по узким дорогам и все время наблюдал за нами, чтобы понять, страшно нам или нет, а нам-таки было страшно. Нам приходилось держаться обеими руками, чтобы не вылететь из джипа. Шофер форсировал речушки на такой скорости, что вода каскадом окружала всю машину и забрызгивала нас. Мы ехали вверх через небольшие обработанные долины, разделяемые горными перевалами. На каждом перевале стояли укрепления, где в старые времена крестьяне спасались от нападений. Наконец мы остановились у скопления домов в горном винограднике, где заранее решили пообедать. Около сотни людей, одетых в лучшие наряды, спокойно стояли, чего-то ожидая. Довольно скоро четверо мужчин вошли в один из домов и вынесли гроб. Вся группа двинулась вверх по склону, по петляющей тропе, неся мертвеца к месту его последнего упокоения высоко на горе. Мы долго еще видели их, они становились все меньше и меньше, идя по зигзагообразной тропинке к горному кладбищу.

Мы пошли на виноградник и съели чудовищно огромный обед, который захватили с собой: икру и колбасу, жареное седло барашка, свежие помидоры, вино и черный хлеб. Мы сорвали виноград, который уже годился для еды, и налопались им до отвала. И все это, между прочим, не облегчило состояние наших ослабших желудков. Маленькая долина буйно зеленела, а воздух был восхитительно теплым. Повсюду приятно пахло зеленью. Вскоре мы сели в джип и опять покатали со сногшибательной скоростью вниз, в Гори.

Если в какой-нибудь город Америки приезжает посетитель, то ему показывают Торговую палату, аэродром, новое здание суда, бассейн и арсенал. А приехавшего в Россию ведут в музей и парк культуры и отдыха. Парк культуры и отдыха есть в любом городе, и мы уже привыкли к ним: скамейки, длинные цветочные клумбы, статуи Сталина и Ленина, каменные скульптурные группы в память о боях, которые происходили в городе во времена революции. Отказ посмотреть местный парк культуры и отдыха будет считаться такой же бестактностью, как если бы отказаться посмотреть районы новой застройки в американском городке. Несмотря на то что мы устали после жуткой тряски в джипе и обгорели на солнце оттого, что у нас не было с собой шляп, нам все же пришлось идти в парк культуры и отдыха города Гори.

Мы топали по посыпанным гравием дорожкам, разглядывали цветы и вдруг слышали занятную музыку, которая доносилась из глубины парка. Было похоже, что играют на волынке и удар-

ных. Мы пошли на звук и увидели трех мужчин, двое играли на флейтах, один — на маленьком барабане. И вскоре мы увидели, почему музыка напоминала игру на волынке: флейтисты надували щеки, и, когда они переводили дыхание, из-за того что щеки были надуты, флейта звучала без перерыва. Музыка была первобытной и дикой. Два флейтиста и барабанщик стояли у входа, за высоким дощатым забором, а на деревьях вдоль забора гроздьями висели дети и смотрели за ограждение.

Мы были довольны, что оказались в парке, потому что в этот день проходил финал национальных состязаний по грузинской борьбе. Соревнования шли уже три дня, и сегодня должны были определиться чемпионы республики.

Круглый дощатый забор огораживал нечто вроде арены с сиденьями вокруг. Сам борцовый круг, около тридцати пяти футов в диаметре, был засыпан толстым слоем опилок. С одной стороны находился стол судей, а за ним — маленькая раздевалка для участников.

К нам очень гостеприимно отнеслись: освободили место на скамейке и проход так, чтобы Капа имел возможность фотографировать.

Два флейтиста и барабанщик уселись в первом ряду, затем были вызваны участники. Они были босиком и одеты в странный костюм — короткую холщовую куртку без рукавов, холщовые ремни, короткие трусы. Никакой обуви на них не было.

Каждая пара борцов подходила к судейскому столу и регистрировалась. Потом они занимали свои места по разные стороны круга. Музыка начала свою дикую мелодию сильным барабанным боем. Соперники подошли друг к другу и схватились.

Это любопытная борьба. Ее ближайший родственник, как мне кажется, джиу-джитсу. Захваты не допускаются — только за куртку и ремень. Когда соперники схватываются, дело за подножками, переносом веса, чтобы лишить соперника равновесия, бросить на землю и положить на лопатки. Музыка играла на протяжении всей схватки и смолкла, только когда один борец проиграл.

Схватки были недолгими, обычно хватало одной минуты, чтобы один из борцов оказался на земле. Через мгновение схватка заканчивалась, к судейскому столу подходила и отмечалась другая пара. Этот спорт требует невероятной скорости, силы и техники. И действительно, некоторые броски были такими яростными и быстрыми, что в итоге человек пролетал по воздуху и приземлялся на спину.

По мере того как соревнования шли и выбывало все больше и больше участников, публика возбуждалась все сильнее. Но нам пора было уходить. Нужно было успеть на вечерний поезд к Черному морю, а перед этим мы были приглашены на открытие тифлисской оперы. Кроме того, у нашего джипа порвалось сиденье, что создавало трудности в пути, а нам предстояло проехать еще семьдесят километров, прежде чем попытаться послу-

шать оперу. Не ладилось и с подачей горячего, и на обратном пути мы плелись, то и дело останавливаясь, чтобы продуть бензопровод.

К тому времени, как мы добрались до Тифлиса, мы безумно устали, устали настолько, что отказались идти на открытие оперы. Моей поврежденной коленке здорово досталось в бешеном джипе. Я вообще еле передвигался. Я мечтал часик полежать в горячей воде, чтобы немного размягнуть сустав.

На станции, куда мы в конце концов приехали, было душно и полно народу. Мы пошли вдоль длинного переполненного поезда и подошли наконец к нашему вагону, wagon-lit* первого класса 1912 года выпуска — счастливые воспоминания. Зеленый бархат сидений был именно такой, как нам помнилось. Мы хорошо помнили и отполированное и промасленное темное дерево, блестящий металл и затхлый запах. Интересно было, где он находился все эти годы. Бельгийцы, выпускавшие эти вагоны так много лет назад, делали их на века. Сорок лет назад это был лучший железнодорожный вагон в мире, он и сейчас удобен и сейчас в хорошем состоянии. Темное дерево с каждым годом становится все темнее, а зеленый бархат — зеленее. Наследие великолепных и величественных времен.

В поезде было очень жарко, и мы открыли окно нашего купе. Сразу же пришел проводник и, хмуро поглядывая на нас, закрыл окно. Как только он ушел, мы снова открыли окно, но он явно предчувствовал, что мы взбунтуемся. Он тут же вернулся, закрыл окно и хорошенько отчитал нас по-русски, грозя пальцем. Он так из-за окна сердился, что больше мы не осмелились его открыть, хоть и задыхались от духоты. Нам перевели, что проводник предупредил: ночью мы будем проезжать через множество туннелей. Если окно открыто, то паровозный дым попадает в вагон и пачкает зеленую обивку. Мы стали умолять проводника оставить окно открытым, стали говорить, что сами поможем отчистить обивку, но он еще строже погрозил нам пальцем и прочитал еще одну лекцию. Уж если в России правило установлено, то никаких исключений из него нет.

Это напомнило нам историю, которую мы слышали от одного американского военного в Москве. Он рассказал, что во время войны, когда американский самолет, на котором он летел, приземлился в Москве, к нему приставили часового с приказом никого не пускать внутрь. Когда пришло время новым пассажирам сесть в самолет, часовой их не пропустил. Наш человек сказал, что его чуть не пристрелили за попытку пройти, несмотря на пропуска, его приказы и удостоверения. В конце концов часового сменили, но приказ остался в силе. Офицер объяснил, что приказ дан и что легче поменять часового, чем приказ. Часовой номер два имел приказ "Пустить людей в самолет", в то время как часовой номер один имел приказ

* Wagon-lit — спальный вагон.

”никого не пускать в самолет”. Два приказа или замена приказа могут вызвать путаницу. Проще поменять часовы. И еще, вероятно, это лучше для дисциплины. Человек, исполняющий один приказ, делает это четче, чем тот, кто должен выбирать один приказ из двух.

Не было никакого сомнения в том, что проводник и не собирается разрешить нам открыть окно. Пусть мы задохнемся, это дела не меняет. Мы не знали, какое наказание полагается за открытое окно купе во время поездки, но по серьезности, с которой проводник к этому относился, мы решили, что могут дать по меньшей мере лет десять лишения свободы.

Наконец поезд тронулся, и мы стали устраиваться на ночь в нашей пропахшей потом коробке. Но едва поезд отправился, как сразу остановился. Всю ночь он останавливался через каждые две мили. В конце концов мы заснули, обливаясь потом, и нам приснилось, будто нас завалило в угольной шахте.

Мы проснулись очень рано и обнаружили, что находимся в совершенно другой стране, на абсолютно изменившейся территории. Мы приехали в тропики, где лес тянется прямо к рельсам, где растут бананы, где воздух влажен. Вокруг Тифлиса земля и воздух были сухими.

Маленькие домики недалеко от железной дороги утопали в цветах, а листва была очень густой. На склонах цвели гибискусы, и повсюду виднелись цитрусовые деревья. Это богатейший и очень красивый край. На маленьких полях вдоль путей кукуруза стоит такая же высокая, как в Канзасе, — в некоторых местах вдвое больше человеческого роста; есть также бахчи, где растут дыни. Ранним утром люди выходили на крылечки своих просторных и открытых домов и смотрели на проходящий поезд. Женщины были одеты в яркие платья, как всегда одеваются люди, живущие в тропиках. На них были красные, синие и желтые платки, юбки из яркой узорчатой ткани. Мы проезжали через леса бамбука и гигантских папоротников и через поля высокого табака. Дома были на сваях, с крутыми лестницами, ведущими на первый этаж. А под домами в утреннем свете играли дети и собаки.

На холмах густо росли огромные деревья, и буйная зелень все закрывала.

Потом мы въехали в район чайных плантаций; чай, по-видимому, самая красивая культура в мире. Низкие кусты рядами простирались на мили вдаль, взбираясь на кромку холмов. Даже в этот ранний час женщины собирали молодые листочки с верхушек чайных кустов, и их пальцы мелькали среди зелени, как маленькие птички.

Мы проснулись очень голодными, что не предвещало ничего хорошего. В поезде было нечего есть. И в самом деле, за все время нашего пребывания в России мы не смогли купить никакой пищи в общественном транспорте. Или вы берете провизию с собой, или едете голодным. Этим объясняется и количество

узлов, которые путешественники везут с собой: одна десятая — это одежда и багаж, а девять десятых — еда. Мы снова попытались открыть окно, но впереди были туннели, и нам опять запретили его открывать. Вдалеке, намного ниже нас, виднелась морская голубизна.

Поезд спустился к берегу Черного моря и шел параллельно ему. Все побережье — гигантский летний курорт. Каждый клочок земли занят под большой санаторий или гостиницу, и даже с утра пляжи заполнены купальщиками, ведь это место, куда приезжают отдыхать почти со всего Советского Союза.

Теперь наш поезд, казалось, останавливался через каждые несколько футов. И на всех остановках с поезда сходили люди, которые приехали отдыхать в один из санаториев. Это отдых, к которому стремятся почти все русские рабочие. Это вознаграждение за долгий тяжелый труд; здесь восстанавливается здоровье раненых и больных. Глядя на пейзаж, на спокойное море и теплый воздух, мы поняли, почему люди по всей России все время повторяли нам:

— Подождите, вот увидите Грузию...

Батуми — очень приятный тропический город, город пляжей и гостиниц и важный порт на Черном море. Это город парков и затененных деревьями улиц — ветер с моря не дает им накалиться.

Местная гостиница "Интурист" была самой роскошной из тех, что мы видели в Советском Союзе. Комнаты были очень приятные, недавно отремонтированные, и у каждого номера был балкон со стульями. Окна во всю стену делали возможным открыть всю комнату. После ночи, проведенной в вагоне — музейном экспонате, мы мечтательно посмотрели на кровати, но они оказались недоступны нам. Мы едва успели помыться. У нас не хватало времени, а нам предстояло очень многое посмотреть.

Днем мы посетили некоторые дома отдыха. Это огромные дворцы среди великолепных садов, и почти все они выходят к морю. В подобной ситуации очень опасно быть экспертами. Почти каждый, кто хоть когда-то путешествовал по России, стал экспертом, и почти каждый специалист не согласен с другим специалистом. Нам надо быть очень осторожными в том, что мы говорим об этих домах отдыха. Мы должны повторять только то, что там слышали, и уверены, что даже тогда найдется кто-то, доказывающий обратное.

Первый дом, в котором мы были, выглядел как роскошная гостиница. Вверх от пляжа к нему вела большая лестница, он был окружен высокими деревьями, а огромная веранда выходила прямо на море. Дом принадлежал московскому отделению профсоюза электриков*, и все, кто здесь остановился, были

* Очевидно, Стейнбек говорит о профсоюзе рабочих электростанций и электротехнической промышленности.

электриками. Мы поинтересовались, как они смогли сюда приехать, и нам ответили, что на каждом заводе и в каждом цеху существует комитет, в который входят не только рабочие — представители завода, но и заводской врач. Комитет, рассматривающий кандидатуры тех, кому предстоит отпуск, принимает во внимание многие факторы: и длительность работы, и физическое состояние, и степень усталости, и, сверх всего прочего, вознаграждение за работу. Если рабочий перенес болезнь и ему требуется долгий отдых, медчасть заводского комитета направляет его в дом отдыха.

Одна часть этого дома отдыха предназначена для мужчин, другая — для женщин, а третья — для семей, которым на время отпуска предоставляются квартиры. Есть ресторан, игровые комнаты, читальные залы, музыкальные комнаты. В одной игровой комнате люди играли в шахматы и шашки; в другой шел быстрый поединок в пинг-понг. Теннисные корты были заполнены игроками и зрителями, а по лестницам шли вереницы людей, возвращаясь с купания или спускаясь на пляж. Гостиница имела свои лодки и рыболовные снасти. Многие просто сидели на стульях и смотрели на море. Здесь были выздоравливающие после болезни и пострадавшие от несчастных случаев на производстве, которых послали поправиться на теплом воздухе Черного моря. В среднем отпуск длится двадцать восемь дней, но в случае болезни пребывание здесь может быть продлено на столько, на сколько посчитает нужным заводской комитет.

Нам сказали, что очень многие профсоюзы имеют на море дома отдыха для своих членов. За один раз дом отдыха может принять триста человек.

Мы проехали несколько миль вниз по побережью к санаторию, который тоже походил на огромную гостиницу. Это был государственный санаторий для туберкулезников и людей, страдающих другими болезнями легких, наполовину больница, наполовину дом отдыха. Очень приятное солнечное место. Лежачих больных вывозили на кроватях на балконы с видом на сады и море, а амбулаторные пациенты бродили, слушая музыку и играя в неизбежные шахматы — игру, которая по популярности стоит на втором месте после футбола.

Пациенты были направлены в этот дом медицинскими учреждениями своих районов. Это было место отдыха. Когда мы только приехали сюда, оно казалось совсем пустынным, потому что все пациенты еще были в постелях. Но пока мы там были, прозвенел звонок, и все постепенно стали выходить на прогулку.

Нам сказали, что по всему побережью сотни таких санаториев, и, проезжая по побережью, мы видели на холмистых склонах многие из них.

Начался сильный тропический дождь, мы вернулись в гостиницу и смогли наконец пару часов поспать. Нас разбудила необычная музыка. Сначала звучала мелодия на кларнете, несомненно, в стиле Бенни Гудмана. Потом мелодия затихала, и вто-

рой кларнет подхватывал этот же отрывок, но уже, несомненно, не в стиле Бенни Гудмана. Спросонок мы не сразу поняли, что происходило в соседнем номере. Кто-то слушал запись Бенни Гудмана, а потом сам пытался ее воспроизвести, но с весьма скромным успехом. Так продолжалось все снова, и снова, и снова — повторялась одна и та же фраза. Только когда видишь, как европейцы уродуют американский свинг, становится ясно, какой четкой, утонченной и уникальной является американская музыка. Вероятно, у наших музыкантов возникли бы те же трудности с запутанными ритмами и мелодиями грузинской музыки. У русских, несомненно, много проблем с нашей музыкой, но они очень увлекаются ею. В Тифлисе мы не особенно слышали американский свинг, в Батуми же его было предостаточно. Гостиница так и гудела, потому что многие постояльцы — из Москвы, где эти мелодии популярны.

Вечером нас пригласили на концерт тифлисского джаз-оркестра на берегу моря. Музыканты заняли свои места в маленькой оркестровой раковине около пляжа и сыграли вариации из американского джаза: "Shine", "China boy" и "In the Mood" — неизбежный "In the Mood". Когда мы с Капой явились на концерт, нам вручили по огромному букету цветов, от чего мы себя несколько глупо почувствовали. Мы не из тех, кто способен слушать музыку с 15 фунтами гладиолусов в руках. Букеты были большие, и мы ничего не могли с ними сделать. Не могли их положить на пол, нам пришлось подглядывать за оркестром сквозь стебли цветов.

Мы поняли, почему оркестру плохо удавалась американская музыка. Свинг импровизационен, сиюминутен. Музыкант вкладывает в игру самого себя и свое воображение, в то время как русские оркестры рабски подражают записям, которые они слышали, а записи все равно невоспроизводимы. Им бы нужно взять тему, например "Дина", и импровизировать на эту тему, и в этом случае у них получилась бы музыка. Пусть это был бы не американский свинг, это мог бы быть грузинский свинг.

Нам стало легче, когда оркестр заиграл собственную музыку и перешел на танцы грузинских гор. И мы успокоились, потому что музыканты были у себя дома и звучала настоящая музыка. После концерта руководитель оркестра и несколько музыкантов поехали в гостиницу поужинать с нами. Руководитель был крепким, энергичным человеком, и с помощью "испорченного телефона" Хмарского мы попытались объяснить ему происхождение американского свинга, как он развивался и чем был. Он был восхищен этой теорией, и то и дело между ним и музыкантами вспыхивал оживленный разговор на грузинском. Для него было новостью, что музыканты, взяв за основу простую мелодию, сами превращаются в композиторов, чью музыку ни записывать, ни сохранять в оригинале не нужно — ее надо просто играть. По мере того как грузины слушали, им все больше и больше эта идея начинала нравиться. Мы сказали, что совер-

шенно необязательно использовать для этого американскую мелодию. Грузинская тема с такой же импровизацией была бы ничем не хуже, кроме того, они легче бы с ней справились. Через секунду они уже вскочили, попрощались с нами и ушли. А мы представили себе, что где-то ночью на берегу Черного моря звучала дикая музыка с импровизацией в американском стиле.

Мы хронически недосыпали, но не только это вымотало нас. Мы постоянно были на ногах, у нас не было возможности остановиться и хорошенько все обдумать. Фотоаппараты Капы щелкали, как новогодние хлопушки, и у него было уже много проявленной пленки. Мы все время осматривали что-то и постоянно собирались что-то осматривать. Когда мы нормально, то есть непроеизводитительно, живем, мы способны заниматься делами только небольшую часть времени, а в остальное время нам необходимо расслабиться и ничем не заниматься. Но во время поездки у нас постоянно не хватало времени, нам каждую минуту приходилось на что-то глядеть, отчего мы стали безумно уставать. Была и другая причина. Мы вели настолько целомудренный образ жизни, что, вероятно, за всю мировую историю подобное встречалось всего лишь раз или два. Частично это происходило намеренно, потому что у нас было слишком много работы, а частично из-за того, что порок был не очень доступен. А мы — нормальные люди. Нам нравятся красивые лодыжки или даже ноги на несколько дюймов выше и обтянутые по возможности хорошими нейлоновыми чулками. Мы обожаем все эти штучки, обманы и вероломства, которыми пользуются женщины, чтобы одурачить и поймать на крючок наивных и глупых мужчин. Нам очень нравится все это — хорошие прически, духи, красивая одежда, маникюренные ногти, губная помада, тени для глаз и накладные ресницы. Нас обуял вполне объяснимый голод, а его необходимо было как-то утолить и заглушить. Мы любим сложные французские соусы, высококачественные вина и шампанское Перье-Жуэ, приблизительно 1934 года. Мы любим душистое туалетное мыло и мягкие белые сорочки. Нам нравится, когда целый батальон бешеных скрипок играет цыганские напевы. Нам нравится, как труба Луи Армстронга подражает сумасшедшему звучанию на волынке, и мы любим истерический хохот кларнета Пи Ви Рассела. А тут мы вели пресно-добродетельную жизнь — и делали это сознательно. Советская печать чаще всего нападает на иностранцев за пьянство и разврат. А мы — не более пьющие и развратные, чем другие, хотя это, конечно, смотря с чем сравнивать, и были полны решимости жить, как святые. Нам удалось это сделать, правда не совсем к нашему удовлетворению.

Существовала, вероятно, еще одна причина, по которой мы чувствовали себя усталыми: разговор, который мы постоянно поддерживали на высоком интеллектуальном уровне. Мы далеки от категорических заявлений, что русские — пуритане, не пьющие и не развратники. Мы не знаем, какие они в частной

жизни, но вполне возможно, что мы старались пустить друг другу пыль в глаза, как это делают домашние хозяйки на вечеринках. Во всяком случае мы не просто сильно устали, но чувствовали еще, как нас подтачивал червь декадентства.

Утром шел сильный, но теплый и мягкий дождь. Повернувшись на другой бок, мы заснули опять. Около десяти проглянуло солнце, и за нами пришли — пора ехать на государственную чайную плантацию.

Мы поехали вдоль побережья, потом вверх через расселину в зеленой горе в дальнюю долину, где на мили тянулись темно-зеленые чайные кусты и то здесь, то там виднелись шапки апельсиновых деревьев. Это было очень приятное место и первая государственная ферма, на которой мы побывали.

И опять мы не можем обобщать, мы рассказываем лишь то, что увидели и что слышали. Государственная ферма управлялась, как американская корпорация. Есть свой управляющий, совет директоров и служащие. Рабочие живут в новых, чистых и приятных жилых домах. У каждой семьи своя квартира, а работающие женщины могут устроить детей в детские ясли. У них такой же статус, как и у людей, работающих на фабриках.

Это была очень большая плантация с собственными школами и собственными оркестрами. Управляющий был деловым человеком, который запросто мог бы руководить филиалом американской компании. Это очень отличалось от колхозов, поскольку в последних каждый фермер имеет долю с дохода всего коллектива. Здесь же было просто предприятие по выращиванию чая.

Мужчины обрабатывали землю. А чай собирали в основном женщины, потому что их пальцы тоньше. Женщины двигались длинными рядами вдоль борозд; работая, они пели, перекликались и выглядели очень красочно. Капа много раз их фотографировал. Здесь, как и везде, было много наград за сноровку. Среди работниц была девушка, которая получила медаль как победительница в соревновании по сбору чая, и ее руки летали над чайными кустами с молниеносной быстротой, она собирала свежие зеленые листочки и складывала их в корзину. Темная зелень чайных кустов и цветные женские одежды представляли собой очень красивую картину на склоне холма. У подножия холма стоял грузовик, в который принимали свежесобранный чай и отвозили на фабрику.

Мы отправились за грузовиком на чайную фабрику, которая полностью автоматизирована. Макераторы измельчают чай, который должен потом окислиться. Бесконечный конвейер идет через печи-сушилки. На фабрике работают в основном женщины. Здесь и директор женщина, и дегустаторы. Женщины управляют машинами, в которых измельчается и окисляется чай, женщины обслуживают большие печи, где чай сушится. Женщины сортируют и пакуют его. Мужчины только перевозят тележки с упакованным чаем.

Директор фабрики, красивая женщина лет сорока пяти, — выпускница сельскохозяйственной школы. Ее фабрика производит много сортов чая — от лучших, состоящих из маленьких верхних листочков, до плиточного чая. И поскольку чай — самый распространенный напиток среди русских, то чайные плантации и чайные фабрики считаются одной из самых важных отраслей региона.

Когда мы уезжали, директор подарила каждому из нас по большой пачке замечательного продукта фабрики — это был отличный чай. Мы уже давно бросили пить кофе, потому что напиток под названием "кофе" никуда не годился. Мы уже привыкли пить чай и с этого времени стали сами себе его заваривать на завтрак, и наш был намного лучше того, что мы могли купить.

Мы остановились у маленьких детских яслей, где пятьдесят или шестьдесят малышей танцевали на зеленой траве — дети женщин, которые работали на чайных полях. Капа нашел красивую маленькую девочку с длинными кудрями и огромными глазами и захотел сфотографировать ее, но она растерялась, заплакала, и утешить ее было невозможно. Он сфотографировал маленького мальчика, который тоже расплакался. Капа — друг детей. Воспитательница сказала, что девочку трудно успокоить, потому что она не грузинка, а украинка, сирота, которую удочерила грузинская семья, и она вела себя так странно, потому что еще ничего не понимала по-грузински. Немало грузинских семей усыновили детей из разрушенных районов, поскольку этот богатый край не затронули бои и люди чувствовали свой долг перед другими. Мы то и дело останавливались, заходили в маленькие домики. Вокруг каждого домика — сады и огороды. Нас угощали орехами, или домашним сыром, или свежим черным хлебом, грушей, сорванной прямо с дерева у дома, или гроздью винограда. Казалось, что мы едим постоянно, но отказаться не могли. Мы также попробовали грузинскую водку, которую никому не рекомендуем, потому что она взрывоопасна. Это настоящий реактивный напиток, и наши желудки просто были не в состоянии его принимать. На самом деле это совсем не водка, а дистиллированное вино или, как мы обычно его называли, граппа. Для нас оно было слишком крепким.

Когда наши животы вздулись от еды, нас нагнал директор фермы. Это был высокий прямой худощавый человек в партизанской форме и фуражке. Он пригласил нас зайти к нему домой и перекусить — господа, спаси нас! Через Хмарского и другого переводчика мы объяснили, что если проглотим еще хоть кусочек, то взорвемся. Но он ответил, что это простая формальность, на самом деле если мы зайдем к нему домой и разделим с ним стакан вина, то окажем ему честь.

Мы стали уже верить в то, что секретное оружие русских, по крайней мере по отношению к гостям, — это еда. Но мы конечно же не могли отказаться зайти перекусить и выпить с ним. Мы от-

правились к нему, в чистый маленький домик на холме.

Надо было быть умнее. На аккуратно подстриженной травке во дворе стояло столько народу, что предвещало это нечто значительно большее, чем стакан вина с закуской. Из дома вышли две красивые девушки с кувшинами воды. Они полили нам, и мы вымыли лицо и руки. Девушки протянули белые полотенца, вышитые по краям красным. Мы вытерлись.

Потом нас пригласили в дом. Через коридор мы прошли в большую комнату. Она была завешана паласами ярчайших цветов; некоторые рисунки напоминали индийские покрывала. Пол был покрыт циновкой, похожей на мексиканскую *petate*. Зато видстола чуть нас не убил. Он был длиной футов в четырнадцать, весь заставлен едой, и было приглашено еще около двадцати гостей. Я думаю, это было единственное застолье или ужин, где на закуску подавали жареных кур — по полкурицы на порцию. Потом — холодная вареная курица под вкусным зеленым соусом со специями и сметаной. Затем — сырны палочки, салат из помидоров и грузинские соленья. Потом принесли острую тушеную баранину в густом соусе. А потом — жареный деревенский сыр. Сложенные, как покерные фишки, лежали лепешки плоского ржаного хлеба, а в центре стола фрукты — виноград, груши и яблоки. Самое ужасное — все было вкусным. Вкус блюд был настолько необычным, что мы захотели попробовать все. Мы почти уже умирали от переедания. Капа, который хвастается, что у него талия тридцать два дюйма, и который, что бы ни случилось, никогда не распустит свой пояс, раздул шею, отчего глаза его немножко вылезли из орбит и налились кровью. А я почувствовал, что мог бы вернуться к своему нормальному состоянию, если бы два-три дня не ел совсем.

Я вспомнил и в конце концов оценил историю, которую мне рассказал один англичанин. Во время войны его послали в Америку сделать закупки, и он отправился на Средний Запад. Где бы он ни появлялся, его закармливали. Он съедал по три-четыре обеда ежедневно. Эти обеды убивали его, а между принятием основной пищи люди кормили его еще. Они жалели его, потому что в Англии так не хватало еды. Они хотели накормить его впрок так, чтобы он смог продержаться немного на накопленном жире. Через три дня он был уже болен, но еще держался. К концу недели он находился в отчаянном состоянии. Его желудок, привыкший к простой английской пище, окончательно взбунтовался, но, по мере того как ему становилось хуже, его все сильнее жалели и закармливали еще больше и больше. Будучи человеком честным, он пытался объяснить, что такое количество еды убивает его, но ему не верили. Потом он немножко солгал, сказав, что считает непозволительным есть так много в то время, когда его соотечественники не могут себе этого позволить дома. Его осмеяли, и ему пришлось продолжать есть. Он рассказывал, что при его приближении начинался массовый убой кур, и даже он сам однажды утром во время бритья

обнаружил на бритве перья. К концу двухнедельного пребывания он рухнул, и его отправили в больницу, где и откачали. Врач предупредил его, чтоб он ни в коем случае не наедался, даже если будет очень голоден. Услышав это, англичанин дико захохотал, повернулся на другой бок и зарылся головой в подушку. В то время я счел эту историю явно преувеличенной, но теперь все больше и больше понимал, насколько правдивой она была.

Нас представили двадцати гостям и усадили за стол. И тут перед нами встала проблема. Если мы не ели, нас заставляли, а если мы все съедали, нам моментально снова наполняли тарелки. А тем временем подали графины вина — легкого вина с замечательным букетом, которое, вероятно, и спасло нам жизнь. После нескольких стаканов вина хозяин встал, из кухни вышла его жена и встала рядом с ним — это была красивая черноглазая женщина с волевым лицом. Директор выпил за наше здоровье и за процветание Соединенных Штатов. А потом он назначил своего лучшего друга тамадой, и нам сказали, что это старый грузинский обычай, когда хозяин назначает своего друга вести стол. С этого времени никто за столом не может произнести тост. Если кто-то захочет предложить тост, он должен передать слово тамаде, которого обычно выбирают за умение произносить речи. Потом тост произносит сам тамада. Это освобождает гостей от лишних разговоров.

Новый тамада произнес довольно длинную речь. Надо здесь напомнить, что даже короткая речь удлинилась бы, потому что каждое предложение переводилось с грузинского на русский, а с русского на английский. И бог знает, какие мысли пропали или были искажены переводом, особенно к концу ужина. Ведущий стола был экономистом на ферме, и после обычных вежливых слов в первой речи он перешел к своему хобби. Он стал сожалеть о тех случайностях и недоразумениях, которые повлияли на разобщение американцев и русских, и сказал, что у него есть объяснение этому — торговля. Он сказал, что необходимо подписать торговый договор между Россией и Америкой, поскольку Россия отчаянно нуждается в товарах, которые производит Америка: сельскохозяйственном оборудовании, тракторах, грузовиках и локомотивах. И предположил, что и Соединенные Штаты может заинтересовать кое-что из того, что производит Россия, и упомянул драгоценные камни, золото, древесину, хром, вольфрам. Он, по-видимому, долго вынашивал и обдумывал эту проблему. Возможно, он был не в курсе трудностей, которые стояли на пути такого соглашения, хотя мы должны признать, что и сами не знали их.

Поскольку мы были иностранцами и не могли передать ведущему стола записку, нам разрешили ответить на его тост. Мы предложили выпить за отмену занавесов всех видов — железных, нейлоновых, политических занавесов лжи и предрассудков. Мы сказали, что занавесы являются прелюдией к войне и если война развязывается, то это может произойти только по двум

причинам: или по глупости, или преднамеренно, и если это произошло по замыслу руководителей, то этих руководителей нужно сместить; а если по глупости, то в это необходимо вникнуть. И мы сказали, что поскольку каждый, даже самый глупый и самый задиристый, человек понимает, что современная война не может быть никем выиграна, то любого лидера любой страны, который предложил начать войну, необходимо выловить как сумасшедшего преступника и изолировать от общества. Капа много воевал, я — немного, и мы оба очень серьезно относимся к этой теме.

В конце нашего тоста вино полилось струей из графина, все встали и начали чокаться друг с другом. Это был сокровенный грузинский тост. Каждый, держа стакан, захватывал под руку своего соседа и пил из своего стакана. Из кухни выглядывали женщины, а у входа собрались соседи, которым тоже передали графины с вином.

Грузины, с которыми мы встречались, похожи на жителей Уэльса. В каждой группе, скажем, из десяти мужчин будет по крайней мере семеро с прекрасными голосами. И за этим столом вдруг полилось пение, изумительное хоровое пение. Пели песни грузинских пастухов в горах, старинные боевые песни. Голоса были так хороши, а хор так прекрасен, что они казались настоящей профессиональной группой, хотя это было и не так. Вот темп ускорился, двое мужчин взяли стулья, поставили себе на колени и превратили их в барабаны — начались танцы. Женщины вышли из кухни и стали танцевать, мужчины выскочили из-за стола, присоединились к ним, а аккомпанировал мужской хор, ритм, выбиваемый по сиденьям стульев и хлопками в ладоши.

Получилась прекрасная танцевальная музыка. Иногда танцевал мужчина, иногда — женщина, иногда вместе, быстрыми шажками, в традициях грузинских танцев. Это все о том, как мы остановились перекусить и выпить стакан вина в грузинском доме на ферме. Нам пришлось оттуда вырываться.

Пока наша машина мчалась с холмистых склонов вниз, к Батуми, опять полил дождь.

Этим вечером мы должны были сесть на поезд, но предполагалось, что до этого мы пойдем в театр. Мы были так измучены едой, вином и впечатлениями, что спектакль не оставил в нас большого следа. Шел "Царь Эдип" на грузинском языке, и мы еле открыли глаза, чтобы разглядеть, что Эдип — красивый мужчина со сверкающим золотым зубом в ослепительно рыжем парике. Действие происходило на лестнице — вверх и вниз, вверх и вниз. Эдип декламировал текст громко и с выражением. Но к тому времени, как он выколол себе глаза и разорвал на себе окровавленные одежды, наши глаза уже совсем закрылись, и мы с усилием заставили их открыться. Половину всего спектакля зрители смотрели на нас, приезжих американцев. Дело в том, что американцы встречались здесь чуть чаще, чем залетные марсиане, однако мы не могли выглядеть представительно, так как пребы-

вали в полусне. Наш хозяин вывел нас из театра, запихнул сначала в машину, а потом в вагон, мы же все это время вели себя как лунатики. В ту ночь у нас не происходило никаких ссор с проводником по поводу открытых окон. Мы повалились на свои полки и почти мгновенно заснули.

Эти потрясающие грузины нам неровня. Они могли переест, перепить, перетанцевать и перепеть нас. В них бурлило яростное веселье итальянцев, физическая энергия бургундцев. Все, за что бы они ни брались, они делали с лихостью. Они ничуть не похожи на русских, с которыми мы встречались, и легко понять, почему ими так восхищаются граждане других советских республик. Тропический климат не умаляет их жизнеспособность, а скорее усиливает ее. И ничто не способно сокрушить их индивидуальность или волю. Многие столетия это пытались сделать завоеватели, царские армии, деспоты или местная знать. Все разбивалось об их волю, и ничто не смогло хоть как-то поколебать их.

Наш поезд прибывал в Тифлис около одиннадцати часов, и мы спали почти всю дорогу. С трудом одевшись, мы поехали в гостиницу и поспали еще немного. Мы совсем не ели, не выпили даже чашки чая, поскольку до выезда в Москву на следующее утро нам еще кое-что предстояло. Вечером интеллигенция и деятели культуры Тифлиса устраивали прием в нашу честь. И если вам покажется, что мы устанавливали рекорд по обжорству, вы не ошибетесь. Но то, что из нашего повествования может создаться впечатление, будто мы постоянно ели, именно так и было.

Так же как желудок от обилия еды и вин может перестать воспринимать оттенки вкуса блюд и букета вин, так и разум можно затопить впечатлениями, переполнить картинami, но без ощущения цвета и движений. А мы страдали от всего вместе -- от переедания, перепивания и избытка увиденного. Говорят, что в незнакомой стране впечатления могут остро и точно восприниматься в течение одного месяца, а после они начинают расплываться и целых пять лет не могут четко выстроиться, поэтому в стране нужно оставаться или месяц, или пять лет.

У нас было чувство, что мы уже остро не воспринимаем окружающее. И в тот вечер мы испытывали некоторый ужас перед ужином с грузинской интеллигенцией. Мы сильно устали и не хотели слушать речи, в особенности интеллектуальные. Нам не хотелось думать об искусстве, политике, экономике, международных отношениях, и, самое главное, мы не хотели есть и пить. Нам хотелось лечь в кровать и проспаться до отлета самолета. Но грузины были очень добры к нам и так приветливы, что мы знали, что необходимо пойти на прием. Это была единственная официальная просьба, с которой они к нам обратились. И нам следовало бы больше довериться грузинам и их национальному духу, потому что ужин отнюдь не превратился в то, чего мы так боялись.

Наша одежда была в ужасном состоянии. Мы не смогли

взять с собой много вещей — это просто невозможно, когда летишь самолетом, — и наши брюки не гладились с тех пор, как мы пересекли границу Советского Союза. На пиджаках оставались следы пищи. Рубашки были чистыми, но плохо отутюженными. Мы представляли собой далеко не лучшие образцы элегантной Америки. Но Капа вымыл голову, и этого должно было хватить на нас обоих. Мы счистили с пиджаков, что смогли, надели чистые рубашки и были готовы.

Нас подняли на фуникулере в большой ресторан, находящийся на вершине горы, откуда открывался вид на всю долину. Когда мы поднялись туда, уже наступил вечер, и город под нами сверкал огнями. На фоне черных кавказских вершин золотело вечернее небо.

Это был большой прием. Казалось, что стол был длиной в целую милю. Его накрыли на восемьдесят человек: здесь были грузинские танцоры, и певцы, и композиторы, и кинорежиссеры, и поэты, и писатели. Стол был уставлен цветами, красиво накрыт, а улицы сверкали внизу, под горой, как бриллиантовые. Сюда пригласили много красивых певиц и танцовщиц.

Ужин начался, как и все подобные приемы, с официальных речей, но грузинская натура, грузинский дух не могли такого стерпеть, и все это моментально разрушилось. Просто грузины не могут долго держаться в официальных рамках. Началось пение, пели соло и хором. Стали танцевать. Разливали вино. Капа не совсем грациозно станцевал своего любимого "казачка", но замечательно уже то, что он вообще смог это сделать. Может, сон дал нам второе дыхание, может, немного помогло вино, и прием продлился далеко за полночь. Я помню, как грузинский композитор поднял бокал, засмеялся и сказал:

— К черту политику!

Я помню, как пытался станцевать грузинский танец с красивой женщиной, которая оказалась величайшей в мире грузинской танцовщицей. И наконец, я помню хоровое пение на улице и то, как милиционер подошел узнать, что поют, и присоединился к хору. Даже Хмарский немного повеселел. Он был таким же чужаком в Грузии, как и мы. Рухнули языковые барьеры, разрушились национальные границы, и отпала всякая надобность в переводчиках.

Мы замечательно провели время, и прием, на который мы шли со страхом и неохотой, оказался превосходным.

На рассвете мы притащились в гостиницу. Ложиться спать не было смысла, потому что самолет должен был отправляться через несколько часов. Мы еле уложили чемоданы и каким-то образом доехали до аэропорта, но как именно — не узнаем никогда.

Мы добирались до аэропорта, как обычно, в темноте, до восхода солнца. За нами в большой машине приехали хозяева, чтобы проводить нас. Они выглядели не очень свежими, да и мы себя чувствовали не лучшим образом. Прием, длившийся всю

ночь, не прибавил нам энергии. Мы приехали в аэропорт на рассвете с багажом, камерами, пленками и пошли, как обычно, в ресторан выпить чаю и съесть печенья. Со взлетной полосы на другом конце поля парами взлетели военные самолеты и отправились на патрульное дежурство.

Г-н Хмарский устал и был несколько рассеян. С нашей стороны поля стоял большой транспортный самолет "С-47", он уже разогрелся, в него сели люди, и, когда мы спросили, наш это рейс или нет, нам ответили, что не наш. И он улетел. Через час мы снова справились о нашем самолете. Теперь оказалось, что скорее всего улетел именно наш самолет. "Кремлевский злой гений" снова приступил к работе. Мы стали горько жаловаться. Никто не сказал нам, что нужно садиться в этот самолет. Даже Хмарский был возмущен и долго и нервно переговаривался с начальником аэропорта, они много жестикулировали и использовали такие русские слова с согласными звуками, что мы и повторить не сможем. Это звучало как серия хлопушечных взрывов. Г-н Хмарский грозил, что доложит об этом инциденте куда положено, и начальник сразу погрузился. Но потом его лицо осветилось, и он сказал:

— Вы полетите спецрейсом. Он сейчас подготавливается.

Это произвело на нас впечатление и обрадовало, поскольку мы никогда в жизни никуда не летали на специальных самолетах и представили себе, как сможем растянуться на полу салона и уснуть. Самолет должен был отправиться через час. Именно столько времени понадобится, чтобы его подготовить. И опять мы вернулись в ресторан, снова выпили чаю и съели еще печенья.

Через час мы опять справились. Мотор вроде требовал небольшой доработки, и по всей вероятности, нужно было еще тридцать пять минут, прежде чем стартует наш "специальный самолет".

А тем временем наши хозяева вяли и умирали на ходу. Мы старались отправить их обратно в Тифлис, чтобы они могли поспать, но из любезности они ехать отказались. Они проводят нас в Москву. Еще два стакана чая, еще сорок пять минут, и мы опять навели справки. Кажется, сказал начальник, делегация турок, которая представляет турецкое правительство, направляется в Москву, чтобы принять участие в праздновании восьмисотлетия города. И если мы не возражаем, они собирались лететь с нами на самолете, и, если бы мы позволили, они бы тоже воспользовались нашим специальным самолетом. Мы не испытывали большой любви к турецкому правительству, но, коль скоро вопрос был поставлен так, мы не могли отказать представителям целого суверенного народа в праве лететь в Москву на нашем маленьком специальном самолете. Мы были великодушны и дали разрешение.

— Пусть садятся в самолет и летят с нами, — сказали мы.

Одна маленькая неприятность: турок на аэродроме еще не было. Они пока находились в Тифлисе и собирались выехать

оттуда только через полчаса.

Мы снова вернулись в ресторан, выпили еще по два стакана чая и съели печенья. Взошло солнце, воздух нагрелся, русский патрульный экипаж взлетал и возвращался. Нам казалось, что у нас глаза засыпаны песком, — это ощущение появляется от непреодолимой усталости. Через час мы вернулись к начальнику, и даже Хмарский к этому времени был довольно возбужден. Где турки?

Вроде бы их поезд еще не доехал до Тифлиса. Он задержался где-то в пути, и, поскольку им пообещали, что они полетят на нашем самолете, начальник считал, что не очень хорошо оставлять здесь в затруднительном положении турецкую делегацию и не подождем ли мы, скажем, еще полчаса.

Уровень чая уже достиг гортани. Но мы отправились обратно в ресторан, выпили еще по стакану, и чай уже лился из наших ртов. Хмарский уронил голову на руки, и я напомнил ему определение злых гномов и то, как он ответил, что в Советском Союзе в привидения не верят.

Я сказал:

— Господин Хмарский, верите ли вы в духов теперь?

Он поднял усталые глаза, ударил кулаком по столу и с криком помчался к начальнику.

Наши тифлисские хозяева крепко спали, сидя на корточках под деревом в саду у аэропорта. Но мы спать не могли, потому что наш самолет должен был отправиться через тридцать пять минут.

Через два с половиной часа грузовик привез багаж турок — двадцать здоровенных чемоданов, но самих турок не было. И выяснилось, что после ночной поездки на поезде турки чувствовали себя немножко усталыми, несвежими и поехали в гостиницу принять ванну, позавтракать и чуть-чуть отдохнуть. Начальник очень сожалел, но это было дело международного характера, и если бы мы не возражали против того, чтобы турки летели с нами, то мы сделали бы его самым счастливым человеком в мире и, между прочим, сохранили бы его честь и репутацию.

Мы были великодушны и на этот раз. Мы открыли одну научную истину: теперь мы совершенно точно знали, каков предел жизнеспособности человеческого организма, потому что достигли именно этого предела.

В двенадцать тридцать приехали турки. Это были толстые турки — четверо мужчин и две женщины. Мы не знали, зачем им нужно было брать двадцать огромных чемоданов на две недели. Мы подумали, что они, может, привезли с собой складной гарем. С важным видом они прошли через аэропорт, сели в самолет и почти уже закрыли дверь, как мы взяли его в осаду. У двери произошла небольшая перебранка, но в конце концов турки нас все же впустили. Выяснилось, что это был самолет совсем не наш, а турок. И это не мы разрешили им лететь с нами, а они нам разрешили лететь с ними, что совсем им было не по душе.

Мы не хотели напоминать им, что мы, американские налогоплательщики, снабжаем их долларами, чтобы сохранить демократию в их великом государстве. И единственное, чего мы хотим, — сесть в самолет и улететь к чертовой матери из Тифлиса. Г-н Хмарский к этому времени начал тихонько плакать и грозить кулаком всему, что двигалось. У него был план написать об этом случае письма во все московские газеты.

Наконец нас впустили в самолет, и турки — это были хорошо упитанные, пышные турки — уселись на своих местах, ворча от неудовольствия. Они подозрительно поглядывали на наш багаж. Надо сказать, что это были самые приятно пахнущие турки, которых мы когда-либо встречали. Каждый из них благоухал, как после двухдолларовой стрижки. И у меня есть подозрение, что, пока мы ждали в душном аэропорту, они купались в розовом масле.

Мы с трудом помахали нашим тифлисским хозяевам. Они были очень добры к нам и гостеприимны, а мы были для них большой обузой. Наш друг, водитель-кавалерист, отчаянно махал. Ничто не могло его утомить.

В самолете было душно, потому что вентиляция, как обычно, не работала, а запах розового масла был одуряющим. Самолет тяжело поднялся в воздух и стал быстро набирать высоту, чтобы перелететь через Кавказ. На горных хребтах мы видели древние крепости и укрепления.

Грузия — это волшебное место, и в тот момент, когда мы покинули его, оно стало похожим на сон. И люди здесь волшебные. На самом деле, это одно из богатейших и красивейших мест на земле, и эти люди его достойны. Теперь мы прекрасно поняли, почему русские повторяли:

— Пока вы не видели Грузию, вы не видели ничего.

Мы полетели над Черным морем и снова приземлились в Сухуми, но теперь наш экипаж купаться не пошел. Женщины, стоящие рядом и продающие фрукты, были и на этот раз, и мы купили большую коробку персиков, чтобы отвезти их в Москву корреспондентам. Мы специально выбрали твердые, чтобы все они сразу не созрели. Печально лишь то, что они не созрели вовсе. Так и сгнили в том состоянии, в каком мы их купили.

Мы пролетели над второй цепью Кавказских гор и полетели над бескрайними равнинами. Мы не приземлились в Ростове, а полетели прямо по направлению к Москве. В Москве было уже холодно, потому что зима приближалась очень быстро.

Г-н Хмарский был очень нервным человеком. На этот раз мы его почти что доконали. Даже злой гном Хмарского притомился. В аэропорту все прошло без затруднений. Нас встретили. Машина ждала, и мы добрались до Москвы безо всяких проблем. Мы были счастливы увидеть в "Савое" нашу комнату с сумасшедшей обезьяной, безумными козлами и пронзенной рыбой. Крейзи Элла подмигнула и кивнула нам, когда мы поднимались по лестнице к себе в номер, а медвежье чучело встало навытяж-

ку и отдало честь.

Капа залез в ванну со старым английским финансовым докладом, а я заснул, пока он был еще там. Насколько я понимаю, в ванной он провел всю ночь.

Глава 9

Москва пребывала в состоянии лихорадочной деятельности. Многочисленные бригады развешивали на зданиях гигантские плакаты и портреты национальных героев. По мостам протянули гирлянды электрических лампочек. Кремлевские стены, башни и даже зубцы стен тоже были украшены лампочками. Каждое общественное здание подсвечивалось прожекторами. На площадях были сооружены танцевальные площадки, а кое-где стояли маленькие киоски, похожие на сказочные русские домики, в которых собирались продавать сладости, мороженое и сувениры. К этому событию выпустили маленький значок на колодке, и все носили его.

Почти ежечасно прибывали делегации из разных стран. Автобусы и поезда были перегружены народом. Дороги были заполнены ехавшими в город людьми, которые везли не только вещи, но и еду на несколько дней. Они так часто голодали, что старались не рисковать, когда куда-нибудь ехали, и каждый вез несколько буханок хлеба. Кумач, флаги и бумажные цветы украшали каждое здание. На здании каждого наркомата* висели свои панно. Управление метрополитена выставило огромную карту Московского метро, а внизу маленький метропоезд ездил взад-вперед. Это собирало толпы, и люди допоздна глазели на него. В город въезжали вагоны и грузовики, нагруженные продовольствием, капустой, дынями, помидорами, огурцами — подарками колхозов городу на восьмисотлетие.

На каждом прохожем была какая-нибудь медаль, лента или орден, напоминающие о войне. В городе кипела деятельность.

Я поехал в бюро "Геральд трибюн" и нашел записку от Суит Джо Ньюмена. Он задержался в Стокгольме и просил меня написать для "Геральд трибюн" статью о праздновании, поскольку он к этому времени приехать не успеет.

Капа безостановочно возился со снимками, критикуя и собственную работу, и качество проявки — абсолютно все. К этому времени у него собралось уже огромное количество негативов, и он часами стоял у окна, просматривая негативы на свет и ужасно ругаясь. Все было неправильно, все было не так.

Мы позвонили в ВОКС г-ну Караганову и попросили его уточнить, что нам надо сделать, чтобы вывезти пленки из России.

* В 1946 году все народные комиссариаты СССР, союзных и автономных республик были преобразованы в министерства.

Мы думали, что, вероятно, существует какая-то цензура, и хотели узнать заранее, что необходимо будет предъявить. Он уверил нас, что сразу же все выяснит и даст нам знать.

Вечером накануне празднования нас пригласили в Большой театр, но не сказали, что там будет. По какой-то счастливой случайности мы пойти не смогли. Позже узнали, что в течение шести часов были сплошные речи, и никто не мог уйти, потому что в правительственной ложе сидели члены правительства. Это одна из самых счастливых случайностей, которая с нами приключилась.

Рестораны и кабаре были забиты людьми, и многие места были зарезервированы для делегатов, которые приехали из других республик Советского Союза и из-за границы, поэтому мы никуда не могли попасть. Между прочим, в тот вечер вообще было трудно поужинать. Город был просто забит народом. Люди медленно гуляли по улицам, останавливаясь на площадях, чтобы послушать музыку, а потом тащились дальше. Они смотрели, плелись дальше и опять глазели. Деревенские жители ходили, широко раскрыв глаза. Некоторые из них никогда раньше не бывали в городе, а такого украшенного огнями города никто не видел вообще. На площадях танцевали, но немного. Большинство людей бродили и смотрели и опять брели, чтобы посмотреть на что-то другое. В музеях было столько народу, что туда невозможно было войти. В театрах — столпотворение. Не было ни одного здания, где не висело бы хоть одно огромное изображение Сталина, а вторым по размеру был портрет Молотова. Еще были большие портреты президентов союзных республик и Героев Советского Союза, но те размером поменьше.

Поздно вечером мы пошли в гости к американскому корреспонденту в Москве, который давно живет в России. Он хорошо говорит и читает по-русски и рассказал нам множество историй о трудностях содержания дома в сегодняшней России. Как и в гостиничном обслуживании, многие проблемы возникают из-за неэффективности бюрократической системы — такое количество записей и бухгалтерии делает абсолютно невозможным произвести какой-либо ремонт.

После ужина он снял с полки книгу.

— Я хочу, чтобы вы послушали вот это, — сказал он и стал медленно читать, переводя с русского. Читал он приблизительно следующее — это не дословно, но достаточно точная запись:

”Русские в Москве очень подозрительно относятся к иностранцам, за которыми постоянно следит тайная полиция. Каждый шаг становится известен, и о нем докладывают в центральный штаб. К каждому иностранцу приставлен агент. Кроме того, русские не принимают иностранцев у себя дома и даже боятся, кажется, с ними разговаривать. Письмо, посланное члену правительства, обычно остается без ответа, на последующие письма тоже не отвечают. Если же человек назойлив, ему говорят, что официальное лицо уехало из города или болеет. Иностранцы с

большими трудностями получают разрешение поехать по России, и во время путешествий за ними пристально наблюдают. Из-за этой всеобщей холодности и подозрительности приезжающие в Москву иностранцы вынуждены общаться исключительно друг с другом”.

Здесь было еще много интересного в этом же роде, и в конце наш друг взглянул на нас и спросил:

— Что вы об этом думаете?

Мы ответили:

— Мы не думали, что это можно протащить через цензуру.

Он засмеялся.

— Это было написано в 1634 году. Это из книги, которая называется “Путешествие в Московию, Татарию и Персию”, написанной Адамом Олеарием*, — сказал он. — А вот послушайте отчет о московской конференции.

Из другой книги он прочитал приблизительно следующее:

”С русскими очень трудно вести дипломатию. Если кто-то предлагает план, они противопоставляют ему другой план. Их дипломаты не ездят по другим странам, и в основном это люди, которые никогда не покидали Россию. На самом деле, русский, который жил во Франции, считается французом, а тот, кто жил в Германии, считается немцем, и им на родине не очень-то доверяют.

Русские дипломаты никогда не действуют напрямую. Они никогда не говорят конкретно, а ходят вокруг да около. Слова подбираются, сортируются, меняются местами, и наконец любая конференция превращается во всеобщую путаницу”.

После паузы он сказал:

— А это было написано в 1661 году французским дипломатом Августином, бароном де Майербургом. Такие вещи в подобной ситуации очень успокаивают. Я не думаю, что в некотором отношении Россия очень изменилась. Послы и дипломаты из разных стран в течение шестисот лет сходили здесь с ума.

Довольно поздно вечером наш хозяин попытался довезти нас до гостиницы, но на полдороге в машине кончился бензин. Он вышел из машины и остановил первый же автомобиль, быстро поговорил о чем-то по-русски, дал человеку сто рублей, мы сели в машину, и незнакомец довез нас до дому. Мы выяснили, что так можно делать почти всегда. Поздно вечером почти любая машина становится такси по дорогой цене. Это очень удобно, потому что обыкновенных такси практически нет. Обычно таксист выбирает маршрут и набивает в машину народ. Вы должны сказать, куда вам надо, и таксист ответит, едет он в этом направлении или нет. Их работа немного напоминает работу трамваев.

В добавление ко всем украшениям на празднование юбилея было выпущено очень много нового оборудования. Новые

* Олеарий (1603 — 1671 гг.) — немецкий путешественник. Бывал в России в 30-е годы XVII в. Автор “Описания путешествия в Московию...”.

большие трамваи, троллейбусы — все это появилось во время празднования на улицах. Автомобильный завод ЗИС выпустил много новых машин, которые почти все обслуживали большие делегации из зарубежных стран.

Хотя было только 6 сентября, в Москве становилось очень холодно. Наша комната промерзала, но отопление должны были включить не раньше, чем через месяц. Когда мы не спали, то расхаживали в пальто. Другие корреспонденты в гостинице "Метрополь" распаковывали свои электронагреватели, спрятанные на лето.

В день празднования Капа уже носился по улицам со своими камерами почти с рассвета. С ним был русский фотограф, который мог облегчить ему передвижение по городу и объяснить, если придется, полицейским, что все в порядке. А на Красной площади к нему приставили милиционера для помощи и предотвращения неприятностей. Он фотографировал здания, выставки, толпы, лица, группы гуляющих людей и был настолько счастлив, насколько это было возможно во время работы.

На тротуарах многих улиц были устроены небольшие кафе, одно прямо напротив нашей гостиницы: два маленьких столика, накрытых белыми скатертями, вазы с цветами, большой самовар и застекленный прилавок с небольшими бутербродами (открытые бутерброды с сыром и колбасой), банки с соленьями, маленькие груши и яблоки.

День стоял ясный и холодный. По улицам шествовали слоны из зоопарка, а перед ними шли клоуны. На этот день не намечалось никакого военного парада, но на стадионе должно было состояться большое шоу, куда мы днем и отправились.

Это было массовое выступление заводских рабочих в ярких костюмах. Они маршировали и делали гимнастические упражнения. Они делали фигуры на поле. Были состязания в беге для женщин и мужчин, толкание ядра и волейбол. А еще показали прекрасно выдрессированных лошадей, которые танцевали вальс, польку, кланялись и делали пируэты.

Здесь находилось какое-то важное правительственное лицо, но, кто бы это ни был, мы его не видели, потому что правительственная ложа была как раз на нашей стороне стадиона. Мы почти что установили рекорд: за все время, что мы были в России, мы не увидели ни одного высокопоставленного чиновника. Сталин, который отдыхал на Черном море, на торжество не приехал.

Шоу на стадионе длилось весь день. Здесь прошло и выступление велосипедистов, и гонки мотоциклов, и, наконец, выступление, которое требовало большой подготовки. По дорожке ехала вереница мотоциклов. Впереди сидел мотоциклист, а сзади на каждом мотоцикле стояла девушка в облегающем костюме и держала огромный красный флаг, поэтому, когда мотоцикл разгонялся до полной скорости, большой флаг развевался. Кавалькада проехала по кругу стадиона дважды, и это стало

заключительным номером программы.

Мы покинули стадион "Динамо", поскольку мне еще надо было написать статью в "Трибюн" для Джо Ньюмена, а Капе снова отправиться на улицы, чтобы немножко пощелкать. На полпути у нас лопнула шина, и нам пришлось пойти пешком. Капа затерялся в толпе, и увидел я его очень не скоро. А я наконец добрался до бюро "Трибюн", написал свой материал и отправил цензору.

Вечером мы обедали с Арагонами, которые остановились в гостинице "Националь". У них была комната с балконом, который выходил на огромную площадь около Кремля. Отсюда мы наблюдали салют. Площадь была одной сплошной массой народа. Наверное, здесь были миллионы людей,двигающихся по кругу всей площади, как в водовороте. В центре площади стояло возвышение, где выступали ораторы, играла музыка, где танцевали и пели. Единственное место, где мы еще видели такое скопление народа, — Таймс-сквер во время празднования Нового года.

Была уже глубокая ночь, когда мы еле пробились сквозь толпу обратно в гостиницу. Но еще многие сотни тысяч людей бродили по улицам, глядели на огни и электрический панно.

Я пошел спать, а Капа отложил в стобону сотни своих катушек с пленкой, достал негативы и, когда я лег спать, все еще просматривал их на свет, отчаянно ругаясь, что все сделано плохо. Он обнаружил, что одна из камер, которую он все время использовал, немного засвечивала пленку, и подумал, что его пленки, вероятно, испорчены. Это не сделало его счастливым человеком, и я так пожалел его, что решил не задавать ему завтра утром ни одного интеллектуального вопроса.

У нас уже оставалось очень мало времени. Но было еще много того, что мы хотели бы сделать. Мы хотели встретиться с русскими писателями, которых, когда мы только приехали, не было в городе — кто на Черном море, кто в Ленинграде, кто за городом. Еще мы хотели сходить в театр на балет, посетить балетную школу. Капе нужно было сделать много снимков. Каждый день или через день мы звонили в ВОКС и спрашивали, прояснилось ли что-нибудь с нашими снимками, поскольку это стало уже нас беспокоить. Мы не могли получить никакой информации о том, что нам придется делать с фотографиями, но знали, что необходимо будет писать какое-то заявление. К нам не поступало никакой информации, за исключением того, что вопрос решается. А тем временем ящики в нашей комнате наполнялись кассетами и лентами проявленной пленки.

Наступила поздняя осень, и быстро приближалась зима. Под Москвой на полях лежала голубая дымка, и люди повсюду копали картофель и собирали капусту.

Постепенно в наши с Капой отношения прокрадывалось отчуждение, потому что в нашей комнате появился какой-то запах, и каждому из нас казалось, что это запах не совсем чистой

одежды. Но мы считали себя опрятными, очень часто мылись, регулярно отправляли в стирку белье, и, несмотря ни на что, этот запах усиливался. Мы стали подозрительно смотреть друг на друга и делать пренебрежительные замечания. Вонь становилась все хуже и хуже. Нам пришлось держать окно открытым. Только на третий день мы выяснили, что это было. Генерал Макон подарил нам несколько баночек с ДДТ, и у одной банки была неплотно привернута крышка, из-за чего в комнате слегка чувствовался душок. И поскольку такого запаха мы не ожидали, то грешили друг на друга. Запах аэрозоля, когда знаешь, что это такое, довольно приятный и свежий, но если не знаешь, что это такое, то он просто отвратителен. Мы очень обрадовались, когда обнаружили источник зла, и вскоре комната вновь обрела свою прелесть.

Вечером после празднования Эд Гилмор, который со временем простил Капу за то, что тот украл у него Эллери Куина, пригласил нас на ужин. Его жена была не только красавицей, но и прекрасной кулинаркой. Мы провели вечер в счастливом, сытом, слегка алкогольном декадентстве, потому что у Эда Гилмора было несколько только что присланных из Америки записей свинга. Мы пили мартини и ели маленькие хрустящие пирожки, а поздно ночью даже немного потанцевали. Это был хороший вечер, и мы воздаем должное Эду Гилмору за то, что он сумел простить преступление Капы. На следующий день из Стокгольма вернулся Суит Джо Ньюмен с изящными подарками. Он привез авторучку, несколько зажигалок, сигареты, кое-какие деликатесы в консервах, несколько бутылок шотландского виски и чемодан, полный туалетной бумаги. Было очень приятно, что он вернулся.

Москва вступала в зиму. Открывались театры, должны были начаться балетные представления, в магазинах стали продавать толстую, подбитую ватой одежду и войлочную обувь специально для зимы. На улицах стали появляться дети в шапках-ушанках и в пальто из плотной ткани с меховыми воротниками. В американском посольстве электрики деятельно меняли проводку во всем здании. Прошлой зимой проводка перегорела, и без привычных электронагревателей всему посольскому составу пришлось работать в пальто.

Мы были приглашены на ужин в дом, где жили пятеро молодых американских офицеров из военного атташата. Это был очень славный ужин, но живут они здесь не очень хорошо, потому что даже более, чем другие, ограничены в передвижениях, да и вести себя должны осторожнее других. Я допускаю, что за русским военным атташе в Америке тоже довольно пристально следят. Перед их домом постоянно стоит милиционер в форме, и всякий раз, когда они выходят из дому, их сопровождают невидимые преследователи.

Мы сели ужинать с американскими офицерами в приятном доме и ели американскую еду: баранью ногу с зеленым горош-

ком, вкусный суп, салат, мелкое печенье и черный кофе. И мы представили, как четыреста лет назад, может, в таком же, как этот, доме сидели над своим портвейном британские и французские офицеры в красных с золотом мундирах, в то время как снаружи перед воротами их охранял русский стражник со шлемом на голове и с пикой в руке. Все это, кажется, не очень изменилось с тех пор.

Мы, как и все туристы, съездили в маленький городок Клин, который находится в семидесяти километрах от Москвы, чтобы посетить Дом Чайковского. Этот красивый дом стоит в большом саду. В нижних этажах сейчас расположена библиотека, архив музыкальных рукописей и музей. Но верхний этаж, где композитор жил, оставлен, каким он был раньше. В его спальне все так же, как было при хозяине: рядом с узкой железной кроватью висит широкий халат, около самого окна — небольшой письменный стол. В углу — богато украшенный туалетный столик и задрапированное кашмирским платком зеркало, подаренное ему поклонницей; на нем все еще стоит флакон со средством для укрепления волос. И его гостиная с большим фортепиано, единственным, которое у него было, тоже не изменилась. В вазочке на его письменном столе стоят маленькие сигары, трубки и огрызки карандашей. На стенах висят семейные фотографии, а на маленькой застекленной веранде, где он пил чай, — чистый лист нотной бумаги. Хранителем музея является его племянник — красивый уже пожилой человек.

Он сказал:

— Мы хотим в Доме Чайковского все сделать так, чтобы казалось, будто он только что вышел погулять и скоро вернется.

Этот старик живет в основном в прошлом. Он говорил о музыкальных гигантах так, словно все они живы, — о Мусоргском, Римском-Корсакове, Чайковском и об остальных великих композиторах. И действительно, в доме очень чувствовалось присутствие композитора. Фортепиано настраивается, и раз в году на нем играют. Играет на нем самый лучший пианист, а музыку записывают на пленку. Племянник, г-н Чайковский, сыграл немного для нас; звук пианино был густой, инструмент был немножко расстроен.

В библиотеке мы посмотрели рукописи. Ноты нацарапаны на бумаге, с большой поспешностью пересекают нотные линейки, а целые куски просто перечеркнуты. На некоторых страницах оставлено только восемь тактов, остальное же вычеркнуто карандашом. После мы взглянули на рукописи других композиторов — аккуратно написаны чернилами, и ни одна нота не зачеркнута. Но Чайковский писал так, как будто каждый день, каждая нота могли оказаться последними. Он спешил записать свою музыку.

Позже мы сели в саду со стариком поговорить о современных композиторах, и он с грустью сказал:

— Люди компетентные — да, хорошие ремесленники — да,

честные и интеллигентные — да, но не гении, не гении. — И он посмотрел вниз на вытянувшийся в длину сад, где каждый день, зимой и летом, гулял Чайковский, после того как кончал работу.

В этот приятный дом пришли немцы и сделали из него гараж, а в саду разместили танки. Но племянник успел до прихода немцев убрать ценные рукописи и библиотеку, спрятал картины и даже фортепиано. А теперь все возвращено в это удивительное место, и сюда часто приезжают люди. Из окна домика хранителя слышались звуки фортепиано — фальшиво и неловко играл ребенок, и странное и страстное одиночество одержимого маленького человечка, жившего исключительно для музыки, наполнило сад.

У нас оставалось очень мало времени. Мы были издерганы. Мы бросались от одного к другому, стараясь увидеть все за несколько последних дней. Мы посетили Московский университет, и студенты были похожи на наших. Они собирались в залах, смеялись, носились из аудитории в аудиторию. Они ходили парами, юноша и девушка, как ходят и наши. Во время войны в университет попали бомбы, но студенты восстановили его, пока шла война, поэтому он не закрывался.

Начались балетные спектакли, и мы ходили их смотреть почти каждый вечер — это был самый замечательный балет, который мы только видели. Спектакль начинался в 7.30 и продолжался до начала двенадцатого. В нем принимало участие огромное количество действующих лиц. Коммерческий театр не может себе позволить содержать такой балет. Такое исполнение, выучку, декорации и музыку нужно субсидировать, иначе они не могут существовать. Окупить подобную постановку продажей билетов просто невозможно.

А еще мы пошли в Московский Художественный театр на пьесу Симонова "Русский вопрос". Может, мы допустили ошибку, посмотрев эту пьесу, может, это был не лучший спектакль. На наш взгляд, она была переиграна, слишком многозначительна, нереальна и стилизована, одним словом, — дешевка. То, как был изображен американский издатель, могло бы у американской публики вызвать лишь истерический хохот, а русское представление об американском газетчике было чуть менее фантастично, чем у Бена Хекта. Но пьеса имела невероятный успех. И представление, которое она давала об американском журнализме, воспринималось почти всей публикой как абсолютная правда. Жаль, что из-за того, что у нас не было времени, мы не смогли посмотреть другие пьесы в других театрах, чтобы понять, существует ли такое искажение везде. Мы можем только заявить, что по нью-йоркским критериям "Русский вопрос" отнюдь не хорош.

Симонов является, без сомнения, сегодня самым популярным писателем в Советском Союзе. Его стихи все читают и знают наизусть. Его военные репортажи читали так же, как репортажи

Эрни Пайла в Америке. А сам Симонов очень милый человек. Он пригласил нас к себе в загородный дом — простой удобный маленький домик посреди большого сада. Здесь он спокойно живет со своей женой. В доме нет никакой роскоши, все очень просто. Нас угостили отличным обедом. Ему нравятся хорошие машины, у него есть "кадиллак" и джип. Овощи, фрукты и птица поступают на стол из его собственного хозяйства. По всей видимости, он ведет хорошую, простую и удобную ему жизнь. Конечно же в силу того, что он очень популярен, у него есть и враги. Он любимец правительства, его много раз награждали, и вообще русские любят его.

Он и его жена были очень милы и добры. Они нам очень понравились. Как и у всех профессионалов, то, что мы раскритиковали его пьесу, не вызвало у него чувства, что его лично оскорбили. А потом мы метали дротики, танцевали и пели. В Москву мы вернулись очень поздно.

Москва все еще была в состоянии беспокойной деятельности, ведь до того, как пойдут дожди, необходимо снять все эти огромные портреты, флаги и полотнища, иначе потекла бы краска. Они должны были понадобиться снова на празднование тридцатой годовщины Октябрьской революции. Это знаменательный год праздников для Москвы. На зданиях, Кремле и мостах лампочки были оставлены, поскольку дождь их повредить не мог, и потом, на Седьмое ноября, они будут опять включены.

Мы хотели посмотреть внутреннее убранство Кремля, это всякому интересно, нам даже хотелось пофотографировать там, и наконец получили разрешение на посещение, однако снимать внутри Кремля было запрещено. Ни фотографировать, ни проносить камеры. У нас было не специальное посещение, а обыкновенная экскурсия. Однако это было то, что нужно.

Нашим гидом был снова г-н Хмарский, и очень странно, что и сам Хмарский никогда не бывал внутри Кремля — разрешение не так легко получить.

Мы подошли к длинной мощеной дороге. У входа стояли солдаты. У нас спросили имена, тщательно проверили пропуска, потом зазвенел звонок, и в сопровождении людей в форме нас провели через ворота. Мы пошли не на ту сторону, где расположены государственные учреждения, а вышли на большую площадь, миновали древние соборы и через музеи попали в гигантский дворец, в котором жило много царей, начиная с Ивана Грозного. Мы побывали в крошечной спальне, где спал Иван, в маленьких комнатах с задерживающимися занавесками, в царскиж часовнях. Все очень красиво, странно, древне и сохраняется в том виде, в каком было раньше. Мы видели музей, где выставлены доспехи, металлическая посуда, оружие, фарфоровые сервизы, костюмы и царские подарки, — все собранное за пятьсот лет хранится здесь. Мы видели огромные короны, усыпанные бриллиантами и изумрудами, большие сани Екатерины Великой. Мы видели меховые одежды и удивительное оружие бояр. Здесь

же и подарки, присланные царям из других королевских домов: огромная серебряная собака от королевы Елизаветы, подарки Екатерине от Фридриха — изделия из немецкого серебра и фарфора и памятное оружие, все эти невероятные аксессуары монархии.

После этого посещения нам стало ясно, что для королевской семьи плохой вкус не только не является нежелательным, он просто необходим.

Мы видели расписной зал воинов Ивана, куда не разрешалось входить ни одной женщине. Мы прошли целые мили по царским лестницам и заглянули в огромные зеркальные залы. И мы видели апартаменты, где жил с большими неудобствами последний царь с семьей, — комнаты, перегруженные мебелью, безделушками, мрачным полированным деревом. Ребенок, которому приходится расти и жить среди этой чудовищной коллекции абсурда, может превратиться в определенный тип взрослого. Легче представить себе характер царевичей после того, как вообразишь, что за жизнь у них была среди всего этого хлама. Если маленький царевич хотел ружье, мог ли он получить винтовку двадцать второго калибра? Нет, ему дали бы маленький серебряный мушкетон ручной работы с инкрустацией из слоновой кости и драгоценных камней — анахронизм двадцатого века. И он не мог охотиться на зайцев, его усадили бы на лужайке и к нему подгоняли бы лебедей, в которых он бы стрелял.

У нас настолько испортилось настроение за два часа в этом царском жилье, что весь день мы не могли прийти в себя. А если всю жизнь тут провести! Во всяком случае мы рады тому, что побывали там, но больше нас туда и силой не затащить. Самое мрачное место в мире. Проходя по этим залам и лестницам, нетрудно себе представить, как легко решиться здесь на убийство, как отец мог убить сына, а сын — отца и как реальная жизнь за пределами дворца становилась такой отдаленной, что казалась несуществующей. Из дворцовых окон мы видели город за стенами Кремля и могли себе представить, что чувствовали по отношению к городу заключенные во дворце монархи. Прямо под нами на Красной площади стояло большое мраморное возвышение, где обычно рубили головы подданным, скорее всего из страха перед ними. Мы спустились по длинной наклонной дороге и, чувствуя облегчение, вышли через хорошо охраняемые ворота.

Мы сбежали из этого места в бюро "Геральд трибюн" в гостинице "Метрополь"; схватили Суит Джо Ньюмена и отправились в кабаре, заказали большой обед и четыреста граммов водки. Но еще не скоро мы оправились от чувства, которое осталось у нас от посещения Кремля.

Мы не видели государственных учреждений, которые расположены на другой стороне. Сюда никогда не водят туристов, мы не знаем, как все это выглядит, видели только крыши зданий за стеной. Но нам сказали, что там обитает целая община. Здесь

находятся квартиры некоторых высших государственных чиновников и обслуживающего персонала, ремонтных бригад и охраны. Однако Сталин, как нам сказали, в Кремле не живет, но у него где-то здесь есть квартира, хотя никто не знает, где она, и никто особо не стремится узнать. Говорят, что теперь большую часть времени он проводит на Черном море, там, где всегда лето.

Один из американских корреспондентов рассказал, что однажды видел, как Сталина везли по улицам и что он сидел на откидном сиденье, довольно неловко откинувшись назад, и выглядел при этом очень неестественно.

— Я все время думал, — сказал он, — был ли это сам Сталин или чучело. Он выглядел очень ненатурально.

Каждое утро Капа перебирал свои пленки, и почти каждый день мы звонили в ВОКС, чтобы спросить, как мы сможем вывезти пленки, но нам ежедневно отвечали, что вопрос прорабатывается и чтобы мы не волновались. Но мы волновались, потому что слышались всяких историй о том, как фотопленки конфисковывают и что ни одну не разрешают вывезти. Мы слышали об этом и, мне кажется, подсознательно этому верили. С другой стороны, г-н Караганов из ВОКСа еще ни разу нас не подводил и ни разу не сказал нам неправду. Поэтому мы полагались на него.

Теперь нас приглашал на ужин московский Союз писателей, и это беспокоило нас, поскольку там должна была быть вся интеллигенция, все писатели, кого Сталин называл "инженерами человеческих душ". Перспектива ужасала нас.

Наше путешествие почти закончилось, и мы чувствовали некоторую напряженность. Мы не знали, есть ли у нас все то, за чем мы сюда приехали. С другой стороны — всего не осмотреть. Языковые трудности доводили нас до безумия. Мы общались со многими русскими, но получили ли мы ответы на те вопросы, которые действительно нас интересовали? Я записывал все разговоры, детали, даже сообщения о погоде, чтобы выбрать потом необходимое. Но нам недоставало дистанции. Мы сами не понимали, что у нас в руках. Мы не знали ничего такого, о чем вопили американские газеты: военные приготовления русских, атомные исследования, рабский труд, политическое надувательство, которым занимается Кремль, — подобной информации у нас не было. Действительно, мы видели множество немецких пленных за работой по расчистке развалин, которые сотворила их же армия, но нам эти работы не показались несправедливыми. Да и сами пленные не выглядели недокормленными и очень измученными. Но фактов у нас, конечно, не было. Если и велись крупные военные приготовления, мы их не видели. Солдат действительно было много. С другой стороны, мы не шпионить приехали.

Напоследок мы старались увидеть в Москве все, что можно. Мы бегали по школам, разговаривали с деловыми женщинами,

актрисами, студентами. Мы ходили в магазины с большими очередями. Вывешивался список грампластинок, тут же выстраивалась очередь, и пластинки распродавались за несколько часов. То же происходило, когда в продажу поступала новая книга. Нам показалось, что даже за те два месяца, что мы здесь были, люди стали лучше одеваться, а московские газеты объявили понижение цен на хлеб, овощи, картофель и некоторые ткани. В магазинах все время было столпотворение, покупали почти все, что предлагалось. Русская экономика, которая почти полностью производила военную продукцию, теперь постепенно переходила на мирную, и народ, который был лишен потребительских товаров — как необходимых, так и предметов роскоши, — теперь стоял за ними в магазинах. Когда завозили мороженое, выстраивалась очередь на много кварталов. Продавца мороженого моментально окружали, и его товар распродавался так быстро, что он не успевал брать деньги. Русские любят мороженое, и его всегда недостает.

Ежедневно Капа наводил справки о фотоснимках. К этому времени у него уже было четыре тысячи негативов, и своим волнением он довел себя почти до истощения. Каждый день нам отвечали, что все будет хорошо, что решение этого вопроса уже близко.

Ужин, на который нас пригласили московские писатели, проходил в грузинском ресторане. Там было около тридцати писателей и официальных лиц Союза, и среди них — Симонов и Илья Эренбург. К этому времени я уже совсем не мог пить водку. Мой организм взбунтовался против нее. Но сухие грузинские вина были прекрасны. У каждого сорта был свой номер. Мы узнали, что номер шестьдесят — это крепленое красное, а номер тридцать — легкое белое. Эти номера неверны, однако мы нашли, что нам подходит номер сорок пять — сухое, легкое красное вино с замечательным букетом, и мы все время заказывали его. Еще было сравнительно неплохое сухое шампанское. В ресторане играл грузинский оркестр и выступали танцовщики, а еда — такая же, как в Грузии, — на наш вкус, самая лучшая в России.

Мы были одеты в лучшие костюмы, которые выглядели довольно неряшливо и потрепанно. На самом деле, это был просто позор, и Суит Лане было за нас даже немного стыдно. У нас не было вечерних костюмов. Действительно, в тех кругах, где мы вращались, мы никогда не видели вечерних костюмов. Может, они есть у дипломатов, не знаем.

Речи за этим застольем были длинными и сложными. Большинство приглашенных знали помимо русского другие языки — английский, французский или немецкий. Они выразили надежду, что нам понравилась поездка по их стране. Они надеялись также, что мы собрали необходимую информацию, за которой приехали. Они снова и снова пили за наше здоровье. Мы ответили, что приехали не инспектировать политическую систему, а посмотреть

на простых русских людей и что мы их видели и надеемся, что сможем объективно сказать правду обо всем. Эренбург встал и сказал, что, если нам удастся это сделать, они будут просто в восторге. Человек, который сидел с края стола, встал потом и заявил, что существует несколько видов правды и что мы должны предложить такую правду, которая способствовала бы развитию добрых отношений между русским и американским народами.

Тут и началась битва. Вскочил Эренбург и произнес яростную речь. Он заявил, что указывать писателю, что писать, — оскорбление. Он сказал, что если у писателя репутация правдивого человека, то он не нуждается ни в каких советах. Он погрозил своему коллеге и обратил внимание на его плохие манеры. Эренбурга мгновенно поддержал Симонов и выступил против первого оратора, который пытался хоть как-то отбиться. Г-н Хмарский попытался произнести речь, но спор продолжался, и Хмарского не слушали. Нам всегда внушали, что партийная линия настолько непоколебима, что среди писателей не может быть никаких расхождений. Атмосфера этого ужина показала нам, что это совсем не так. Г-н Караганов произнес примирительную речь, и все улеглось.

То, что я не пил водку, а заменил ее вином, сильно успокоило мой желудок. Хотя меня, может, и посчитали слабаком, но зато я был слабаком на пути к выздоровлению. Просто водка со мной не ужилась. Ужин завершился на хорошей ноте около одиннадцати вечера. Никто больше не рискнул советовать, что нам следует писать.

Места на наш рейс были забронированы. Нам предстояло лететь через три дня, но в отношении снимков ничего еще не было ясно. Капа превратился в ходячее страдание. Сотрудники американского посольства и иностранные корреспонденты были так добры к нам, что мы решили устроить коктейль. Одним из нескольких, кто имел квартиру в Москве, был бедный Стивенс из "Крисчен сайенс монитор". Остальные жили в гостиницах. Поэтому Стивенса и выбрали, чтобы устроить у него вечеринку. Если бы он и захотел от нас отбиться, у него бы ничего не вышло. Мы составили список гостей, по которому надо было пригласить по меньшей мере сотню человек, а в гостиной Стивенса удобно могли разместиться двадцать. Но сделать ничего было нельзя. Мы решили, что кто-нибудь, возможно, и не придет; не тут-то было. Пришло сто пятьдесят человек. Приемы — весьма желанная вещь в Москве. Все очень веселились, хотя выпивки было немного. В комнату набилось столько народу, что с трудом можно было поднести руку ко рту, а если уж поднес, то опустить уже невозможно.

А самому Стивенсу так и не удалось поглядеть, как проходит его вечеринка: довольно скоро его зажали в угол, и он уже не смог оттуда выбраться.

Мы глубоко благодарны сотрудникам посольства и журна-

листам. Они помогали и поддерживали нас, как только могли. И мы думаем, что они хорошо работают в сложных и трудных условиях. Прежде всего они не теряют голову, как это происходит со многими людьми в мире. Это, вероятно, одно из самых трудных местопребываний для дипломатов в мире. Мы благодарим всех, от посла до электрика, который налаживал в посольстве проводку.

Мы должны были уезжать в воскресенье утром. Вечером в пятницу мы пошли в Большой театр на балет. Когда мы вернулись, раздался неожиданный телефонный звонок. Это был Карганов из ВОКСа. Наконец-то он получил указание из Министерства иностранных дел. Пленки необходимо было проявить и каждую внимательно просмотреть, прежде чем их можно будет вывезти из страны. Он мог бы выделить целую группу специалистов, чтобы их проявить — три тысячи снимков. Интересно, как это можно было бы сделать в такое короткое время. Никто же не знал, что пленки уже проявлены. Капа упаковал все свои негативы, и рано поутру за ними пришел человек. Капа промаялся весь день. Он шагал взад-вперед по комнате и кудачтал, как клуша, которая потеряла цыплят. Он строил планы: из страны он не выедет, пока ему не вернут пленки. Он откажется от билета. Он не согласится, чтобы ему прислали пленки позже. Он ворчал и ходил по комнате. Он дважды или трижды вымыл голову, но совсем забыл принять ванну. Он мог бы родить ребенка при затрате даже половины сил и страданий. Мои записи никто не попросил. Да и попросили бы — какая разница, никто бы их не прочитал. Я сам с трудом разбираю свой почерк.

Весь день мы провели по гостям, щедро раздавая обещания прислать разным людям разные необходимые вещи. Мы думаем, что Суит Джо было грустно расставаться с нами. Мы таскали у него сигареты и книги, носили его одежду, пользовались его мылом и туалетной бумагой, надругались над его скудным запасом виски, всячески злоупотребляли его гостеприимством, и все-таки мы думаем, что он сожалел, что мы уезжаем.

Половину времени Капа составлял планы "контрреволюции" на тот случай, если что-нибудь случится с его пленками, в оставшееся время обдумывал варианты самоубийства. Его интересовало, сможет ли он сам себе отрубить голову на предназначенном для этого месте на Красной площади. Этим вечером у нас был довольно грустный ужин в "Гранд-отеле". Музыка играла громче обычного, барменша, которую мы прозвали мисс Сейчас, была неповоротливей обычного.

Было еще темно, когда мы проснулись, чтобы ехать в последний раз в аэропорт. И последний раз мы сели под портретом Сталина, и нам показалось, что он сатирически посмеивается над своими медалями. Мы выпили наш дежурный чай, и Капу начало трясти. А потом пришел человек и передал в его собственные руки коробку. Это была коробка из плотного картона, перевязанная веревкой, а на узлах были маленькие свинцовые печати.

Ему нельзя было распечатывать коробку, прежде чем мы минувем Киев — нашу последнюю перед Прагой остановку.

Нас провожали Караганов, Хмарский, Суит Лана и Суит Джо Ньюмен. Наш багаж был намного легче, чем раньше, потому что мы раздали все, что было лишнего, — костюмы, пиджаки, некоторые камеры, все оставшиеся вспышки и неотснятые пленки. Мы залезли в самолет и заняли свои места. До Киева было четыре часа лета. Капа держал коробку в руках, но открыть не смел. Если сломать печати, ее не пропустят. Он прикинул на руке, сколько она весит. "Легкая, — жалким голосом произнес он. — Там лишь половина пленок".

Я предположил: "Может, они туда камней наложили, а пленок там и вовсе нет". Он потряс коробку. "Похоже, что это пленки", — сказал он. "А может, старые газеты?" спросил я. "А ты — сукин сын", — заметил он. И стал спорить сам с собой: "Что они хотели изъять? Ведь там же нет ничего плохого". "Может, им просто не нравится, как Капа снимает", — предположил я.

Самолет летел над огромными равнинами, лесами, полями и серебристой извилистой речкой. День был прекрасный, и близко над землей висела голубая осенняя дымка. Стюардесса отнесла экипажу лимонад, вернулась и откупорила бутылку себе.

В полдень мы приземлились в Киеве. Таможенник весьма поверхностно осмотрел наш багаж, но коробку с пленками схватил. Он был явно предупрежден. Таможенник разрезал веревки, — Капа все время смотрел на него, как овца перед закланием. Потом таможенник улыбнулся, пожал нам руки, вышел, дверь закрылась, и заработали моторы. Когда Капа вскрывал кобобку, у него тряслись руки. Вроде бы все пленки были на месте. Он улыбнулся, откинулся назад и заснул прежде, чем самолет поднялся в воздух. Кое-какие негативы забрали, но немного. Они вынули пленки, на которых было много видов сверху, также исчезли фотография безумной девочки из Сталинграда и снимки пленных, но не взяли ничего, что нам казалось важным. Фермы и лица, фотографии русских людей — все это было здесь, именно за этим мы сюда и ехали.

Самолет пересек границу, в первой половине дня мы приземлились в Праге, и мне пришлось будить Капу.

Ну вот и все. Это о том, за чем мы поехали. Мы увидели, как и предполагали, что русские люди — тоже люди и, как и все остальные, они очень хорошие. Те, с кем мы встречались, ненавидят войну, они стремятся к тому, чего хотят все люди, — жить хорошо, с большими удобствами, в безопасности и мире.

Мы знаем, что этот дневник не удовлетворит ни фанатично настроенных левых, ни не принадлежащих ни к какому классу правых. Первые скажут, что он антирусский, вторые — что он прорусский. Конечно, эти записи несколько поверхностны, а как же иначе? Мы не делаем никаких выводов, кроме того, что русские люди такие же, как и все другие люди на земле. Безусловно, найдутся среди них плохие, но хороших намного больше.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
<i>Глава 1</i>	8
<i>Глава 2</i>	12
<i>Глава 3</i>	18
<i>Глава 4</i>	40
<i>Глава 5</i>	53
<i>Глава 6</i>	77
<i>Глава 7</i>	96
<i>Глава 8</i>	104
<i>Глава 9</i>	129

Научно-художественная

Джон Стейнбек

Русский дневник

Редактор *З. В. Макарова*

Младший редактор *Т. М. Найденова*

Оформление художника *А. А. Пчелкина*

Художественный редактор *Н. В. Илларионова*

Технический редактор *О. А. Барабанова*

Корректор *Л. С. Зубченко*

Оператор наборно-печатающего автомата *Т. Ю. Торбина*

ИБ № 3953

Набор текста произведен в издательстве «Мысль» на наборно-печатающем автомате. Подписано в печать 15.05.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура Пресс-Роман. Офсетная печать. Усл. печатных листов 7,56. Усл. кр.оттисков 8,22. Учетно-издательских листов 10,26. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1183. Цена 3 руб.

Издательство "Мысль". 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект. 15.

Типография издательства "Калининградская правда", 236000, Калининград, обл., ул. Карла Маркса, 18.

Русский дневник

Книга известного американского писателя Джона Стейнбека "Русский дневник" написана в 1947 году, после его путешествия по Советскому Союзу вместе с фотографом Р.Капой. Свою цель автор видел в следующем: "Это будет просто честный репортаж без комментариев, без выводов о том, что мы недостаточно хорошо знаем, и без раздражения на бюрократические препоны. Мы условились о следующем: не лезть на рожон и постараться, с одной стороны, не очень хвалить русских, с другой — не слишком их критиковать. А если и будем что-то критиковать, то лишь после того, как сами это увидим, а не до того".

